

Филипп Ванденберг

СИКСТИНСКИЙ ЗАГОВОР

*Истина, которую
не следует знать,
иначе.....*

Annotation

Действительно ли Иисус воскрес? Долгие века эту тайну хранила святая святых Ватикана – Сикстинская капелла. При ее реставрации на фресках Микеланджело обнаружен загадочный шифр – анаграмма имени известного каббалиста Абулафии...

Кардинал Еллинек начинает собственное расследование – и череда странных и страшных событий ведет его к ужасной правде...

В этой книге вы не встретите женских персонажей и любовных интриг. Однако очевидно, что роман может быть захватывающим и без них.

- [Филипп Ванденберг](#)
 - [Предисловие от издательства](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [О жажде повествования](#)
 - [Книга Иеремии](#)
 - [На Крещение](#)
 - [На следующий день после крещения](#)
 - [В праздник папы Марцелла](#)
 - [Двумя днями позже](#)
 - [Между вторым и третьим воскресеньем после Крещения](#)
 - [В день обращения апостола Павла](#)
 - [На четвертое воскресенье после Крещения](#)
 - [Четвертое воскресенье после Крещения. В тот же день](#)
 - [Сретение Марии\[86\]](#)
 - [Понедельник после Сретения](#)
 - [Предположительно в Прощеное воскресенье](#)
 - [В среду на первой неделе Великого поста](#)
 - [В следующий четверг](#)
 - [Перед первым воскресеньем Великого поста](#)
 - [Понедельник после первого воскресенья Великого поста](#)
 - [В течение следующих суток](#)
 - [В праздник апостола Матфея](#)
 - [Во второе воскресенье Великого поста](#)
 - [В понедельник после второго воскресенья Великого поста](#)
 - [В следующий вторник](#)

- [В среду второй недели Великого поста](#)
- [В ту же среду на второй неделе Великого поста](#)
- [Пятница во вторую неделю Великого поста](#)
- [После третьего воскресенья Великого поста](#)
- [На неделе между третьим и четвертым воскресеньями Великого поста](#)
- [В день после четвертого воскресенья Великого поста и на следующее утро](#)
- [В праздник Святого Иосифа](#)
- [В понедельник после пятого воскресенья Великого поста](#)
- [Благовещение](#)
- [В понедельник на Страстной неделе](#)
- [Во вторник на Страстной неделе](#)
- [В среду на Страстной неделе](#)
- [В Чистый четверг](#)
- [В ночь со Страстной субботы на Пасху](#)
- [О грехе молчания](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
-

Филипп Ванденберг
Сикстинский заговор

Предисловие от издательства

Дорогие читатели, вы, наверное, уже знакомы с историческими романами популярного немецкого писателя Филиппа Ванденберга. Это «Зеркальщик», «Восьмой грех», «Тайный заговор», «Наместница Ра» и многие другие произведения, суммарный тираж которых в мире уже превысил 23 миллиона экземпляров.

Но на этот раз перед вами не обычный роман, а книга в книге. В отдаленном от мирской суеты монастыре повествователь встречает немощного старца, который высказывает желание поведать своему новому знакомому удивительную историю. События его рассказа разворачиваются в Ватикане и сосредоточены вокруг разгадки буквенного шифра, оставленного великим Микеланджело Буонарроти на фресках Сикстинской капеллы. В дело оказываются вовлечены церковники самых разных рангов, но до последней страницы нам предстоит гадать, под каким именем скрывается загадочный повествователь и за какое свое открытие он заплатил непомерно высокую цену...

Один из главных персонажей книги кардинал Еллинек, префект Конгрегации доктрины веры, пытается самостоятельно разгадать буквенное послание Микеланджело и в процессе работы в тайных архивах обнаруживает документ, который может разрушить церковные догматы. Вспоминая события последних лет, он догадывается, что смерть предыдущего папы была не случайной. А вскоре обнаруживает слежку за собой. Все нити ведут к некоей тайной организации...

В этой книге вы не встретите женских персонажей и любовных интриг. Однако очевидно, что роман может быть захватывающим и без них, особенно если это напряженный исторический триллер.

Автор затрагивает множество вопросов, важных для общества, для христианского мира и для каждого конкретного человека. Из истории жизни Микеланджело мы узнаем о несправедливости и произволе властей предрешающих, от которых страдал не только великий творец Возрождения, но и множество его собратьев из других стран и веков. История мусульманского мистика Абулафии показывает нетерпимость Церкви к чужому мнению и закрытость для диалога. Ну а все последующие заговоры, убийства и самоубийства – лишь следствие того, что Церковь любой ценой стремится сохранить статус кво, власть и богатство, руководствуясь лозунгом «цель оправдывает средства»... Кто окажется

победителем в дьявольской шахматной партии, которую (какой парадокс!) разыгрывают между собой церковники?

Удивительно, что событие давно минувших лет может отразиться на судьбах людей, не имеющих к нему отношения. Неужели нацисты и Микеланджело могут быть как-то связаны? Неужели Церковь может содействовать преступникам? Неужели в евангельской истории еще остались неизвестные эпизоды? Воспользуйтесь приглашением Филиппа Ванденберга в мир событий, о которых не пишут газеты и не говорят ведущие теленовостей, – и вы узнаете нечто важное о том, что определяет судьбу мира...

Действующие лица

ГОСПОДА КАРДИНАЛЫ

Джулиано Касконе – государственный секретарь, префект Совета по общественным делам Церкви

Йозеф Еллинек – префект Конгрегации доктрины веры

Джузеппе Беллини – префект Конгрегации богослужения и дисциплины таинств

Франтишек Коллецки – просекретарь Конгрегации католического образования и ректор Тевтонской коллегии

ГОСПОДА АРХИЕПИСКОПЫ И ЕПИСКОПЫ

Марио Лопес – просекретарь Конгрегации доктрины веры и титулярный архиепископ Кесарийский **Фил Канизиус** – глава Института религиозных дел (ирд)

Дезидерио Скалья – титулярный архиепископ Сан-Карло

ДОСТОПОЧТЕННЫЕ ГОСПОДА МОНСЕНЬОРЫ

Вильям Штиклер – камердинер Папы

Ранери – первый секретарь государственного секретаря

ПРОЧИЕ ЛИЧНОСТИ

Августин Фельдман – глава архива Ватикана

Пио Сегони – монах-бенедиктинец из Монтекассино

Проф. Антонио Паванетто – генеральный директор строений и музеев Ватикана

Проф. Риккардо Паренти – специалист из Флоренции по творчеству

Микеланджело

Проф. Габриель Маннинг – монастырский служка

Д-р Ганс Хаусманн – брат монастыря

Джованна – ключница

О жажде повествования

Я пишу эти строки, и меня терзают сомнения – нужно ли вообще рассказывать. Не лучше ли оставить это при себе, как сделали те, кто знал эту историю до меня? Но разве молчание не является само по себе жесточайшим враньем? И разве иногда заблуждение не помогает постичь истину? Несправедливым будет знание, скрытое веками от честных христиан, которое и сегодня является свидетельством веры. Уже давно взвесив все за и против, я ждал, пока жажда повествования не возьмет верх и я не запишу эту историю такой, какой услышал ее в то знаменательное время.

Я люблю монастыри, необъяснимая сила влечет меня в эти отрешенные от внешнего мира места, которые, как кто-то сказал, покрыли лучшие участки тверди. Я люблю монастыри потому, что там кажется, будто время остановилось. Я наслаждаюсь гниловатым духом разветвленных строений – смесью прелого запаха фолиантов, сырости вымытых полов и легкого аромата ладана. Но больше всего я люблю монастырские сады, которые зачастую скрыты от посторонних глаз, сам не знаю почему. Они будто преддверие рая.

Забегая вперед, хочу объяснить, почему я в тот ясный осенний день, когда чарующее южное небо завораживает, вторгся в райские чертоги бенедиктинского монастыря. Мне удалось отстать от экскурсионной группы и, пройдя через церковь, крипту и библиотеку, отыскать путь через маленький боковой портал, за которым, как я предполагал, был монастырский сад.

Садик был необычайно мал, намного меньше, чем можно было ожидать в монастыре таких размеров. Это впечатление усиливалось еще и от того, что солнце, низко висящее над горизонтом, делило этот квадрат по диагонали. Половина сада была залита ярким светом, а другая уже в прохладной тени. После сковывающей прохлады помещений монастыря тепло солнечных лучей наполняло живительной силой. Поздние осенние цветы, флоксы и георгины, устремили тяжелые соцветия вертикально вверх. Ирисы, гладиолусы и люпины слегка наклонялись, а всяческая пряная зелень буйно росла на узких грядках, разделенных воткнутыми в землю палками. Нет, здесь не было ничего общего с ухоженными, похожими на парки, садами других бенедиктинских монастырей, которые со всех сторон обступали крутые стены строений с нависающим крестовым

ходом.^[1] Они могли посоперничать с Версалем или Шенбрунном. Но этот сад сильно зарос, его разбили на террасе над южным склоном монастыря и обнесли стеной из известкового туфа, который добывали в этой местности. Вид на юг был открыт, и в ясную погоду на горизонте можно было различить горные цепи Альп. С одной стороны сада, где росли пряные травы, из железной трубы лилась вода, стекая в каменное корыто. Рядом стоял ветхий садовый домик, даже скорее не домик, а каморка из досок, на которой пробовали свои силы неумелые строители. От дождя защищал слой толя, в стене сидела косо поставленная, выдавшая лучшие времена оконная створка. Но в целом домик излучал непонятную веселость, он был похож на одно из тех самодельных строений, в которых на летних каникулах играют дети.

Из тени вдруг раздался голос:

– Как ты нашел меня, сын мой?

Я приложил ко лбу руку козырьком, защищая глаза от яркого солнца. То, что я увидел, заставило меня на секунду оцепенеть: прямо передо мной в инвалидном кресле сидел пророческого вида монах с седой бородой. На нем было серое одеяние, которое отличалось от черных сутан бенедиктинцев. Пока он, не отрываясь, сверлил меня взглядом, его тело поворачивалось из стороны в сторону, как деревянная марионетка.

Хотя я понял его вопрос, но все равно переспросил, чтобы выиграть время:

– Что вы имеете в виду?

– Как ты меня нашел, сын мой? – повторил монах и странно повел головой, так что я уловил пустоту в его взгляде.

Мой ответ ни к чему не обязывал, да и не мог, но я просто не знал, с чего начать и как реагировать на эту необычную встречу.

– Я вас не искал, – сказал я, – просто осматривал монастырь и захотел зайти в сад. Простите.

Я уже хотел было вежливо откланяться, как вдруг старик положил руки, которые до этого неподвижно лежали на подлокотниках, на обода колес и так толкнул вперед кресло, что оно полетело, как из катапульты. Старик, казалось, обладал богатырской силой. Он остановил кресло возле меня так же быстро и неожиданно, как и подъехал. В солнечном свете под седой вьющейся бородой и прядями волос я увидел бледное лицо не такого уж старого человека, как показалось на первый взгляд. Встреча начинала меня беспокоить все больше.

– Ты знаешь пророка Иеремию? – с ходу спросил монах. Я колебался и даже подумывал, не убежать ли мне. Но пронзительный взгляд и

достоинство, исходившее от этого человека, заставили меня остаться.

– Да, – ответил я, – я знаю пророка Иеремию, а также Исайю, Баруха, Иезекииля, Даниила, Амоса, Захарию и Малахию, – тех, которые остались в памяти за время моего обучения в интернате при монастыре.

Мой ответ поразил монаха, даже, казалось, обрадовал. Пропала отрешенность взгляда и марионеточные движения.

– В то время, сказано в книге Иеремии, выбросят кости царей Иуды, и кости князей его, и кости священников, и кости пророков, и кости жителей Иерусалима из гробов их, и раскидают их пред солнцем и луною и пред всем воинством небесным, которых они любили и которым служили и в след которых ходили, которых искали и которым поклонялись; не уберут их и не похоронят: они будут навозом на земле. И будут смерть предпочитать жизни все остальные, которые останутся от этого злого племени во всех местах, куда Я изгоню их...

Я растерянно смотрел на монаха. Заметив мой беспомощный взгляд, он добавил:

– Книга пророка Иеремии, глава 8, строфы 1–3. Я кивнул.

Монах поднял голову, так что его борода торчала почти горизонтально, и аккуратно погладил ее снизу тыльной стороной кисти.

– Меня зовут Иеремиа. – В его голосе слышались нотки гордости и отнюдь не монашеское достоинство. – Но это долгая история.

– Вы бенедиктинец?

Он возмущенно взмахнул рукой:

– Меня засунули в этот монастырь, потому что они думали, что здесь я смогу причинить меньше вреда. Вот теперь живу в *urao àancn Benedicti*^[2] в тиши, вдали от мирских потребностей, униженный как собеседник. Если бы я мог, то непременно сбежал бы.

– Вы давно в монастыре?

– Недели, месяцы... Может быть, и годы. Это не играет никакой роли!

Разговор с братом Иереимией увлекал меня все больше и больше. И я с известной осторожностью поинтересовался его прошлым.

Тут странный монах замолчал, опустил голову, уперев подбородок в грудь, и взглянул на парализованные ноги. Я подумал, что зашел слишком далеко, но прежде, чем успел извиниться, Иеремиа произнес:

– Сын мой, ты слышал о Микеланджело?...

Он говорил запинаясь, не глядя в мою сторону. Я чувствовал, что он тщательно подбирает каждое слово, и все же речь его казалась запутанной и бессвязной. Я уже не помню всех подробностей, прежде всего потому, что монах постоянно путался, поправлял себя и начинал предложения

сначала. Но я понял с его слов, что за стенами Ватикана происходят такие вещи, о которых верующий христианин и помыслить не может, и что церковь – это *casta meretrix*, целомудренная блудница. При этом он упоминал термины и употреблял такие слова, как сравнительное богословие, нравственное богословие и догматическое богословие. Так что подозрениям, что брат Иеремия не в своем уме, так и не суждено было зародиться. Он перечислял церковные соборы, называл имена и даты, различал вселенские, поместные и архиерейские соборы, перечислял достоинства и недостатки епископализма, но потом вдруг остановился и спросил: – Ты, наверное, тоже принимаешь меня за сумасшедшего?

Да, он сказал «тоже», и меня это поразило. Очевидно, брата Иеремию отправили в этот монастырь как душевнобольного, как назойливого еретика. И теперь я не знал, что ответить монаху. Я помню только, что этот человек становился мне все интереснее. И я вернулся к своему вопросу и попросил Иеремию рассказать, как он попал в этот монастырь. Но монах повернул лицо к солнцу, закрыл глаза и замолчал. Я заметил, как его борода начала подрагивать. Это едва уловимое подрагивание становилось все сильнее, и в один момент его тело начало трястись, губы дрожали, будто его колотил озноб. Какие же ужасные воспоминания проносились перед закрытыми глазами этого человека?

На монастырской башне зазвонил колокол, созывая на хоровую молитву. И брат Иеремия будто очнулся ото сна:

– Не говори никому о нашей встрече, – быстро сказал он, – будет лучше, если ты спрячешься в садовом домике. Во время вечерни ты сможешь уйти из монастыря незаметно. Приходи завтра в это же время! Я буду здесь!

Я последовал указаниям монаха, спрятавшись в маленьком деревянном домике, и тут же услышал приближающиеся шаги. Я наблюдал через наполовину забитое досками окно, как бенедиктинец повез Иеремию на кресле-каталке внутрь монастыря. Они не сказали ни слова, будто бы не замечали друг друга. Казалось, один выполнял неизменный ритуал, а другой безропотно в нем участвовал.

Немногим позже из церкви донеслось григорианское пение, и я вышел из домика, стараясь держаться в его тени, чтобы меня не заметили из окон монастыря. Я непременно хотел снова увидеть брата Иеремию. К высокой подпорной стене вела крутая лестница. Стальные ворота на входе не составило труда преодолеть.

Так я покинул монастырь и этот райский сад, но на следующий день вернулся. Мне не пришлось долго ждать, когда монахи вывезут Иеремию в

сад.

– С тех пор как я оказался здесь, никто не спрашивал меня о прошлой жизни, – начал монах без лишних слов, – напротив, они старались забыть, оградить меня от внешнего мира. Они хотели убедить меня, будто я потерял рассудок, будто я опустившийся духовник или какой-то исламский ассасин. Может, всю правду обо мне в этом монастыре и не знают. И даже если бы я поклялся тысячу раз, никто бы не поверил моим словам. Галилей, наверное, чувствовал нечто подобное.

Я сказал, что верю ему. Я чувствовал, что этому человеку нужно было кому-нибудь довериться.

– Но эта история не сделает тебя счастливей, – заявил Иеремия, и я подтвердил, что выдержу.

Так этот одинокий монах начал свой рассказ. Он говорил спокойно, иногда даже отстраненно. Я удивлялся в первый день, почему же он ничего не говорит о себе в своей истории. Но на второй день я понял: Иеремия говорил о себе в третьем лице, как нейтральный наблюдатель. Одним из людей, о которых монах особенно подробно рассказывал, был он сам, брат Иеремия.

Мы встречались пять дней кряду в саду монастыря, скрывались за разросшейся изгородью из роз или в ветхой садовой хижине. Иеремия вел рассказ, называл имена и факты, и хотя его история иногда казалась фантастической, я ни секунды не сомневался, что это правда. Когда он говорил, то почти не смотрел на меня, его взгляд был устремлен на некую точку на горизонте. Иеремия будто читал все с доски. Я не решился перебить его ни разу, не задал ему ни одного вопроса – боялся, что Иеремия потеряет нить. Я не решился делать заметки и записи, потому что это могло помешать повествованию монаха. Так что эту историю я записал потом по памяти, но, думаю, она соответствует рассказу Иеремии.

Книга Иеремии

На Крещение

Будь проклят тот день, когда курия решилась на реставрацию Сикстинской капеллы с помощью новейших научных технологий. Будь проклят тот флорентиец и все искусство, проклята самонадеянность и отступнические мысли, не высказанные с мужеством еретика. Они были запечатлены в самом привередливом материале, который только может быть – во фреске, написанной в теплых тонах.

Кардинал Йозеф Еллинек взглянул на высокий свод, где висели леса, накрытые брезентом. Оставался просвет, в котором можно еще было увидеть Адама, касающегося перста Создателя. Будто от страха перед десницей Божьей, по лицу кардинала несколько раз пробежала дрожь. А наверху, в красном одеянии, творил не всемогущий Бог, там, на лесах, на ноги поднялся художник. Он излучал жизнь – красивый и мускулистый, как борец. В этот раз все начиналось не со Слова, а с плоти.

После злосчастных времен, когда первосвященник Юлий был влюблен в искусство, ни один папа не проявил интереса к великолепным творениям Буонарроти. А он – и это было известно еще при его жизни – сомневался в догматах веры и использовал в своих произведениях ветхозаветные мотивы и античные образы, что тогда считалось греховным. Папа Юлий, возможно, даже упал на колени и стал молиться, когда художник наконец показал готовую фреску, изображавшую неумолимого Судью от слова которого содрогается равно добро и зло. Фреска эта сразу же вызвала бурю споров по поводу того, что фигуры на картинах обнажены, исполнены тайны и нетрадиционны. Курия была ошеломлена количеством символов намеков и неоплатонических образов, не знала, как реагировать на это, и осудила художника за изображение обнаженных людей; более того, требовала полного уничтожения фрески. Активнее других за это ратовал Бьяджо да Чесена, папский церемониймейстер, который якобы узнал себя в образе судьи Миноса; и только неистовый протест крупнейших деятелей искусства Рима смог воспрепятствовать уничтожению «Страшного суда».

Вода, сочившаяся сквозь трещины в стенах капеллы, слои краски, наносимые впоследствии поверх изображения, и свечная копоть угрожали истребить плоды фантазии Микеланджело. Лучше бы плесень уничтожила образы пророков и сивиллы покрылись копотью! Лишь только главный реставратор Бруно Федрицци взобрался на леса, лишь только он успел очистить изначальные образы пророков от темного слоя нагара, клея и

растворенных в масле красителей, как наследие великого художника ожило и механизм был запущен. Сам Микеланджело словно воскрес как ангел возмездия.

Ранее на фреске пророк Иоиль держал в руках свиток пергамента, на котором не было ни единой буквы. Теперь же, после реставрации, на нем отчетливо было видно букву «А». Альфа и омега, первая и последняя буквы греческого алфавита с давних времен считались христианскими символами. Но труд реставраторов был напрасен: они отчищали пергамент, выполненный в технике «а фреско», до тех пор, пока тот не стал ярко-белым, но буквы «О» так и не нашли. Зато в книге, которую эритрейская сивилла, изображенная возле пророка Иоиля, ставила на подставку для чтения, проступили буквы I – F – A. Это необычайное открытие, не известное широкой общественности, вызвало горячие споры. Архивариусы и знатоки истории искусств и музеев Ватикана под руководством Антонио Паванетто с головой ушли в разгадывание загадки; из Флоренции прибыл Риккардо Паренти, специалист по творчеству Микеланджело. Кардинал-государственный секретарь Касконе после обсуждения этой темы сообщил, что открытие нужно держать в тайне. Паренти первым высказал предположение, что в ходе последующих работ могут обнаружиться и другие символы, расшифровка которых крайне нежелательна для Церкви. Да и Микеланджело не был любимцем заказчиков, понтификов, и не раз намекал на то, что еще отомстит им за свои страдания.

Кардинал-государственный секретарь осведомился, можно ли ожидать от флорентийского художника инакомыслия.

Профессор истории искусств, хотя и с некоторыми оговорками, подтвердил это.

Тогда кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе предложил рассказать об этом кардиналу Йозефу Еллинеку, префекту Конгрегации доктрины веры, однако тот не заинтересовался этим делом и порекомендовал обратиться к генеральному директору музеев Ватикана профессору Антонио Паванетто – если уместно вообще говорить о каком-то «деле».

После еще одного года реставрационных работ было очищено изображение пророка Иезекииля. Внимание Церкви в первую очередь привлек свиток, который предсказатель разрушения Иерусалима держал в левой руке. По словам Федрицци, в этом месте фреска была покрыта особенно толстым слоем сажи, будто кто-то намеренно закоптил ее свечой. Наконец под инструментами реставраторов проявились две следующие буквы: «L» и «U», и профессор Паванетто предположил, что и фигурка

персидской сивиллы, расположенная за пророком Иезекиилем, имеет отношение к буквенному шифру. Ведь горбатая старушка прямо перед собой держала книгу в красном переплете, на которой еще до начала реставрации под слоем сажи можно было разглядеть букву. Кардинала-государственного секретаря Касконе все это взволновало, и он распорядился немедленно восстановить книгу сивиллы. Его опасения подтвердились: к уже известным буквам прибавилась «В».

Можно было легко предположить, что и свиток возле пророка Иеремии, который располагался в ряду последним, скрывает продолжение кода. Действительно, при реставрации изображения была обнаружена буква «А». Пророк Иеремия, который более других терзался сомнениями и любил говорить, что народ обратить в веру невозможно, на фреске был изображен с лицом самого Микеланджело. Он выглядел разочарованным, растерянным и покорным, будто бы ему было известно значение последовательности букв «А – I – F – А – L – U – В – А».

Государственный секретарь Джулиано Касконе заявил, что, прежде чем публично разглашать нахождение шифра, необходимо растолковать значение букв. Также он предложил (если шифр невозможно будет разгадать сразу) стереть буквы с фрески, что, по словам Бруно Федрицци, было неосуществимо, так как Микеланджело нанес буквы *a secco*,^[3] как и некоторые другие пометки. Однако это предложение встретило протест со стороны профессора Риккардо Паренти, который пригрозил оставить профессиональную деятельность и обратиться к широкой общественности с заявлением о том, что в Сикстинской капелле фальсифицируют и тем самым уничтожают произведение всемирного значения. Касконе взял свои слова обратно и поручил *ex officio*^[4] кардиналу Йозефу Еллинеку, как префекту Конгрегации доктрины веры, создать комиссию по изучению сикстинских надписей и доложить о результатах на общем собрании. Дело из категории *speciali modo*^[5] перешло в категорию *specialissimo modo*,^[6] следовательно, разглашение сведений о нем грозило судом. Дата проведения консилиума была определена: спустя два воскресенья от Крещения, в понедельник.

Еллинек оставил капеллу и поднялся вверх по каменной лестнице, подхватывая привычным жестом подол сутаны, сшитой у Аннибале Гамарелли, – все члены курии и папы заказывали церковные облачения на Санта-Кьяра, № 34. На лестничной площадке он повернул налево и продолжил путь. Его поспешные шаги отдавались эхом в пустом коридоре длиной в двести шагов. Он прошел мимо фресок космографа Данти. На них

было изображено восемьдесят сюжетов из истории Церкви, которые папа Григорий XIII повелел поместить на необозримых сводах. Еллинек наконец приблизился к той двери без замка и ручки, что перекрывала дорогу на Башню Ветров. Кардинал постучал и стал ждать: он знал, что службе предстоит преодолеть долгий путь.

Почему так называют эту башню, известно: начало Григорианскому календарю было положено здесь, в мансарде, когда понтифик приказал построить обсерваторию для наблюдения за Солнцем, Луной и звездами. Даже переменчивые ветры теперь не смогли бы укрыться от его внимания, ведь стрелка флюгера на башне всегда показывала направление потока воздуха. Уже давно не пользовались теми инструментами, из-за которых в далеком 1582 году, десятом году папства Григория XIII, Европа недосчиталась десяти дней, и после 4 октября сразу наступило 15. Тогда же было введено странное правило считать високосными годами только те, последняя цифра которых делится на четыре: *Fiat Gregorius papa tridecimus*.

^[7] Но мозаики на полах по-прежнему хранили знаки зодиака и на настенных фресках божественные фигуры в развевающихся одеяниях озарялись солнцем, проникавшим через отверстие в стене.

Башня, где было утрачено время, с самого начала воплощала в себе запрет и тайну; причина тому не языческие боги, не Дева, не Телец и не Водолей, и даже не плохое освещение этого помещения. Отнюдь: загадочность и таинственность придавали горы папок, полки, заваленные документами, которые хранились здесь, поделенные на *Fondi*^[8] в соответствии с темой и датой создания. Сколько *Fondi* погребено под сугробами пыли, точно никто не знал. Это был *L'Archivio Segreto Vaticano* – секретный архив Ватикана.

Бумаги и пергаменты, годами складываемые в бесконечных коридорах секретного архива папы, расплзались по башне, как вулканическая лава. Столетиями современные документы отесняли бумаги минувших лет, затем и сами они устаревали, а их в свою очередь заваливали все новые и новые папки. В башне же по распоряжению папы архивариусы заперли те документы, к которым не имел доступа никто, кроме их преемников. Это была *Riserva*^[9] – помещение, куда не было доступа.

Услышав шаги, кардинал постучал снова. Вскоре проскрипел ключ и тяжелая дверь бесшумно отворилась. Видимо, кардинала узнали по манере стучать или было известно о времени его прихода, так как префект не удивился позднему визиту и даже не взглянул на посетителя. Дверь открыл Августин, он был самым старым, важным и опытным архивариусом

Ватикана, ему подчинялись вице-префект, три архивариуса и четыре *Scrittori*^[10] – писаря, которые, выполняя одну и ту же работу, имели разные полномочия. А Августин просто не смог бы жить без пергаментов и *Buste*^[11] – так называют папки с делами. Он спал среди документов и, возможно, укрывался ими же.

Как водится, посетители входили в архив со стороны, где за широким черным столом, на котором был разложен пухлый журнал для записей, сунув руки в широкие рукава черного одеяния, сидел один из *Scrittori* или префект. В журнал вносили каждого посетителя на основании официальной бумаги, которая давала доступ к списку разрешенных документов. Большая же часть архива оставалась недоступной, а хранители святыни никогда не забывали отметить точное количество часов и минут, проведенных читателями в окружении темных полок. Башню посещало едва ли более трех человек в неделю.

Проходя мимо префекта, кардинал промышчал себе под нос что-то наподобие «*laudetur Jesus Christus*»^[12] и не стал записывать свое имя в регистрационную книгу. Справа была комната с интригующим названием *Sala degli Indici*,^[13] в ней скрывались картотеки, предметные указатели, списки, классификации и цифры всех документов, имеющих в наличии. Без этих картотек содержимое архива оказалось бы совершенно недоступно, все бы перемешалось и потеряло смысл. Архивариусы и *Scrittori* могли бы спокойно оставить полки и комнаты, полные тайн, и никто, даже самый старательный ученый, не узнал бы ни одного секрета, скрывающегося в многокилометровых коридорах. Ведь все *Fondi* были зашифрованы с помощью букв и цифр, и не было ни одного указания на то, какой теме посвящены документы, находящиеся в каждой комнате. Было написано множество научных работ о том, как использовать некоторые регистры и картотеки. Имелись и такие отделы, до которых можно было добраться только с верхнего этажа Башни Ветров. В них хранились девять тысяч еще не разобранных *Buste*, так как двум *Scrittori*, как было подсчитано, для классификации всех документов понадобится сто восемьдесят лет.

Тот, кто думает, что, узнав шифр одного документа, сумеет ознакомиться и с другими документами той же тематики, глубоко заблуждается. Потому что на протяжении нескольких столетий существования архива, особенно со времен раскола, предпринимались многократные попытки перекодировать документы. В результате у несметного количества *Buste* теперь было по несколько шифров. Простой

вербальный «*de curia, depraebendis vacaturis, de diversis formis, de exhibitis, de plenaria remissione*»^[14] был виден только в том случае, если папки, как это делалось во времена средневековых пап, хранились горизонтально. Шифр мог быть и цифровым, и комбинированным из букв и цифр, например: «*Bonif. IX 1392 Anno 3 Lib.28*».

В последней системе кодировки, относящейся к середине XVIII века, заметно влияние *custos registri bullarum apostolicarum*^[15] Джузеппе Гарампи. Он создал свой *Schedario Garampi*,^[16] схематически разделив архив на тематические разделы, что в итоге принесло больше путаницы, чем пользы. Время папствования понтификов всегда различно. Поэтому разделы «*de jubileo*»^[17] или «*de beneficiis vacantibus*»^[18] были неодинаковы по объему, меж тем на хранение документации каждый раз отводились равные площади.

Каждая новая кодировка еще больше увеличивала сходство Башни Ветров с Вавилонской. Как библейская башня не достигла неба, потому что Создатель смешал языки ее строителей, так и каждая новая попытка навести порядок в архиве имела те же последствия. Возможно, это была попытка отобразить идеальное мироздание, изначально обреченная на неудачу; или была надежда на то, что хаос, как считали греческие философы, является первичным состоянием, из которого Бог создал упорядоченную вселенную, а не наоборот. Второе сравнение более удачное, потому что хаос есть не только нечто неупорядоченное. Это еще и бездна, открывающаяся навстречу входящему. Так и здесь: перед вами – таинственный мир, который охраняет Августин, как трехглавый Цербер у ворот Царства мертвых.

Префект протянул кардиналу лампу, работавшую от батареек, законно думая, что путь того лежит в комнаты *Riserva*, где нет света. Кардинал кивнул, не проронив ни слова. Молчал и Августин, он последовал за кардиналом на верхние этажи башни по винтовой лестнице. В конце нее была лестничная площадка с телефоном на стене.

Здесь, на пути к самым старым и секретным отделам *Archivio Segreto*, воздух был затхлым, несло гнилью. Зловоние усиливали химикаты для уничтожения грибка который, веками размножаясь в непроветриваемых помещениях» теперь красноватым налетом покрывал папки и пергаменты и выживал даже после применения веществ с новейшими формулами. Только с позволения папы можно было заглянуть в эти комнаты и изучить документы, находящиеся в них. Однако понтифик редко подписывал такие разрешения, разве что самые важные. Поэтому данную обязанность взял на

себя кардинал Йозеф Еллинек. Подписывал разрешения он, правда, нечасто, но обычному человеку не полагалось знать о причине отказа. Документы, составленные менее чем сто лет назад, отправлялись прямо в секретные помещения. Документы, в которых упоминалось о папах, оставались засекреченными в течение трехсот лет. В стопках и свитках, в переплетах и под печатями здесь лежала история Церкви за последние два тысячелетия. За тремя сотнями печатей тут хранился документ, в котором говорилось о том, как шведская королева-протестантка Кристина поверила в святое причастие, чистилище, отпущение грехов, подчинилась непогрешимому авторитету папы, решениям Собора в Триенте и, таким образом, стала католичкой. Замечания папы Александра VII, книги со счетами, письма и подробные отчеты обо всем: от одежды для обращенной в новую веру (черный шелк, глубокое декольте) до сладостей – поданных к столу статуэток и цветов из марципана, желе и сахара, а также упоминание о ее бисексуальности – все это подтверждало мнение о Ватиканском архиве как об одном из лучших в мире. Последнее письмо к папе страстной католички Марии Стюарт, внучки Генриха VII, также хранилось здесь; как и постановление Священной конгрегации о запрещении «Шести книг об обращении небесных сфер» Николая Коперника. Под шифром EN XDC, в отдельном архиве, были собраны документы, связанные с процессом над Галилео Галилеем, включая и злополучный вердикт кардиналов на странице 402: «Мы заявляем и подтверждаем, что ты, Галилей, обвиняешься в этом святом суде в том, что полагаешь истиной и сеешь в народе лжеучение, говоришь, что Солнце находится в центре мироздания, не движется с востока на запад, а Земля вращается вокруг него и не является центром мира... Поэтому ты должен подвергнуться исправлению и наказанию, налагаемым за преступления такого рода согласно святым канонам и другим общим и частным предписаниям». *Verba volant, scripta manent.* [\[19\]](#)

Здесь сохранялись предсказания, касающиеся пап; пророчества, которые официально признавались, вероятно, лживыми, но их все же не оставляли без внимания. Здесь же находилось и пророчество Малахии о папах, которое – и это повергало курию в растерянность – никак не могло принадлежать этому пророку, потому что было записано только через четыреста сорок лет после его смерти. Однако именно в нем с поразительной точностью назывались имена, происхождение и определенные факты из жизни первосвященников. И даже больше: оно предрекало скоротечность папства. Малахия называл лишь двух последующих понтификов, а последним папой должен был стать римлянин

по имени Петрус. В пророчестве говорится о разрушении города на семи холмах и Страшном суде над народом. Ничто на этой земле не является более непреложным, чем решение римской курии, и если единожды она вынесла отрицательный вердикт пророчеству Малахии о папах, то документ навсегда останется запретным – для мирян уж точно. Несмотря на то, что *credo quia absurdum*^[20] прозвучало из уст не еретика, а богослова Ансельма Кентерберийского, чья лояльность по отношению к папе Григорию VII и Святой Церкви известна всем и не подлежит сомнению.

Папа Пий X, которому Малахия пророчил *Ignis ardens*,^[21] был избран 4 августа, в день св. Доминика – его атрибутом является собака с пылающим факелом. Умер же он через несколько недель после начала Первой мировой войны. Папа жалел своего неизвестного еще преемника, потому что уже знал, что тому грозило *religio depopulate*,^[22] или «уничтожение религии» – падение интереса к религии.

Позже исследования показали, что автором пророчеств о папах был Филиппо Нери. Он жил во времена Микеланджело; иногда становился словно одержимый, чрезвычайно возбуждался, и тело его содрогалось. А во время причастия мог запросто воспарить над алтарем. Сердце его билось так сильно, как литавры во время Страшного суда. Позднее Филиппо Нери был канонизирован, так как исцелил легион больных и несть числа дарований ему было ниспослано.

Где же сохранялись дневники Нери, патриарха конгрегации ораторианцев? С уверенностью можно предположить, что находились они здесь, в секретном архиве Ватикана; хотя по официальной версии святой перед смертью якобы сжег все свои документы. По воле случая? В год смерти Нери (1595) был опубликован труд в пяти томах бенедиктинского монаха Арнольда Вийона о заслугах его ордена в области литературы. Он назывался «*Lignum vitae – ornamentum et decus Ecclesiae*»,^[23] во втором томе этого издания, в главе *Prophetia S. Malachiae Archiepiscopi, de Summis Pontificibus*,^[24] на страницах 307–311, упоминается о пророчествах основателя конгрегации ораторианцев.

Pontificibus. Чудо – желанное дитя веры. Связи между ораторианцем Филиппо и бенедиктинцем, упокой Господь его душу, отрицать невозможно, сколь бы чистые побуждения ими ни двигали.

В *Sidus olorum*,^[25] в пророчестве, говорилось, что «лебединая краса взойдет на престол». Эти слова казались таинственными и туманными. Но когда в 1667 году Клемент IX стал папой, никто уже не сомневался в точности этого предсказания. Ведь Клемент (Джулио Роспильози)

прославился как поэт (по сей день он единственный папа-поэт), а лебедь, как известно, один из символов поэзии. На протяжении веков папа по избрании конклавом не имел права покидать Ватикан. Та же судьба ожидала и Пия VI, когда вслед за Клементом XIV он был избран после пятимесячного заседания конклава в Квиринальском дворце. Святой в свое время назвал данного папу еще и *Peregrinus apostolicus*,^[26] о чем не вспоминали всю эпоху Возрождения, пока в 1798 году войска, принимавшие участие в революции, не экспатриировали несчастного во Францию, где он и нашел смерть. Когда Лев XIII предпочел герб с изображением кометы (все папы после решения конклава обязаны получить герб), то сразу стало понятно еще одно пророчество – *lumen in coelo*.^[27] Пророчество о том, что преемник Пия XII будет *pastor et nauta*,^[28] перед избранием Иоанна XXIII обсуждалось; но ни с одним из претендентов на престол оно не связывалось: никто не воспринимал патриарха Венеции, города христианского судоходства, всерьез. Но, несмотря на это, Ронкалли был избран – и период его правления стал пасторалью в лучшем смысле этого слова.

Чуть дальше находилось признание монаха Джироламо Савонаролы, вырванное папским комиссаром Ромолино. Он сознался в ереси, проповедовании ложных учений и неуважении к Церкви. Тут же – подробные записи о последних часах пламенного проповедника, о постыдном обследовании его в камере (инквизиция потребовала проверить, не превратил ли демон монаха в гермафродита), свидетельские показания о том, как он глубоко спал перед казнью, взрываясь изредка громким смехом, а также о его смерти на виселице и последующем сожжении тела с развеиванием пепла над рекой Арно. В засекреченных досье также говорится и о знатных дамах, которые, переодевшись в одежду простых флорентийских девушек, собирали пепел сожженного брата. Упоминается но найденных и сберегаемых в качестве реликвий обломках черепа и руке проповедника. Здесь же можно был найти и папские догматы. Последний, в голубом бархатном переплете, – о непорочном зачатии Девы Марии.

Смотритель знал, что кардинала не заинтересуют эти стопки бумаг. Он шел к верхней черной дубовой двери, которую нельзя было открыть без ведома Августина, потому что тяжелый ключ от этой двери тот всегда носил на своем поясе. Другого ключа от самой загадочной комнаты секретного архива ни у кого не было. Это вовсе не значило, что сам смотритель имел представление о тайнах этого хранилища, его содержанием и лишь должен молчать о запретном. Ему, впрочем, было

известно, что за тяжелой черной дверью хранились самые сокровенные тайны Церкви, доступ к которым имел только понтифик. Так, по крайней мере, обстояли дела во времена всех предшественников Иоанна Павла II. Но папа-поляк отказался от этой привилегии в пользу кардинала. Смотритель отпер замок при свете лампы и отошел в сторону. По мелкой дрожи пальцев было заметно, как он волнуется. Кардинал исчез за дверью – Августин остался в коридоре. Он поторопился вновь запереть замок, таковы были предписания.

Каждый раз, отпирая замок, смотритель окидывал взглядом комнату. Мыслимый ли грех? Так что обстановка была ему знакома: в один ряд тяжелые двери шкафов, как в подвале банка, ключи от которых, однако, хранились не у него, а у кардинала. Отпирать эту дверь Августину приходилось редко, несмотря на то, что в последнее время кардинал все чаще пользовался своим правом. Лишь однажды ему довелось слышать о том, какого рода тайны здесь сокрыты. Тогда он впустил в комнату Иоанна XXIII и запер за ним дверь. Так же» как теперь, он надеялся различить сигнал кардинала, он ждал, когда папа постучит. Но очень долго, более часа, в коридоре царила тишина. И вдруг смотритель услышал глухие удары кулаком в дверь. Отперев замок, он увидел понтифика, дрожащего, словно в лихорадке, как показалось Августину в тот момент. И в конце концов крупица правды увидела свет. Святая Дева, которая в 1917 году явилась трем португальским пастухам и предсказала исход Первой мировой войны, эта «Святая Дева из Фатимы», предрекла еще одно событие, запись о котором нужно было прочесть папе в 1960 году. Истинный смысл пророчества, скрываемого за дверью, вызвал различные, вплоть до самых ужасных, слухи в Ватикане. Заговорили о войне, которая уничтожит все живое, которая приведет к апокалипсису, и об убийстве папы... Став папой, Павел VI не замедлил посетить секретную комнату. После этого он начал страдать от тяжелых депрессий и всегда колебался, принимая решения, что общеизвестно.

В этот вечер интерес касался железного шкафа, в котором были собраны документы Микеланджело Буонарроти. После ознакомления с перепиской между Микеланджело и папами, в первую очередь с Юлием II и Клементом VII, у кардинала возникли вполне обоснованные подозрения, что в искусстве Микеланджело кроется какая-то ужасная тайна. Досье, в котором говорилось о его знакомых, платонической страсти к Виттории Колонне, о контактах с приверженцами неоплатонизма и каббалы, хранившееся в закрытом для доступа месте, подтвердило эти подозрения. Да иначе и быть не могло! Должна же существовать хоть какая-нибудь

причина того, что жизнь Микеланджело в течение целых четырехсот пятидесяти лет – запретная тема в Ватикане!

Искусство страшит невежественных. Кардинал быстро перебирал один документ за другим, разворачивал свитки, сложенные в несколько раз страницы, разглядывал связанные папки. При свете лампы он разбирал мелкий аккуратный почерк, просматривал письма, остававшиеся непонятными без контекста. Зачастую они начинались со слов «io Michelagnuolo scultore...» («я, Микеланджело, скульптор...»), что, с одной стороны, говорило о гордости языком, на котором писал Данте, и одновременно о неразумении церковной латыни, с другой – давало понять, что автор страдает от насилия над своим искусством, чинимого Ватиканом.

Папа Юлий II ложными обещаниями приманил Микеланджело в Рим, чтобы тот заблаговременно изваял ему величественный надгробный монумент из каррарского мрамора. Хоть он и посулил десять тысяч скудо, человеческой жизни было мало для создания такого изваяния. Когда же мрамор привезли из Тосканы в Рим, папа успел охладеть к своему проекту и даже отказался рассчитаться с рабочими каменоломни. Микеланджело поспешно оставил Рим ради Флоренции. Лишь через два года он вернулся, в срочном порядке вызванный помощниками папы. Юлий II тотчас ошеломил его сообщением, что сооружать надгробный памятник при жизни является дурным знаком. Так что Микеланджело вместо этого поручалось расписать купол Сикстинской капеллы – простого и строгого сооружения, носящего имя Сикста IV делла Ровере. Многократные заверения художника в том, что он рожден быть «scultore»,^[29] а не «pittore»,^[30] не помогли; Его Святейшество настаивал на выполнении своих планов.

В руки кардинала попал ветхий документ с едва разборчивыми словами, свидетельствующий о победе папы над Микеланджело. «Сегодня, 30 мая 1508 года, я, Микеланджело, скульптор, получил от Его Святейшества папы Юлия II пятьсот дукатов, которые мне выплатили господин Карлино, казначей, и господин Карло Альбицци в счет выполнения росписи, над коей сегодня и начинаю работу в капелле папы Сикста, при условии соблюдения контракта, предложенного мне монсеньором Павианским. Подписано мной собственноручно».

С документов вздымалась мелкая пыль, незаметно попадавшая в нос Еллинека и вызывавшая ощущение беспорядка. Эта странная атмосфера заставляла оживать образы давно ушедших дней. Пред кардиналом

предстал образ мускулистого флорентийца в бархатном камзоле в талию и тонких узких панталонах. Продолговатое лицо, длинный нос, близко посаженные глаза – не красавец и совсем не похож на энергичного «scultore». С хитрой улыбкой – может, это было злорадство? – он один за другим протягивал кардиналу пергаменты, а тот жадно читал их. Пробежал глазами неразборчивые строки, удивлялся внезапным и необъяснимым переменам в настроении Его Святейшества папы Юлия II, его странной скупости, постоянным попользованиям лишить художника честно заработанного им вознаграждения, что приводило к вечным спорам между папой и Микеланджело. Папа желал видеть на своде Сикстинской капеллы двенадцать апостолов – флорентиец же предлагал эскизы, казавшиеся Юлию II никчемными. В конце концов папа прекратил спор, разрешив Микеланджело изображать, что ему угодно, покрыть росписью всю капеллу от окон до потолка *in nomine Jesu Christi*.^[31]

В итоге Микеланджело остановился на сюжете Книги Бытия. Он представил сотворение мира, Бога Отца, парящего над водами, и Великий потоп, и Ноев ковчег – будто вся история сотворения мира очутилась в небе. Для Микеланджело словно не существовало крыши и свода. И ни одного указания на Святую Церковь. Напротив, он избегал малейшего намека даже там, где он напрашивался сам собой: расписывая двенадцать выступов над окнами капеллы, он не стал изображать двенадцать апостолов. Художник поместил в них пять сивилл и семь пророков. Сияние, исходящее от них, говорит о тайных знаниях, которыми полон Ветхий Завет. Фигуры таинственны и символичны. Они будто намекают на нечто непостижимое. Из одной записки кардинал понял, что Микеланджело рисовал не столько руками, сколько мысленно, перенеся на своды свой гнев и свое знание. Он изобразил триста сорок три фигуры, над которыми – Двенадцать сивилл и пророков, похожих на богов. Конечно, Бальзак мог бы сказать, что он тоже творец более трех тысяч образов. Но ведь у него на это ушла целая жизнь. Микеланджело же расписал капеллу всего за четыре года. Пусть неохотно, без удовлетворения, жаждая мести – такие выводы можно было сделать из документов. Но как же отыскать ключ к его тайне? Что же все-таки знал Микеланджело Буонарроти? Какое послание передал флорентиец посредством этой загадочной картины мира?

После Юлия II было сорок восемь пап, и все они задавались вопросом: почему Микеланджело у только что вылепленного Адама, которого парящий Бог Отец пытается коснуться животворящим перстом, изобразил на животе пупок? Адам ведь не был рожден и, следовательно, ему не обрезали пуповину, если верить словам из Ветхого Завета: «И создал

Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Книга Бытия 2:7). Не раз возникала мысль привести в христианский вид Адама еще при жизни художника. Микеланджело к тому моменту должно было исполниться восемьдесят шесть лет. Папа Павел IV поставил перед Даниэле да Вольтера задание – прикрыть обнаженных гигантов Микеланджело набедренными повязками, за что помощник и получил обидное прозвище «*Brachettone*» («рисовальщик штанов»).

Однако пуп остался на том же месте, так как римская курия предположила, что покрашенный элемент картины скорее вызовет у наблюдателя сомнения и размышления, чем деталь, верная с анатомической точки зрения, пусть она и сомнительна с точки зрения религиозной.

Запах книжной пыли и пергаментов, который он так любил и находил благородным, как фимиам, привел кардинала в состояние благоговейного созерцания. Он углублялся в изучение документов, и в его душе зарождалось сострадание к флорентийцу, который, судя по его письмам, ненавидел пап, причиной чему было горе, которое они ему причинили. Он писал, что больше года не получал от Юлия II ни гроша, и ему казалось, над его искусством посмеялись («...я сразу сообщил Вашему Святейшеству, что живопись – не моя стезя»). Раскачиваясь на высочайших лесах, он проклинал нетерпение папы. День за днем он лежал на спине, краска попадала ему в глаза. Художник страдал от кривошеи. Уже несколько лет ему приходилось читать, держа текст над головой.

Папа Лев из династии Медичи, который пришел вслед за Юлием II, не скрывая неприязни к флорентийцу, называл его дикарем и распространял слухи о том, что с Микеланджело невозможно общаться. Если кому из художников папа и симпатизировал, то это был Рафаэль. Он отдавал предпочтение музыке. Следующий папа, Адриан, намеревался уничтожить фрески Микеланджело, однако неотвратимая смерть настигла его раньше. Да и во времена Клементя положение художника не улучшилось. Микеланджело смело заявил Его Святейшеству, что он думает о его проекте воздвижения восьмидесятифутового колосса. Насколько же возмущен был скульптор отсутствием вкуса у папы, что позволил себе язвительно пошутить: цирюльню, мешающую осуществлению проекта, он предложил сделать его частью, а фигуру колосса – сидячей. Печная труба цирюльни могла бы запросто стать рогом изобилия. А более всего художника увлекла идея сделать из головы гиганта голубятню. *Michelagnolo scultore.*

Каждый документ кардинал клал на свое место. Он в отчаянии покачал

головой. Ни один из них не помог разгадать тайну. Непонятно было, зачем держать эти бумаги в таком секрете. Затем он бросил взгляд на неприметный свиток пергаментов, стянутый кожаными ремешками. Связано было около дюжины документов. Он, несомненно, оставил бы его без внимания, если бы не две большие ярко-красные печати, на которых было легко узнать герб папы Пия V. Но разве Микеланджело не умер уже во время правления его предшественника?

Jesu domine nostrum!^[32] Мысль о том, что за последние четыре сотни лет ни один человек мог и не взглянуть на эти документы, похищенные у мира по причине, известной одному лишь понтифику, и содержащие столь важные сведения, заставила руки кардинала задрожать. Лоб его покрылся каплями пота, а воздух, который еще минуту назад был слаще, чем аромат каштанов в албанских горах, мгновенно стал спертым. Казалось, кардинал задохнется в атмосфере страха и неизвестности. Но именно страх и таинственность заставили его пальцы спешно сломать печати и развернуть пергаменты, связанные вместе кожаными ремешками. *Terra incognita.*^[33]

«Для Джорджио Вазари». Кардинал узнал почерк Микеланджело. Почему письмо флорентийскому другу находилось здесь, в архиве Ватикана? Торопливо разбирая мелкий почерк Микеланджело, вновь и вновь возвращаясь к началу, кардинал читал: «Дорогой мой юный друг. Мое сердце с тобой, даже в том случае, если письмо это, что вполне вероятно в наши дни, до тебя и не дойдет. Ты, наверное, уже слышал о распоряжении Его Святейшества (при одном упоминании его имени я вскипаю от негодования), согласно которому любое письмо и любой багаж может быть открыт, задержан в интересах инквизиции и использован как вещественное доказательство? Фанатичный старик, полагающий, что имя Павла IV придаст ему величия, будто за именем можно припрятать самое низменное, что есть в человеке, отказался выплатить положенное мне вознаграждение в тысячу двести скудо, что, впрочем, не сильно отразилось на моем состоянии. Поверь мне, Буонарроти не оставит обиду неотомщенной. Я расписал Сикстинскую капеллу не красками, как это может показаться на первый взгляд, а порошком, разрушительное действие которого описал Франческо Петрарка, известный поэт из Ареццо, в своем руководстве к счастливой жизни. Раствор тебе известен. Под *intonaco* находится достаточно серы и селитры, чтобы отправить Карафу^[34] с его пурпурными лакеями в преисподнюю. Его так удачно расписал Алигьери в своем стихотворении. По словам поэта, стихи – самое опасное оружие. Но я говорю тебе, мой дорогой юный друг, фрески Сикстинской капеллы

опаснее копий и мечей испанцев, грозящих Риму. Престол Карафы старается защититься от испанцев, его монахи носят землю в рясах, и, не будь Павел дряхлым скелетом, он погонял бы их бичами, чтобы те пошевеливались. Несмотря на то, а может, и благодаря тому, что я так стар, что смерть уже стоит за моей спиной, я не боюсь испанцев. Прощай. Микеланджело Буонарроти. Постскриптум: это правда, что во Флоренции приказано ежедневно докладывать о количестве причастившихся?»

Кардинал опустил письмо на стол. Оперся локтями на одну из конторок, которые стояли между шкафами и служили для удобства чтения документов. Он отер лоб правой рукой, словно прогоняя галлюцинацию. Он старался привести мысли в порядок, обдумать прочитанное, но тщетно. Попытался начать сначала. По-видимому, письмо так и не достигло адресата. Судя по всему, оно попало в руки инквизиции, не было понято ею до конца, но сохранено в качестве улики против Микеланджело. Что имел в виду Микеланджело, говоря о том, что к штукатурке, на которую художник накладывал краски «а фреской примешано достаточно серы и селитры? Он ненавидел Павла IV, всех пап, которые причинили ему зло. Причинили зло гению, что приходится признать. И если Буонарроти говорил, что будет отомщен, значит, в голове у него уже созрел ужасный план, достаточно страшный, чтобы уничтожить понтифика. Какая же опасность скрывалась во фресках Сикстинской капеллы?

В другом письме, на этот раз адресованном кардиналу ди Карпи, содержались такие же намеки. Микеланджело в то время был уже человеком преклонного возраста и в довольно грубых выражениях обращался к кардиналу курии, сообщая, что до него дошли слухи о том, как его светлость отзывался о его творении. Но теперь, после смерти Карафы, уже не было необходимости плясать под его дудку. Напротив, беспорядки в Риме, захват тюрем инквизиции, разрушение статуи папы на Капитолии – все свидетельствовало о ненависти к папству и о беспомощности преемника Павла IV, провозглашавшего себя Медичи. А ведь даже малым детям было известно, что родом он из Милана, из семьи Медичи. Его Святейшество, как лиса, предложил возместить долг его предшественников; но у него, у Микеланджело, есть и другие возможности решения проблемы, мужчине в его возрасте многого не нужно. Он намеревался бросить работу. Но его просьба осталась без ответа, так что теперь он ходатайствовал перед ди Карпи, чтобы тот обратился к Его Святейшеству с прошением отправить его на покой. Работы у него предостаточно. Ему, Микеланджело, не пристало оценивать труд, проделанный по приказу понтификов. Но если святой отец считает, что

оплаченный труд обеспечит ему вечное прощение, то у скульптора есть сомнения на этот счет. Ведь тогда спасти душу проще простого – стоит только на семьдесят лет задержать художнику честно заработанные деньги. По поводу спасения души ему есть что сказать, но разум вынуждает его умалчивать об этом. Все, что он думает по этому поводу, он доверил Сикстинской капелле. «Да увидит зрячий. Целую руку Вашего Преосвященства. Микеланджело».

In nomine domini!^[35] В Сикстинской капелле была тайна, о которой Микеланджело запросто рассказывал всем и каждому. «Все тайны от дьявола!» – пронеслось в голове кардинала, и он ужаснулся этой мысли. Он постарался еще раз обдумать прочитанное. Необходимо выяснить, не нападки ли на пап были причиной того, что эти документы спрятаны в секретной комнате архива. Документы, содержавшие даже худшие упреки в адрес пап, тем не менее были открыты для доступа исследователей в других комнатах башни. Вероятно, причиной такой секретности стало то, что давал понять Микеланджело. Но кому все же была известна правда? Пий V, возможно, знал ее, иначе зачем бы он прятал свиток? Значило ли это, что все тридцать девять понтификов, взошедшие на Святой престол после, не знали его? Существовала ли связь между тайной Сикстинской капеллы и третьим пророчеством Девы Марии? Надпись на своде капеллы не выходила у него из головы. Кардинал торопливо набросал несколько слов на бумаге, почти не осознавая, что делает.

– Ваше Высокопреосвященство! – раздался голос зрителя из-за двери. – Ваше Высокопреосвященство!

Еллинек не мог бы точно сказать, сколько времени он провел в этом *Sanctissimum*,^[36] да это и не казалось ему важным, если принять во внимание столь невероятное открытие. Он подошел к двери и властно произнес:

– Предписано ждать, пока я не постучу в дверь! Это понятно?

– Конечно, – последовал смиренный ответ. – Безусловно, Ваше Высокопреосвященство.

Внимание кардинала привлек свиток, исписанный особенно мелким почерком, выдававшим заносчивость пишущего. Текст начинался словами «Синьора маркиза», причем буква «С» была украшена пафосным завитком, как хоральная прелюдия «In dulci júbilo»,^[37] занимала полстроки и в конце извивалась, как змея, охватившая яйцо. «Синьора маркиза!» Двусмысленность подобного обращения была ему понятна. Кардинал прекрасно знал, о ком идет речь. Виттория Колонна, маркиза Пескара, муж

которой погиб во время битвы при Павии. Вдова, благочестивая до фанатичности. Папа Клемент VII намерен был отговаривать ее от пострижения в монахини, в то время как римское и флорентийское дворянство осаждало ее предложениями руки и сердца. Она считалась одной из красивейших и умнейших женщин того времени, знала латынь не хуже кардинала и произносила речи не хуже философа. Маркиза, как полагают, была большой и единственной платонической любовью Микеланджело. Эта страсть превратила скульптора и художника в поэта, в безумного *scolare*,^[38] выразившего чувства в пламенных сонетах. «Синьора маркиза!» Письмо здесь, в столь странном месте? Нетрудно было догадаться, почему и это письмо не покинуло стен Ватикана. Почти со страхом кардинал взялся читать витиеватые письма:

«Получив ваше любезное письмо, эти искусно написанные строки, полные сочувствия, направленное мне из Витербо, ваш преданный слуга возрадовался, как жеребенок свежему ветру на пастбище. „Счастлив ты, Микеланджело, – воскликнул я, – ты счастливее, чем все владыки мира“. Лишь одно омрачило мою радость – то, что я задел ваши благочестивые чувства к Святой Церкви. Отнеситесь к моим словам как к обычной болтовне художника, находящегося в сомнении на грани добра и зла, выбирающего попеременно источником вдохновения для своих творений то одно, то другое. Я кротко восхищаюсь твердой верой вашей светлости и кредо: „*Omnia sunt possibilis credenti*“,^[39] которое вы так ясно перевели для меня, необразованного. Остается лишь верить – и все свершится само собой. Спрашивая себя, как могло такому, как я, прийти в голову сомнение в Мировом порядке вы, бесспорно, станете считать меня неверующим болваном. Но подозрения, о которых я вам поведал, пришли ко мне не в снах. Они не созрели в глубине моей темной души; сомнения внушила мне наша неупорядоченная жизнь. Рассказывать вам об этом не входило в мои планы, хотя для вашей светлости на этом свете я готов сделать все что угодно. Вашей светлости известно, что «*Атоге поп vuol maestro*» – «любящее сердце не нужно понукать». Мне суждено забрать свою тайну с собой на тот свет, однако не

открыть ее вам я не в силах. Вам, построившей женский монастырь на Монте-Кавалло, откуда Нерон некогда смотрел на пылающий город, чтобы следы благочестивых дев уничтожали и тень зла. Я скажу только одно: вы, верно, уже давно догадались, что знания мои увековечены во фресках Сикстинской капеллы. Мне больно видеть – и это лишь подтверждает мои сомнения – как мало те, кто посвятил себя утверждению веры, сами ее постигли. Семеро пап ежедневно обозревали свод Сикстинской капеллы, но ни один искушенный ум не понял страшного откровения. Ослепленные собственной гордыней, они величественно смотрят только прямо перед собой, вместо того чтобы поднять крепколобые головы, взглянуть – и увидеть. Но я уже и так сказал слишком много; я не желаю ничем досаждать вам.

В смирении покрыв себя грехами,
Чтоб обрести однажды милость свыше,
Гордятся они тем, что сотворили,
Но ангелы, увы, их не услышат.

Слуга вашей светлости,

Микеланджело Буонарроти из Рима».

Кардинал поспешно свернул шуршащий пергамент, вернул его обратно в стальной шкаф. Кто поймет Микеланджело? Что же сокрыл он на своде Сикстинской капеллы? И как он, кардинал, пусть и обладающий божественным знанием, сможет распутать этот клубок теперь, через четыреста лет?

Еллинек запер хранилище, взял лампу и направился к выходу. Он несколько раз нетерпеливо хлопнул ладонью о дверь, пока не услышал звук поворачивавшегося в замке ключа. Распахнул дверь, отстранил сонного зрителя и, пока тот запирает дверь, торопливо зашагал к лестнице. Лампа отбрасывала тени, перед глазами кардинала танцевали причудливые образы: сивиллы, красивые и седые бородатые пророки, мускулистый, как

атлет, Адам, чувственная Ева, которую он любил, как студент любит всходящую на сцену примадонну, – безнадежно и издали. В чередѣ фигур – Ной, вокруг него – Сим, Хам и Иафет, прикрывающая свое лицо Юдифь и решительный, с мечом в руках Давид. Святая Дева Мария!

Что же открыл нам Микеланджело, этот гениальный дьявол, что написал невидимыми чернилами на своих фресках? Скрывался ли среди аллегорических фигур Антихрист? Что значит буква «А» на пергаменте в руках у пророка Иоилия, столь похожего на Браманте?^[40] Что символизирует ангел, поджигающий лапу эритрейской сивиллы, которая, по-видимому, и предсказала Страшный суд? Красивая, в богатых одеждах, она задумчиво листает книгу, так же как и сивилла из Кум. Та старше остальных, но выглядит еще величественнее. Она тоже ищет истину в позеленевшем от времени фолианте. А пророк Иезекииль... Что скрывают буквы «L» и «U» на его свитке? Или божественное знание кроется в тексте, который изучает Даниил?

Какую чудесную тайну хранит дельфийская сивилла? На что указывает ее робкий взгляд?

Продолжая свой путь по тускло освещенным коридорам, ведущим в Сикстинскую капеллу, кардинал наконец припомнил образ пророка Иеремии – трагично-меланхоличный. Микеланджело в нем явно отобразил себя самого: черные приподнятые брови, длинный нос, подбородок и уста, прикрытые ладонями. Пророк удручен и подавлен грузом истинного знания. Именно там, в вышине, над Страшным судом, разгадка тайны! Кардинал ускорил шаг.

Преждевременно состарившийся, сидел он там, мучась от безысходности, познав истину. Широкой спиной он прикрывал две загадочные фигуры. Та, что слева, до странности походила на дельфийскую сивиллу, только постаревшую. Она с гримасой боли на лице отворачивалась. Справа – молодой и полный сил человек, в профиль напоминавший монаха Савонаролу. Намек? Но на что?

Отдуваясь, кардинал устремился вниз по каменной лестнице и осторожно, словно не желая нарушать покой капеллы, открыл правую створку двери. Лучи ноябрьского солнца проникали через высокие окна, заставляя сверкать и искриться геометрический рисунок пола. На творение Микеланджело ложилась мягкая тень, видны были лишь некоторые элементы изображения: там протягивалась рука, тут мелькали почти неразличимые черты лица. Он засомневался, нужно ли включать освещение. Заставить яркие лампы направить потоки света от окон на пол, который отбросит искусственный свет на потолок так же, как это

происходит с естественным освещением?

Включение прожекторов чем-то напоминало сотворение мира, как это описано в Книге Бытия, Первой книге Моисея. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.

Перед мраморным нефом взгляд кардинала невольно обратился вверх, на тысячу раз виденное творение художника: на пророка Иоанна, провозвестника Мессии; на Бога, создающего звезды и растения, отделяющего свет от тьмы и воду – от суши, дающего жизнь Адаму, дотрагиваясь до него своим перстом; на Еву; на чету, поддавшуюся искушению змия. Кардинал от напряжения почувствовал боль в затылке и отступил на несколько шагов назад, не отводя взора от свода. Вспомнилась строка из письма Микеланджело о том, что папы, ослепленные собственной гордыней, величественно смотрят прямо перед собой вместо того, чтобы поднять крепколобые головы, посмотреть – и увидеть. В его поле зрения попал Ной, приносящий жертву после спасения от потопа. Изображение самого потопа, а затем и плывущая по воде крепость, корыстные и эгоистичные люди на необитаемом острове. Никому не будет дан шанс на спасение, даже самым смелым и любящим.

Кардинал затаил дыхание. Как часто он вглядывался в роспись, пытался истолковать ее; однако не замечал раньше, что хронология сотворения мира была обратной, Почему Микеланджело поместил благодарственное жертвоприношение до потопа? Книга Бытия 8:20: «И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всеожжение на жертвеннике». Книга Бытия 7:7: «И вошел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа». Неожиданно сюжет о Ное завершается его опьянением: он лежит в своем шатре пьяный от вина, он почти незаметен за Симом и Иафетом, лиц которых не видно, а сын Хам над ним насмехается.

Очевидно, Микеланджело начал с этой страницы свой цикл, для того чтобы противопоставить его сотворению мира. Казалось, что сделано это намеренно. Ведь флорентиец не мог ошибиться, так как прекрасно знал Ветхий Завет. К Новому же Завету относился с непонятной сдержанностью, почти не признавал его. И внимательный наблюдатель разочарованно заметил бы, что Микеланджело на стенах капеллы доверил отобразить Новый Завет другим художникам: Перуджино^[41] – крещение Христа, Гирландайо^[42] – воззвание апостолов, Росселли^[43] – Тайную вечерю и Нагорную проповедь, Боттичелли^[44] – искушение Христа. Микеланджело

не воспринимал образ Иисуса Христа.

Здесь, в Сикстинской капелле, есть всего лишь одно изображение Христа, созданное рукой Микеланджело, – Судии на Страшном суде. Кардинал медленно приблизился к высокой стене, голубой цвет которой вызывал ощущение потока воздуха. Любого, кто подходил к картине Апокалипсиса, казалось, затягивало в эту воронку урагана, кружило и наполняло ужасом – тем большим, чем дольше человек смотрел на изображение. Но чем ближе кардинал подходил к фреске, тем спокойнее ему становилось, как на росписи Микеланджело сдержаннее становился облик библейских персонажей по мере приближения к Судье. Соотносим ли был этот мощный колосс, способный низвергнуть Голиафа, с традиционным церковным образом Христа, восставшим для того, чтобы предать человечество суду? Был ли это божественный образ, произнесший Нагорную проповедь – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»?

Сотни лет до и после Микеланджело Христос изображался смиренным и милосердным. Тысячелетиями создавался святой, вечный образ. Кардинал стоял на первой ступени алтаря. Даже мягкий искусственный свет не мог придать *такому* Иисусу отдаленное сходство с Господом милосердным. Отнюдь, он беспощадно вперил взор в землю, отказываясь даже на миг взглянуть в глаза людям, воззрившимся на него. Властный, обнаженный, красивый и могучий, как греческий бог. Только его необычайная красота выдавала божественное происхождение. Зевс-громовержец, богатырь Геркулес, вкрадчивый Аполлон... Аполлон? Этот Иисус Христос был поразительно похож на Аполлона Бельведерского, бронзовая фигура которого загадочным образом появилась в Риме, где и находилась, пока папа Юлий не распорядился поставить ее среди других статуй Бельведера. Иисус, он же Аполлон? Микеланджело сыграл со своими образами злую шутку?

Кардинал покинул капеллу через ту же дверь, в которую вошел. Он вновь поднимался вверх по лестнице так быстро, что у него голова пошла крутом. Впрочем, он отыскал бы тут дорогу и с закрытыми глазами. Но никогда этот путь не казался ему таким долгим, изнурительным и загадочным. В голове гудело так, словно несметное количество труб органа пытались заглушить одна другую. И сам того не желая, как бы услышав внутри себя неведомый голос, Еллинек вспомнил слова Откровения: «И

видел я другого Ангела, сильного, сходящего с Неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая». «И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю, и воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими. И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с Неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего».

И прислушиваясь, не прозвучит ли голос снова, кардинал опять оказался перед черной дверью архива. Она была заперта, и он постучал в нее так сильно, что заболели руки. Утомившись, он наконец замер и прислушался.

И вновь послышался голос, промолвивший слова из Откровения Иоанна. Раздавались они четко, но как бы из небытия. Голос произнес: «Пойди, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле». И Ангел сказал: «Возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед». И далее – безмолвие.

Утром, около половины пятого, один из служек нашел кардинала у входа в архив Ватикана. Тот еще дышал.

На следующий день после крещения

В молочно-белом тумане кардинал различил какое-то движение. Постепенно пелена ушла, голоса стали различимыми, и Еллинек ответил на настойчивый вопрос:

– Ваше Высокопреосвященство, вы меня слышите? Вы слышите меня, Ваше Высокопреосвященство?

– Да, – ответил кардинал, увидев белый головной убор медсестры – тугое льняное полотно, обрамлявшее красноватое лицо.

– Все в порядке, Ваше Высокопреосвященство! – опередила его вопрос монахиня. – Вы потеряли сознание от приступа слабости.

– От приступа слабости?

– Вас нашли лежащим без чувств перед входом в секретный архив, Ваше Высокопреосвященство. Сейчас вы в «*Fondo Assistenza Sanitaria*». ^[45] Профессор Монтана наблюдает за вашим состоянием лично. Все в порядке. кардинал проследил взглядом за трубкой, тянувшейся из-под повязки на локте и прикрепленной к стеклянной колбе на хромированном блестящем штативе. Вторая трубка отходила от предплечья и вела к белоснежному прибору со светящимся зеленым экраном с колеблющейся линией, движение которой сопровождалось негромким звуковым сигналом. Она показывала, как бьется его сердце. Взглянув на сестру, которая улыбалась и постоянно кивала, кардинал отвел глаза. Все в комнате сверкало белизной: стены, потолок, немногочисленные предметы интерьера, даже светильники и антикварный телефон, стоявший на белой тумбочке. Еще никогда отсутствие цвета в помещении так не угнетало. Затем он припомнил то, что произошло. Возле телефона лежал скомканный пожелтевший листок бумаги.

Проследив за взглядом кардинала, монахиня осторожно дотронулась до листка, так и не взяв его в руки, и объяснила, что, когда кардинала нашли, у него во рту обнаружили этот листок; положение было опасным, так как Его Высокопреосвященство мог им подавиться. Неужели эта бумага настолько важна?

Кардинал молчал. Видно было, что он напряженно думает. Затем он взял скомканный листок и разгладил его, так что нацарапанные на нем буквы вновь стали различимы.

– *Atramento ibi feci argumentum...* ^[46] – почти беззвучно произнес кардинал. Монахиня же не поняла его слов и смущенно потупила взгляд.

Она с мнимым безучастием расправила складки своего платья.

– *Atramento ibi feci argumentum...* – Он-то понимал значение этих слов, хотя и не был уверен, к кому конкретно они относились. Еллинек был убежден, что он на верном пути, этот след правильный и ведет к разгадке тайны.

– Вам нельзя волноваться, Ваше Высокопреосвященство! – Монахиня хотела вынуть из рук кардинала листок бумаги, но тот быстро сжал кулак.

За белой дверью больничной палаты послышались голоса. Она открылась, и в комнату вошла странная процессия: профессор Монтана, за ним государственный секретарь Касконе, потом два врача-ассистента, помощник секретаря и последний – Вильям Штиклер, камердинер папы. Монахиня поднялась.

– Ваше Высокопреосвященство! – воскликнул государственный секретарь и протянул к Еллинеку руки. Тот попытался приподняться, но Касконе помог ему снова опуститься на подушки. Затем к больному подошел профессор, взял руку кардинала, проверил пульс и кивнул.

– Как вы себя чувствуете, Ваше Высокопреосвященство?

– Небольшая слабость, профессор, но я совершенно здоров.

– У вас был сердечно-сосудистый коллапс, это не опасно для жизни, но вам следует быть внимательнее к себе, больше отдыхать и гулять, меньше работать.

– Как же это произошло, Ваше Высокопреосвященство? – поинтересовался Касконе. – Вас, с Божьей помощью, нашли перед входом в секретный архив. Не знаю, где еще воздух может быть настолько сперт, как в этом месте. Неудивительно, что вы лишились чувств.

– Ваше Высокопреосвященство, вы разрешите поговорить с вами наедине? – Еллинек решительно посмотрел на государственного секретаря, и посетители друг за другом вышли из палаты. Штиклер передал благословение папы. Еллинек осенил себя крестным знаменем.

– Волнение, – начал кардинал Йозеф Еллинек, – это было волнение. В поисках толкования надписей на фресках Микеланджело я сделал открытие...

– Вам не следовало принимать это дело близко к сердцу, – резко прервал больного Касконе. – Микеланджело мертв уже четыреста лет. Он был великим художником, но отнюдь не теологом. Разве мог он хранить какую-то тайну?

– Этот человек был рожден в эпоху Ренессанса. В те времена искусство служило Церкви. Что из этого следует, не мне вам объяснять. Более того, Микеланджело родился во Флоренции, которая во все времена

порождала грехи.

– Федрицци следовало сразу стереть эти символы, как только он обнаружил первые из них. Теперь слишком многие посвящены в тайну. Но мы придумаем им толкование, и дела Ватикана будут у всех на устах.

– Брат во Христе, вам так же, как и мне, известно, что Церковь наша покоится не только на гранитном фундаменте. В некоторых местах проступает и песок...

– То есть вы всерьез верите, – возмущенно перебил его государственный секретарь, – что художник, умерший четыреста лет назад, с которым, что общеизвестно, обошлись не слишком церемонно, может мстить Святой Церкви при помощи букв, обнаруженных на каких-то фресках?

Еллинек сел.

– Во-первых, речь идет не о каких-то фресках, брат во Христе, а о фресках Сикстинской капеллы. Во-вторых, Микеланджело Буонарроти, хотя и умер, вовсе не мертв. Этот художник живет – в памяти людей он живее, чем во времена его физического существования. И в-третьих, я считаю, что, ненавидя папу и Святую Церковь, он готов был использовать любую возможность, какая только могла представиться такому человеку, как он. И я говорю это со знанием дела.

– Ваше Высокопреосвященство, мне кажется, что пребывание в секретном архиве ночи напролет пагубно отражается на вашем здоровье.

– Брат во Христе, но ведь это же вы поручили мне разобраться в деле. А оно так увлекло меня, что я с удовольствием пожертвую ему пару часов сна. Над чем вы смеетесь, государственный секретарь?

Касконе покачал головой:

– Я просто не могу поверить в то, что восемь простых букв, которые ввиду досадной случайности были обнаружены при восстановлении фресок, могут потрясти римскую курию.

– Так случилось, брат мой, что, казалось бы, и более незначительные мелочи имели самый неприятный резонанс за стенами Ватикана.

– Попробуем вообразить еще раз: что может произойти, если завтра Федрицци станет обрабатывать буквы средством, которое их просто уничтожит?

– А вот я расскажу вам. Во всех газетах появятся сообщения о том, что Ватикан уничтожает произведение искусства. Более того, будут выдвигаться предположения о том, что скрывалось за буквами, и о том, что же заставило курию уничтожить надпись. Затем появятся ложные пророки, которые будут извращать толкование надписи, и вред от ее уничтожения,

следовательно, будет гораздо больше, чем если она останется нетронутой.

Во время разговора Еллинек разжал кулак и показал скомканный листок:

– Я уже занялся расшифровкой надписи.

Касконе подошел ближе и взглянул на листок:

– Ну?...

– A – I – F – A – *Atramento ibifeci argumentum*.

– Начало звучит не слишком оптимистично. – Касконе был, видимо, задет. До сих пор он не придавал этому делу большого значения. Сейчас государственному секретарю приходилось всерьез спросить себя, не изобразил ли и вправду Микеланджело на своде Сикстинской капеллы страшное послание, угрожающее Церкви. Касконе задумался и затем сказал:

– И чем вы докажете верность своего толкования?

– В данное время я ничего не могу доказать хотя бы потому, что мне понятно толкование только части надписи. Но уже первая моя догадка доказывает, насколько опасной для Церкви может стать эта надпись.

– Что же вы предлагаете делать, Ваше Высокопреосвященство?

– Что делать? Скажу вам как брат брату: мы обречены на то, чтобы использовать именно те средства, которыми пользовался флорентиец. И если он был связан с дьяволом, нам тоже придется воспользоваться подобными услугами.

Касконе перекрестился.

В праздник папы Марцелла

Вечером темно-синий «фиат» кардинала Еллинека остановился перед палаццо Киджи. Древнее здание имело давнюю историю, но так как имя его создателя, как и очень многое в городе, ушло в небытие, оно было названо в честь банкира Агостини Киджи. На сегодняшний день в историю здания вписывалась страница о спорном наследстве, в результате чего оно было поделено на несколько частей, сдававшихся по высоким арендным ставкам. Шофер, одетый как священник, открыл дверцу машины, и кардинал, выйдя, направился к незаметному боковому входу, у которого была установлена видеокамера. Домоправитель Аннибале улыбкой приветствовал кардинала в полумраке темного вестибюля. Он был неверующим, но два года назад, когда кардинал поселился во дворце, не моргнув глазом произнес: «Слава Богу!» Кардинал знал, что помимо того, что Аннибале был домоправителем, он еще подрабатывал менялой. К тому же он участвовал в мотокроссах и был членом КПИ.^[47]

Но еще примечательнее была его супруга Джованна – женщина средних лет, которой очень шло ее имя.^[48] Казалось, большую часть времени она проводила на лестничной клетке; по крайней мере, кардинал был удивлен, не увидев Джованны. Как правило, он пользовался старым лифтом, вокруг которого, как змий из рая, обвивалась широкая лестница, обрамленная коваными перилами. Однажды ему посчастливилось подсмотреть за Джованной, которая мыла лестницу, а убирала она ее, казалось, несколько раз в день. Сквозь стекла отделанного красным деревом лифта виднелись ее мясистые бедра и – *miserere domine*^[49] – к тому же в чрезвычайно коротких чулках, крепившихся на нескромных ленточках. Кардинал, возбужденный увиденным, на следующий же день возле Пантеона исповедался у камиллинцев. Он покаялся монаху в своем грехе и попросил назначить ему соответствующее наказание. Но добродушный камиллинец из монастыря Святой Магдалены назначил кардиналу дважды прочитать молитвы «Отче наш», «Радуйся, Дева Мария» и «Славься». Отпустив грехи, дал добрый совет повязаться поясом святой Терезы и таким способом отогнать от себя распутные мысли. Монах полагал, что не взгляд грешен, а неблагочестивые мысли; и если кардинал испытал в момент созерцания удовольствие, пусть откроется ему сердце святого Камилло де Леллиса, покровителя всех больных.

Через день после этого, в очередной раз прочитав, к чему в статье

«Целомудрие» призывает *Encyclopaedia Catholica*, обрадованный таким советом кардинал вошел в лифт, нажал на кнопку четвертого этажа и, призывая святую Агнессу, закрыл глаза, чтобы избежать любого искушения. Но поездка оказалась недолгой, намного короче, чем поездка до четвертого этажа. Когда кардинал вынужден был из-за неожиданной остановки лифта открыть глаза, он увидел входившую туда Джованну. Конечно, вид ее совсем не был соблазнительным: в одной руке было серое оцинкованное ведро с грязной водой, в другой – старая тряпка. Не ответив на приветствие ключницы, он, взволнованный, бросился вон из лифта, перед глазами мучительной картиной стоял образ, увиденный им вчера. Будто сам дьявол решил поиграть с ним: выход преградила высокая грудь Джованны, и кардинал отпрянул, будто черт от ладана.

– Второй этаж, Ваше Высокопреосвященство!

– Второй этаж? – Кардинал смутился, как Исая пред очами Господа, и так же, как он, отвернулся. Близость Джованны, греховное тепло, исходившее от ее спины, вскружили ему голову. Время между закрытием двери и толчком, от которого лифт двинулся дальше, показалось ему вечностью. Кардинал проклял тот момент, когда решился войти в лифт. Он считал себя жертвой искушения, как Адам в раю, которому сатана явился в образе змея-искусителя. Кардинал стоял, вцепившись в холодные латунные перила, опоясавшие лифт внутри. С наигранным равнодушием он разглядывал лестничную клетку сквозь матовые стекла лифта и вдруг увидел отражение Джованны: темные глаза, высокие скулы, пухлые губы. Заметив его взгляд, Джованна резким движением отбросила волосы и уставилась на молочно-белые лампы в центре потолка. Чтобы как-то сгладить неловкое молчание, не меняя позы, девушка стала напевать: «*Funiculi, funicola, funicoli, funicolaaa!*»^[50] – припев невинной неаполитанской песенки. Но в исполнении Джованны мотив звучал иначе: бесстыдно и греховно. Голос ее был тихим и слегка охрипшим. По крайней мере, так казалось кардиналу Бог знает почему, Еллинек не мог оторваться от отражения губ Джованны. Он припомнил слова камиллинца, что грешен не взгляд, а низменное разжигание нечестивых желаний. Кардинал был уверен в том, что получает удовольствие от созерцания Джованны. Было ли оно низменным или возвышенным?

– Четвертый этаж, Ваше Высокопреосвященство!

Кардинал, которому теперь поездка казалась слишком короткой, вышел из лифта, едва автоматическая дверь открылась, и, стараясь не коснуться женщины, обошел ее и произнес:

– Благодарю вас, синьора Джованна, благодарю вас!

Этому воспоминанию было уже два года. С тех пор кардинал соблюдал ежедневный ритуал – поднимался по лестнице. Теперь Еллинек предпочитал широкие ступени лифту. Таким образом обязательно встретишь ключницу по пути на четвертый этаж. Однако судьбе было угодно, чтобы и тогда, когда кардинал пользовался лифтом, и тогда, когда по лестнице возвращался домой в необычное время, Джованна тоже встречалась Еллинеку на пути.

В тот вечер кардинал спускался по лестнице. Понукаемый плотью, как святой Петр, Еллинек бросал вверх алчущие взгляды, ловил себя на том, что громко топа и замедлял шаги, чтобы дать ключнице время, но, дойдя до первого этажа, так никого и не встретил. Кардинала охватило то ощущение утраты чего-то желанного, которое говорит о приобретенной зависимости. Согласно совету своего исповедника он дал свободу мучительному желанию, решив не избегать встреч с излучающей усладу женщиной, а не обращать на нее внимание. Таким образом, если верить совету камиллинца, однажды он приобретет силу противостоять искусителю.

Но история Церкви учит: фантазии аскетов бывают ужаснее видений грешников. Их не избежали ни святой отец Церкви Иероним, ни святой иезуит Родригес. И этот иезуит, автор книги «Практика христианского самосовершенствования», в течение всей своей жизни страдал от видений нагих женщин, которые являлись ему по ночам и закрывали его глаза грудью. А кающийся бородач святой Иероним даже в пустыне видел танцующих римских дев, и ни ужасные циновки из кукурузных листьев, на которых он спал, ни благопристойное возлежание на боку не смогли прекратить греховные видения. Если даже аскетично жившие святые не смогли усмирить свою плоть, то как же мог бороться с этим кардинал? В полном разочаровании он спустился на второй, затем на третий этаж. И вот чулки и бедра Джованны, еще более соблазнительные и еще более реальные в мыслях Еллинека, чем наяву в тот раз, когда он впервые увидел их, двигались перед его глазами. Он достал из-под черной рясы ключи от квартиры. Кардинал жил один, хозяйство вела монахиня-францисканка; а по вечерам она уходила в свой монастырь на Авентинском холме. Кардинал привык возвращаться в пустую квартиру. Высокая мрачная передняя, обтянутая красными шелковыми обоями, разделяла квартиру на две части. Двустворчатая дверь слева вела в холл, обставленный отличной черной мебелью в стиле *Novecento Italiano*,^[51] за ним, отделенная раздвижной стеклянной дверью, скрывалась библиотека. Спальня, ванная комната и кухня находились напротив, по другую сторону передней.

Смущенный, кардинал вошел в библиотеку. Две противоположные

стены от пола до потолка были заставлены книжными полками; на третьей, обшитой деревом, висел крест, перед которым стояла обтянутая пурпурной тканью скамеечка для молитвы. Кардинал опустился на скамеечку, закрыл лицо ладонями, однако начатую молитву так и не смог договорить, ибо даже в самую страстную «Радуйся, Дева Мария» врывался соблазнительный образ Джованны. В бешенстве кардинал вскочил, сделал несколько решительных шагов по комнате и направился в неосвещенную спальню, где, перерыв весь комод, с трудом выудил кожаный ремень. Расстегнув рясу, разделся до пояса и стал хлестать себя по спине ремнем, как святой Доминик. Он начал самобичевание неуверенно, но постепенно, будто получая удовольствие от наказания, наносил удары все сильнее и сильнее. Ремень громко стегал по спине, и Бог знает, быть может, кардинал мучил бы себя в этот вечер до потери сознания, если бы звонок в дверь не вывел его из состояния транса. Он поспешно оделся, затем подошел к двери:

– Кто здесь?

Из-за двери послышался голос Джованны. «*Domine nostrum!*»^[52] – раздалось в голове кардинала. Он быстро перекрестился и отворил дверь.

– Это передал священник! – Джованна протянула ему грязный, обернутый в бурую бумагу и перевязанный шнуром пакет.

Кардинал взглянул на Джованну и смущенно переспросил:

– Священник?

– Да, священник, доминиканец, или паллотинец, или как они там зовутся. Одет был во все черное. Сказал, что это для вас, Ваше Высокопреосвященство. Вот и все.

Кардинал взял пакет, кивнул в знак благодарности, затем поспешно притворил дверь. Еще не стихли шаги Джованны по лестнице, а кардинал уже направлялся в гостиную и опускался в одно из цветастых кресел. Эта женщина олицетворяла грех, это был змий из рая, искушение в пустыне. *Domine nostrum*. Что же ему делать? Он взял требник. Учение – это лекарство от плотского желания. Еллинек начал торопливо листать книгу. Остановился на Евангелии от Луки. Третье воскресенье после Троицы: «Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними. Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною» я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более

радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».^[53]

Слова евангелиста помогли ему, как лекарство, сбивающее жар, и в страхе, что греховная лихорадка может вернуться, кардинал встал и направился в библиотеку, к скамейке для молитвы. Он искал помощи в псалмах, из которых особенно по душе ему пришелся псалом Давидов: «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Кардинал читал вполголоса, почти умоляя: «Да постыдятся и посрамятся ищущие души моей! Да будут обращены назад и преданы посмеянию желающие мне зла! Да будут обращены назад за поношение меня говорящие мне: «хорошо! хорошо!» Да возрадуются и возвеселятся о Тебе все, ищущие Тебя, и любящие спасение Твое да говорят непрестанно: «велик Бог!» Я же беден и нищ; Боже, поспеши ко мне! Ты помощь моя и Избавитель мой; Господи! не замедли».^[54] Пока Еллинек так медитировал, он вспомнил о пакете, который в смятении отложил в сторону. Теперь кардинал взглянул на него. Взвесив пакет в руках, будто страшась таинственного содержимого, неспешно вскрыл его. Во имя Девы Марии и всех святых! Любопытство далеко не относилось к добродетелям благочестивого христианина, но порок взял верх над истовыми молитвами кардинала: образ Джованны склонял его к греховным мыслям. Джованна снова предстала пред кардиналом, а в голове звучала Песнь песней. Никогда ничего более чувственного он не читал: «Волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской... как лента алая губы твои... шея твоя – как столп Давидов... два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...»^[55]

Кардинал застыл: да, содержимое пакета заставило его опешить, так ослепил Савла у ворот Дамаска божественный свет. Внутри лежали очки в золотой оправе и красные домашние туфли с вышитыми крестами.

Двумя днями позже

Призвав Святой Дух в помощь, кардинал Йозеф Еллинек на внеочередном консилиуме назвал имена присутствующих на священном собрании, проходившем на Пьяцца дель Сант-Уффици в доме 11 на втором этаже. Присутствовали: Его Высокопреосвященство государственный секретарь Джулиано Касконе, он же префект Совета по общественным делам Церкви; кардинал Марио Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры и епископ Кесарийский; кардинал Джузеппе Беллини, префект Конгрегации богослужения и дисциплины таинств, ответственный за ритуальные и пасторальные литургии и епископ Эльский, Франтишек Коллецки, секретарь Конгрегации католического образования, ответственный за высшие школы и университеты, а также ректор Тевтонской коллегии Санта-Мария дель Анима. Еллинек перечислил виднейших господ монсеньоров и отцов: Августина Фельдмана, управляющего Ватиканским архивом и первого архивариуса Его Святейшества, регента из монастыря на Авентинском холме; Пио Гролевски, куратора ватиканских музеев и отца монахов-проповедников; консультантов Бруно Федрицци, главного реставратора Сикстинской капеллы, профессора Антонио Паванетто, генерального директора музеев Ватикана, Риккардо Паренти, профессора истории искусств в университете Флоренции и специалиста по фрескам позднего Ренессанса и барокко, знатока творчества Микеланджело, Адама Мельцера из Общества Иисуса, ^[56] Уго Пироньо от еремитов Святого Августина, ^[57] Пьера Луиджи Зальбу от сервитов Пресвятой Девы Марии, ^[58] брата Феличе Чентино, епископа монастыря Святой Анастасии, брата Дезидерио Скалья, титулярного епископа монастыря Сан-Карло, и Лаудивио Закья, епископа монастыря Сан-Пьетро в Винколи. В качестве должностных лиц присутствовали монсеньоры Антонио Барберино, нотариус, Эудженио Берлинджеро, протоколист, и Франческо Салеса, писарь.

Из протокола священного собрания

Его Высокопреосвященство господин кардинал Йозеф Еллинек призвал вышеозначенных присутствующих расследовать дело в духе Эразма

Роттердамского *ex paucis multa, ex minimis maxima*,^[59] но приуменьшать его важности нельзя, потому что искусство и наука, включая теологию, за две тысячи лет нанесли Святой Матери-Церкви больший вред, нежели гонения римлян. Но первостепенной задачей должно быть не толкование загадочной надписи в Сикстинской капелле, творца которой можно, наверное, назвать антипапистом с тяжелым характером. Задача наша заключается в том, чтобы предотвратить появление различных спекуляций и предположений и в момент обнародования надписи предложить однозначное толкование. Возражение Его Высокопреосвященства Франтишека Коллецки: «Данное собрание напомнило мне похожий случай, произошедший не так давно и раздутый почти из ничего до неразрешимой проблемы только из-за того, что дело было выдвинуто на обсуждение священным собранием».

Вопрос Адама Мельцера из Общества Иисуса: «О каком случае говорит Его Высокопреосвященство Коллецки? Просим объявить малоизвестные факты».

Ответ Его Высокопреосвященства Коллецки (не без иронии): «Молодым людям да будет известно, что с позволения Его Высокопреосвященства кардинала Йозефа Еллинека как префекта Конгрегации доктрины веры (при этих словах кардинал одобрительно кивнул головой) данное собрание тайно, но безуспешно вело дискуссию о крайней плоти Господа нашего Иисуса и, несмотря на искренность намерений, способствовало тому, чтобы данная проблема стала неразрешимой».

Пьер Луиджи Зальба от сервитов Пресвятой Девы Марии негодовал.

Его Высокопреосвященство Коллецки продолжил: «Один иезуит осведомился о том, достойны ли уважения святые мощи (крайняя плоть), хранящиеся в одном монастыре. Евангелист Лука ясно говорит о том, что на восьмой день после рождения Иисус был обрезан, и его крайняя плоть хранилась в лавандовом масле. Дискуссия священного собрания на эту тему имела неожиданные последствия. Вдруг повсеместно появились мощи

(крайняя плоть). К священному собранию обратились с вопросом, не должен ли был Господь наш Иисус после воскресения и вознесения унести эту святая святых своего тела с собой. Многоуважаемые члены собрания так страстно обсуждали это, что пришлось обратиться к помощи папской комиссии по толкованию церковных канонов. Однако комиссия смогла решить проблему лишь частично. Она сняла статус реликвии с крайней плоти, так как согласно канону 1281, абзац 2 лишь те части тела могут считаться реликвиями, которые претерпели муки. В то время у священного собрания был только один путь закрыть дискуссию о крайней плоти – отлучение от Церкви *speciali modo*». Речь была прервана Его Высокопреосвященством кардиналом Йозефом Еллинеком – он постучал по столу и сказал: «К делу, монсьеор кардинал!»

Его Высокопреосвященство Коллецки: «Я только хотел доказать, что курия может своими дискуссиями сделать из мухи слона. По сей день молчание предпочтительнее слов. Слова могут разбередить раны, молчание же ускоряет выздоровление».

Государственный секретарь и префект Совета по общественным делам церкви Джулиано Касконе вспыхнул: «Задача курии – не молчание! Здесь, за этим столом, мы должны решать, *quoquo modo possumus*».^[60]

Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек пытался его успокоить: «Братья во Христе, смирение – самая ценная христианская добродетель! Я объясню, почему данная *causa*^[61] кажется мне столь важной, даже приближающей опасность. Здесь, в этом месте, за этим столом, триста пятьдесят лет назад обговаривалось дело, которое – смилуйся, Господи, над нами, грешниками несчастными – причинило огромный вред Святой Церкви. Я говорю о *causa Galilei*, а ведь оно поставило священное собрание в очень неловкое положение. Я хочу напомнить о том, что дело Галилея сначала казалось ничтожным. Родилось оно из вопроса об изменчивости неба. Я хотел бы предотвратить повторение ошибки».

Раздался взволнованный голос Уго Пиرونью от еремитов Святого Августина: «Собор в Триенте запретил толкование Писания, противное учениям Святых Отцов! Галилея осудили справедливо!»

Кардинал Еллинек произнес с возрастающей горячностью: «В данном случае мы говорим не о каноническом праве. Мы говорим о вреде, нанесенном обсуждением этого дела священным собранием Церкви. И мы говорим о том, как по халатности ответственных лиц пустяк может превратиться в *causa causarum*».

Монсеньор Уго Пиرونью раздраженно возразил: «В соответствии с научными знаниями, имевшимися в то время, было известно, что Солнце стоит в небе и обращается вокруг Земли и что Земля стоит неподвижно в центре Вселенной. Любой образованный человек мог прочесть об этом у Святых Отцов, в псалмах Соломона и Иисуса Навина. Могла ли Святая Церковь допустить, чтобы тексты данных книг вызывали сомнение? Тут недолго и до того, что некий еретик провозгласит, что не Бог изгнал Адама и Еву из рая, а Адам и Ева прогнали его, потому что хотели остаться вдвоем, и докажет это, основываясь на законах математики и астрономии». И Пиرونью осенил себя крестом.

«Мне кажется, вы забываете, брат во Христе, что неправым оказался не Галилео Галилей, а священное собрание и что ошибались не астрономия с геометрией, а теология. Или еремиты и по сей день считают, что Солнце вращается вокруг Земли? (Слова Его Высокопреосвященства кардинала Еллинека вызвали беспокойство.)

Вышеупомянутый Галилей, что касается вероучения, вечного блаженства и Божественных откровений, всегда ставил теологию превыше других наук. Называл ее даже королевой среди наук. Но одновременно он был уверен в том, что теология не должна опускаться до подтасовок, свойственных низшим и ограниченным псевдонаукам. Ведь те не ведут к вечному блаженству, а ее приверженцы не могут касаться тех сфер, о которых они не имеют понятия».

Тогда монсеньор Уго Пироньо в гневе поднялся и зачитал отрывок из «De genest ad litter am» святого Августина. Ни один проповедник не сделал бы это столь пылко: «Nos indubitanter tenendum est, ut quicquid sapientes buius mundi de natura rerum demonstrare potuerint, ostendamus nostris libris non esse contrarium: quicquid autem tili in suis voluminibus contrarium Sacris Uteris docent, sine ulla dubitatione eredamus id falsissimum esse, et, quoquomodo possumus, etiam ostendamus».^[62]

Его Высокопреосвященство Марио Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры и епископ Кесарийский, ответил предыдущему оратору: «Монсеньор Пироньо, описание космических явлений не входит в задачи Писания, как в задачи науки не входит толкование учения Святой Церкви. Это не мои слова, братья во Христе, это слова Галилео Галилея».

«Писание не учит конкретным вещам, потому что наука эта не ведет к спасению души. Вам знакомы слова из энциклики папы Льва XIII: Providentissimus Deus!»^[63] (Это было замечание Его Высокопреосвященства кардинала Еллинека.)

Просекретарь Конгрегации доктрины веры продолжал: «Вы стремитесь вернуть Средневековье и утверждаете, что Писание более точно трактует геометрию, астрономию, музыку и медицину, чем Архимед, Боэций и Гален? Галилей в точности утверждал то, что ученые его времени могли доказать некоторые природные явления с точки зрения науки, в то время как другие высказывали лишь гипотезы. Он отказывался обсуждать истинность доводов первых и был прав, ведь их утверждения были доказаны научно. И он одновременно искал подтверждение новых гипотез, чтобы избавиться от заблуждений последних. Существовал ли когда-либо ученый более добросовестный? Мне, по крайней мере, аргументы флорентийца кажутся вполне убедительными. Если он говорит о том, что научные доказательства не должны быть подчинены Писанию, нужно лишь объявить, что

они не противоречат ему. В таком случае прежде, чем какое-либо объяснение природных явлений считать неверным, необходимо опровергнуть научные доказательства этого. Так должны поступать и те, кто сомневается в нем, а не те, кто считает его верным».

«*Accessorium sequitur principale!*»^[64]

Кардинал Еллинек вновь постучал по столу и предложил вернуться к теме собрания. Он упомянул о случае Галилея лишь для того, чтобы доказать, что нанести вред Церкви могут не только официальные ее противники, но и невнимательность и негибкость ее приверженцев. В этой связи Его Высокопреосвященство упомянул о давнем споре доминиканцев с иезуитами о предопределении святого Августина, на основе которого были созданы оба братства.

Эти слова вызвали многочисленные замечания присутствующих: Адама Мельцера от Общества Иисуса, брата Дезидерио Скалья, епископа монастыря Сан-Карло, брата Феличе Чентино, епископа монастыря Святой Анастасии, и Его Высокопреосвященства Джузеппе Беллини, префекта Конгрегации богослужения и дисциплины таинств, ответственного за ритуальные и пасторальные литургии.

Но докладчик с трудом сумел вернуть дискуссию в прежнее русло: к росписи Сикстинской капеллы и к расшифровке непонятных надписей. Он предоставил слово главному реставратору Бруно Федрици. Тот пространно описал сделанное открытие: восемь букв, обнаруженных на изображениях книг и свитков пророка Иоиля, эритрейской сивиллы и прочих фигур в порядке нахождения «A – IFA – LU – B – A», упомянув о техниках создания фресок и результатах химического анализа. Они были нанесены самим Микеланджело на фрески а сессо вместе с другими поправками уже после завершения самой росписи – вместе с контурами и исправлениями пропорций.

Прозвучал вопрос государственного секретаря Джулиано Касконе: «Можно ли полностью исключить возможность того, что знаки, ставшие предметом

дискуссии, были нанесены на фрески позже, рукой другого художника?»

Федрицци решительно отверг такую возможность и в доказательство своих слов сообщил, что неорганические красящие пигменты, обнаруженные в знаках, встречаются и в других элементах изображения ветхозаветных картин; тот, кто сомневается в происхождении знаков, должен усомниться и в авторстве Микеланджело, если говорить о росписи свода Сикстинской капеллы. «Были ли на других творениях художника обнаружены какие-либо аналогичные надписи?» (Вопрос Его Высокопреосвященства государственного секретаря.)

Ответ Риккардо Паренти, профессора истории искусств из университета Флоренции: «В соответствии с модой того времени Микеланджело никогда не подписывал своих произведений, исключая те, на которых изображал самого себя, что случалось довольно часто. Наличие черт лица Микеланджело неоспоримо в образе пророка Иеремии и святого Варфоломея, с содранной на Страшном суде кожей. До сих пор нельзя определенно истолковать эту особенность произведений мастера».

«То есть обнаруженная нами тайна характерна для творчества флорентийца». (Замечание Его Высокопреосвященства кардинала Еллинека.)

Ответ Паренти: «Конечно. Несмотря на то что, кроме Сикстинской капеллы, Микеланджело не создал более ни одного достойного произведения живописи. Как известно, роспись Сикстинской капеллы была сделана мастером в надежде заработать денег, с чувством ненависти к папе и к курии (во время создания произведения художника постоянно унижали) и вполне понятной жаждой мести. О каком бы способе отмщения он ни думал, это было не только намерение. Уже самую идею, выбранную художником для росписи капеллы папы, можно рассматривать как провокацию, если не как открытый вызов. Можно себе представить реакцию Церкви, если бы в наше время художник расписал

папскую капеллу изображениями обнаженных мужчин и женщин в соответствии с современными идеалами красоты. А вместо христианских символов нарисовал бы сцены из жизни наркоманов, масонов или поп-звезд. Такого же рода скандал наверняка бы произошел».

Священное собрание пришло в беспокойство.

«Из спора с папой, – продолжал Паренти, – Микеланджело вышел победителем. Он поквитался: не использовал для росписи новозаветные, да и вообще христианские сюжеты. Да, на его фресках – мир духов, мотивы из Данте, неоплатонические образы и античные персонажи, которые считались в церковных кругах языческими. До сих пор непонятно, почему папа разрешил подобную роспись капеллы».

Прозвучало замечание кардинала Еллинека, префекта Конгрегации доктрины веры: «Его Святейшество Юлий II не только был против этого, он вел долгий спор с упрямым художником».

«Что значит «упрямый»? Все художники своевольны: они таким образом создают себе имя!» (Замечание отца Августина Фельдмана, ватиканского архивариуса и первого архивариуса Его Святейшества.)

Вопрос Его Высокопреосвященства кардинала Еллинека: «Как вас понимать, брат во Христе?»

Ответ отца Августина Фельдмана: «Очень просто. Искусство, если это настоящее искусство, не продается. Скажу иначе: глупо думать, что можно купить искусство. И наша causa – лучший тому пример. Когда Его Святейшество считал, что Микеланджело выполняет его задание, художник, который чувствовал себя униженным, мстил заказчику так, что Его Святейшество даже не заметил этого. Будем честными: картина мира, созданная Микеланджело в Сикстинской капелле, допускает любое толкование. Мнение, что художник символически изобразил три формы бытия человека, сотворенного Богом: физическую, душевную и духовную – кажется мне неубедительным. Только не в этой системе символов. Повседневная жизнь человека наполнена символами, напоминающими,

предупреждающими, запрещающими, указывающими, они пересекаются или нейтрализуют друг друга. Но нет абсолютного символа, который был бы актуален всегда и имел универсальный характер во все времена и во всех культурах. Крест, казалось бы, самый древний христианский символ воскресения, в других культурах толкуется совершенно иначе. С другой стороны, для каждого понятия существует множество всевозможных символов. Я хочу сказать этим вот что: чтобы донести это до нас, ему не обязательно было использовать образы языческих провидиц. Даже если сивиллы являются частью Божественной силы, то это не тот Бог, которого Святая Церковь почитает Господом всемогущим, скорее, это один из богов Олимпа».

Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек: «Святой отец, вы рассуждаете как еретик».

Отец Августин: «Я просто говорю о том, что должно броситься в глаза каждому образованному христианину, если он умеет видеть, и только для того, чтобы данное собрание отнеслось к обсуждаемому открытию с осмотрительностью, чтобы вдруг не оказаться в таком же замешательстве, как Его Святейшество Юлий».

«Какое же значение вы придаете надписи, которую озвучил нам Федрици?» (Вопрос Его Высокопреосвященства государственного секретаря Джулиано Касконе.)

«Сейчас, – начал отец Августин, – я не могу дать ясного толкования восьми букв. Для решения этой загадки наверняка можно найти людей более одаренных, чем я. Но я бы хотел выразить мое отношение к возникшей проблеме. Ведь для этого, как я полагаю, мы все здесь собрались. (Одобрительный гул присутствующих.) Я думаю, что мы столкнулись с особым видом синкретизма – сочетания в одном изображении религиозных символов различного происхождения. Вследствие этого мы не замечаем внутреннего единства».

Мнение Его Высокопреосвященства Марио Лопеса

просекретаря Конгрегации доктрины веры и епископа Кесарийского: «Это не ново и уже обсуждалось: синкретистами в XVI веке называли философов, сочетавших в своих учениях взгляды как Аристотеля, так и Платона, что, как известно, недопустимо. Но ваше замечание, брат во Христе, скорее касается анализа произведения, чем объяснения надписи!»

Отец Августин: «Так оно и есть. Я говорю об этом потому, что предполагаю, что и в символах скрывается предательский отзвук синкретизма».

«Брат во Христе, если я вас правильно понял, для расшифровки надписи вы советуете привлечь не только христианских теологов, но и...»

Отец Пио Гролевски, куратор ватиканских музеев, был внезапно прерван Его Высокопреосвященством государственным секретарем Касконе: «Мне не нужно напоминать собранию о том, что мы говорим о деле *specialissimo modo*. Наша задача – не допустить, чтобы Церковь и курия стали посмешищем. И если данное открытие имеет отношение к теологии, то это наша работа. Задача данного собрания – решить проблему *specialissimo modo!*»

Молчание.

Его Высокопреосвященство кардинал-государственный секретарь: «Хочу пояснить свои слова. Ни один звук, произнесенный на этом собрании, не должен предаваться огласке, пока собрание не найдет объяснение этой *causa*. Поэтому помните о главном: вера превыше искусства».

Брат Дезидерио Скалья, титулярный епископ монастыря Сан-Карло, предложил задуматься над тем, что веками фрески Микеланджело являлись для миллионов христиан источником веры. Ветхозаветные же сцены с изображением Создателя побудили многих обратиться в веру христианскую. Это скорее не теологическая проблема. Вопрос лишь в том, стоит ли привлекать внимание общественности к этому открытию.

Адам Мельцер от Общества Иисуса сообщил, что,

посетив Сикстинскую капеллу, он поначалу даже не заметил еле различимых надписей и теперь отказывается серьезно обсуждать проблемы такого рода.

Профессор Паванетто, генеральный директор музеев Ватикана, молча положил на стол стопку фотографий, и Адам Мельцер просмотрел их, надев очки. «Это ни о чем не говорит, – повторял он, тщательно рассматривая фотографии. – Это ни о чем не говорит. Христианская вера требует считать истиной то, что не нуждается в необходимом и полном доказательстве, то, что должно быть принято на веру со стороны восприятия и мышления. Почему бы не усомниться в том, что уже основательно подтверждено восприятием и мышлением?»

Его Высокопреосвященство Марио Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры и епископ Кесарийский (вспыльчиво): «Болтовня иезуита! Вы, люди Иисуса, всегда умели приспособиться к любой ситуации, так что вы нетребовательны. Et omnia ad maiorem Dei gloriam!»^[65]

Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек, успокаивая оратора: «Брат во Христе, проявите смирение! во имя Господа нашего Иисуса, смягчите гнев!»

Адам Мельцер – Его Высокопреосвященству Лопесу: «Ему следовало бы извиниться при всех – не перед ним лично, он недостойн почестей, а перед Societasjesu,^[66] который незаслуженно страдает от оскорблений азиатских архиепископов». Мельцер решил покинуть зал.

«Брат во Христе!» – Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек призвал всех к спокойствию и благоразумию. Адаму Мельцеру *ex officio* он предложил вернуться на свое место.

Мельцер осведомился, действительно ли требование Еллинека предъявлено *ex officio*, потому что в ином случае из-за чрезвычайно серьезного нарушения правил со стороны Его Преосвященства епископа он не

повинуется ему. После категорического подтверждения того, что требование было выдвинуто *ex officio*, Мельцер вернулся и, протирая очки, заметил, что собирается обратиться к высшему духовенству и потребовать сатисфакции.

Наведя таким образом порядок, кардинал Еллинек поставил вопрос о том, существует ли какая-либо связь между знаками письма и фигурами пророков и сивилл. Можно ли соотнести букву «А» с пророками Иоилем и Иеремией, может ли буква «В» быть намеком на нечто связанное с персидской сивиллой,^[67] «LU» – с изображением Иезекииля и «IFA» – с эритрейской сивиллой.

Отец Августин Фельдман, управляющий Ватиканским архивом, взял слово и начал с того, что напомнил о еврейском происхождении имени Иоиль. Оно означало «Яхве есть Бог». Его пророчество говорит о дне Господнем, когда Святой Дух снизошел на Израиль, о суде над язычниками. Оно вовсе не многословное, в отличие от пространных пророчеств Иезекииля, которые составляют целую книгу, полны плачей, скорбных вздыханий и стенаний боли. Но даже с точки зрения псевдонаук о расшифровке букв и цифр, как считает отец Августин, невозможно обнаружить связь между знаками, пророками и сивиллами.

Замечание профессора Антонио Паванетто: «Не слишком ли большое значение придается тому, что знаки обнаружены только у пророков Иезекииля, Иоиля и Иеремии, тогда как Даниил и Исайя лишены каких бы то ни было символов? Это, конечно же, касается, и сивилл. Отмечены персидская и эритрейская, тогда как у дельфийской и кумской нет знаков».

Все поддержали отца Августина, однако вопрос остался без ответа.

Его Преосвященство Франтишек Коллецки, профессор католического образования, заметил, что в еврейских секретных науках использовалась магия букв и чисел, а в каббале буквы соотносились с определенными цифровыми значениями, при помощи

которых проводились магические вычисления.

«Брат во Христе! – прервал оратора брат Дезидерио Скалья, титулярный епископ монастыря Сан-Карло. – Вы утверждаете, что каббалистические знаки могли оказаться в Сикстинской капелле? Или же что Микеланджело мог быть каббалистом и еретиком? Мне кажется, нам следует обратиться к более вероятным гипотезам – средневековым суевериям, например. Заклинания в те времена кодировались первыми буквами слов. Самое известное из них, пожалуй, – молитва Захарии против чумы. Начальные буквы ее слов изображаются на амулетах, колокольчиках и крестах в соответствии с формулой благословения Бенедикта. Наша вера запрещает мне произносить данную последовательность слов, но, мне кажется, она тесно связана с тем, что мы видим на своде Сикстинской капеллы».

Вопрос кардинала Джузеппе Беллини, префекта Конгрегации богослужения и дисциплины таинств: «Может, буквенные обозначения были сделаны каким-либо способом записи музыки? Были ли проведены соответствующие исследования? Ведь самым древним из них был буквенный способ: звуки записывались буквами алфавита, и только в начале тысячелетия появился знакомый нам нотный стан. Одо фон Глуни записывал буквами понравившиеся григорианские песнопения».

«Если я вас правильно понял, господин кардинал (вмешался Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек), вы предполагаете, что буквы, изображенные Микеланджело, соответствуют некой мелодии, в основе которой лежит конкретный текст или даже определенная фраза».

Присутствующие одобрили кардинала Еллинека.

Протесты со стороны брата Пьера Луиджи Зальбы от сервитов Пресвятой Девы Марии, Уго Пироньо от еремитов Святого Августина и брата Феличе Чентино. Последний взволнованно произнес: «Братья во Христе, мы находимся на пути к тому, чтобы совершенно утратить почву под ногами. Мы говорим о языческих

заклинаниях и тайных текстах песен вместо того, чтобы обратиться к благочестивым молитвам. Да пребудет с нами Господь».

Ответ регента Августина Фельдмана: «Брат во Христе, христианская вера ежедневно стремится к небесам. Разумеется, вере чужды факты, но то, что кажется незначительным, становится понятным только при помощи веры. Ни один верующий христианин не усомнится в Откровении Иоанна, философия которого выходит за временные и исторические границы и несет утешительную весть многочисленным поколениям христиан. И все же в Апокалипсисе многое загадочно и неясно и по сей день. Брат во Христе, неужели вы хотите сказать, что сомневаетесь в истинности Откровения? Вы намереваетесь оспорить то, что Откровение Иоанна в основном соответствует тому, что и сам Иисус пророчил о конце мира, только потому, что и по сей день многое в его словах остается неясным и для расшифровки требуется помощь язычества?»

Кардинал Еллинек попросил уточнить высказывание.

«Как вы истолкуете Откровение Иоанна 13:11–18, если не при помощи магии чисел? Иоанн рассказал, что видел зверя, выходящего из земли; у него два рога, как у агнца, и говорил тот, как дракон. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть. Так говорится в Откровении, вы все знаете это».

Вопрос (предположительно брат Феличе Чентино):

«Требуется ли каждый текст расшифровки и толкования?» Ответ: «Конечно же нет. Христианин может верить; но Господь наш Иисус повелел нам думать о содержании. Так кто же этот зверь, имеющий человеческое число?»

Всего через сто лет после написания Откровения Иоанном уже никто не мог ответить на этот вопрос. И до нашего времени христианская теология не знает ответа на него, разве что...»

(Многочисленные голоса: «Разве что?...»)

«...Разве что мы прибегнем к магии чисел греческого учения гностиков».

Протестующие выкрики со всех сторон. Брат Феличе Чентино, епископ монастыря Святой Анастасии, перекрестившись, воскликнул: «Господи, смилостивись над нами!»

Его Высокопреосвященство кардинал Еллинек: «Продолжайте, брат!»

Отец Августин произнес, неуверенно оглянувшись вокруг: «То, о чем я хочу сказать, каждый может найти в Ватиканском архиве, прошу это отметить. Секта Василида, гностика позднего периода античности, распространяла свое учение около 130 года после Рождества Христова. Ее члены выбрали слово ABRAXAS^[68] для опознавания друг друга, а также как магическую формулу. Предположительно данное слово составлено из первых букв иудейских имен Господа. Букв в нем всего семь, но у него несколько особенностей: согласно используемой в секте магии чисел формула ABRAXAS имеет числовое значение «365». Это количество дней в году, что символизирует целостность, божественность: А – 1, В – 2, R – 100, А – 1, X – 60, А – 1, S – 200. Также и слово Meithras^[69] (дифтонг «ei» говорит о греческом происхождении) согласно магии чисел имеет значение «365», а Iesous^[70] (тоже с греческим дифтонгом) – «888». Но, возвращаясь к Откровению Иоанна Богослова, обратим внимание на загадочное число «666». В той системе, о которой я говорю, значение «666» дало бы следующий порядок букв: AKAI DOMET SEBGE. Не менее бессмысленно и таинственно, чем надпись, составленная Микеланджело. Но если исходить из того, что Иоанн записал Откровение на греческом языке, и разделить буквы на группы, получится A.KAI.DOMET.SEB.GE. – аббревиатура полного официального имени правителя Дометиана: Autokrator Kaisar Dometianos Sebastos Germanikos.^[71] Иоанн писал Откровение на захваченном римлянами греческом острове Патмос, и его стремление

при помощи этой аллегии уничтожить существовавший в то время культ императора, обожествление его просто невозможно не заметить».

После того как отец Августин завершил речь, воцарилось долгое молчание.

Государственный секретарь Джулиано Касконе спросил: «Брат Августин, вы считаете, что надпись Микеланджело такого же рода? Вы полагаете, флорентинец мог использовать магию букв одной из языческих сект, чтобы скомпрометировать Церковь и понтификов?»

Встречный вопрос отца Августина: «У вас есть объяснение лучше?»

Вопрос остался без ответа. Наконец слово взял председатель собрания кардинал Еллинек. Он сказал, что дискуссия доказала: нельзя недооценивать происходящее. Он поручил отцу Августину Фельдману, управляющему секретным архивом Ватикана и первому архивариусу Его Святейшества, подобрать документацию по тайным наукам и культам, существовавшим во времена пап Юлия II, Льва X, Адриана VI, Клементя VII, Павла III, Юлия III, Марцелла II, Павла IV и Пия IV. Антонио Паренти, профессору истории искусств в университете Флоренции, было поручено исследовать биографию Микеланджело и выяснить, не было ли у того контактов с враждебными Церкви организациями. Его Высокопреосвященство Франтишек Коллецьки, просекретарь Конгрегации католического образования и ректор Тевтонской коллегии, получил задание *specialissimo modo* привлечь семиотика для расшифровки знаков. Следующее заседание было назначено на первый понедельник после Сретения.

*Ответственные за составление
вышеозначенного протокола:*

Монсеньор Антонио Барберино,

нотариус

Монсеньор Эудженио Берлинджеро,

протоколист

Монсеньор Франческо Салес,

писарь

Между вторым и третьим воскресеньем после Крещения

Августин, ораторианец, не мог припомнить, чтобы его когда-либо вызывал к себе государственный секретарь Джулиано Касконе, хотя он служил в Ватикане уже почти тридцать лет; ведь архивариус стоял почти на самой нижней ступеньке иерархии римской курии. Августин привык к письменным распоряжениям и с педантичностью исполнял их. Курия представляла собой сложный механизм, в котором Августин был самым маленьким винтиком. Поэтому он был изумлен, когда монсеньор Ранери, первый секретарь государственного секретаря, пригласил его в свой кабинет, и, конечно, поспешил явиться. Августин прошел через Cortile della Pigna,^[72] у ворот в Cortile di San Damaso^[73] назвал свое имя и цель визита и после полученного по телефону разрешения был пропущен. Государственный секретарь являлся одним из немногих кардиналов, не только работающих, но и живущих в Ватикане. На втором этаже раздавались гогочущие звуки фагота. Во славу Господа, к его радости и к удовольствию курии, монсеньор Ранери, первый секретарь государственного секретаря Касконе, брался за этот инструмент, как только выдавалась свободная минута. После прохождения через анфиладу комнат на третьем этаже в памяти вошедшего оставались лишь две: одна – с красным пологом, под которым висел герб кардинала, другая – с одиноким пристенным столиком, на котором перед распятием покоилась треугольная красная шапочка кардинала. Августин дошел до зала приемов Его Высокопреосвященства. Он также был обставлен чрезвычайно скромно – столик и дюжина кресел с высокими спинками терялись в полупустой комнате. Секретарь, сопровождавший Августина, указал архивариусу на кресло и, ни слова не говоря, исчез за дверью. Высокие стены помещения были затянуты красным дамастом. Широкие окна, завешанные плотными шторами из золотистой парчи, пропускали лишь слабый свет.

Одна из широких створок двери с шумом открылась, и кардинал-государственный секретарь Касконе, распахнув объятия, вышел в прихожую, а вслед за ним – первый секретарь и помощник секретаря, с которым Августин не был знаком. Августин встал и поклонился кардиналу. Тот громко произнес:

– Отец Августин, *laudetur Jesus Christus!*^[74] – Жестом он предложил посетителю сесть, затем подошел к столу и сел. Обоим секретарям,

которые собирались было занять места за его спиной, он подал знак, и те молча покинули зал.

Секунду оба молчали. Затем кардинал-государственный секретарь заговорил:

– Отец, я попросил вас прийти потому, что ценю ваш ум и умение обращаться с документами. Мы с вами оба часть одного большого целого – часть курии. И если я являюсь его могущественной силой, которая созидает, то вы, отец, – памятью, которая ничего не упустит, – ни доброго, ни злого.

Августин сидел, опустив глаза: он точно не знал, что ему следует ответить государственному секретарю. Наконец он сказал:

– Во славу Господа и Церкви, Ваше Высокопреосвященство! – И, немного помолчав, добавил: – Я служил пяти папам, Ваше Высокопреосвященство, получил и оформил посмертные протоколы четырех из них, заверив печатью, составил полдюжины энциклик и описал десятки тысяч папок. Я думаю, могу сказать, что сделал свой вклад, да.

– Полагаю, – продолжил кардинал, – вы сделали достаточно для одной человеческой жизни...

– Вовсе нет! – прервал его архивариус.

– Что вы имеете в виду?

– Я знаю, что вы хотите сказать, Ваше Высокопреосвященство. Вы думаете, что я достаточно поработал и должен вернуться в свой орден и завершить жизнь во славу Господа. Ваше Высокопреосвященство, я не могу сделать этого! Мне нужны мои *Buste*, мои *Tondi*, пыль архива для меня – как воздух. Разве кто-то жаловался на мою неаккуратность или небрежность? Разве случилось такое, что хоть один из документов терялся? – Голос архивариуса стал громче, задрожал.

– Ну что вы, отец Августин. Именно потому, что до сих пор не было ни одной жалобы на вашу работу и вы безукоризненно выполняли любое поручение, мне представляется верным, чтобы вы сложили с себя полномочия сейчас, пока ошибки не успели закрасться в работу, пока нет претензий, пока кто-либо не сказал о том, что отец Августин не в том возрасте, он состарился и память изменила ему.

– Но память служит мне исправно, Ваше Высокопреосвященство, лучше, чем в молодые годы, шифры всех разделов я храню в памяти, а в архиве столько разделов, сколько нет ни в каком другом хранилище христианского мира. Назовите любую ценную рукопись из истории Церкви, кодекс или буллу, и я наизусть скажу вам ее шифр. Любой из моих *Scrittori* найдет документ за несколько минут!

Государственный секретарь Касконе поднял руки: – Отец! Я верю вам, думаю даже, что нет сейчас человека более квалифицированного, чем вы, в этой области. Но я считаю безответственным держать вас на посту до конца ваших дней, не давая шанса более юным. Я уже занялся поисками и присмотрел для этой должности способного бенедиктинца, отца Пио Сегони из монастыря Монтекассино, специалиста по классической филологии. А знакомство с правилами Святого Бенедикта из Нурсии – несомненное преимущество для архивариуса.

– Так вот оно что! – Августин отвел смущенный взгляд. В этот момент ему показалось, что жизнь его рухнула. – Вот оно что, – повторил он почти шепотом.

Государственный секретарь поднялся, не отрывая ладоней от стола, и завершил беседу словами:

– Смирение, отец, наиболее действенное средство познания небес, *in nomine domini*.

И будто сама собой открылась дверь, в которую вошли Касконе, первый секретарь и помощник секретаря, чтобы сопроводить государственного секретаря.

Августин последовал обратно тем же путем, что и пришел. Он смотрел перед собой, а мысли его витали около слова «смирение». Назвал бы Филиппо Нери, основатель ордена, такое послушание смирением? Не считал бы он это унижением или рабством, не воспротивился бы он такому самоуправству, цинизму? Ни разу за все время службы Августина на него не давили. Он был один из многих, исполнитель, он привык работать, слово «честолюбие» не значилось в его лексиконе. Но ни разу за всю свою жизнь он не чувствовал себя столь беспомощным. В его сердце росла ярость – чувство, до сего времени чуждое его душе, как исламская вера.

В день обращения апостола Павла

Раз в неделю Еллинек играл в шахматы. Хотя словом «играть» вряд ли стоит называть мыслительный процесс, сопровождавшийся церемонией открытия, ритуальным касанием каждой из фигур перед следующим ходом. Да, кардинал относился к тому типу людей, которые не просто играют в шахматы, – они испытывают в них необходимость. И даже в том случае, когда им нужно отвлечься от своей страсти, если к этому вынуждают обстоятельства, они втайне продолжают думать о ней. Не раз идея нового гамбита, возникшая в голове, последовательность ходов, при которой большое количество фигур приносится в жертву, чтобы пробить брешь для атаки в порядках противника, отвлекала его от благочестивой молитвы. И как принято у любителей шахмат, он давал своим открытиям громкие имена: Еллинек имел обыкновение называть придуманные им комбинации тем местом из Библии, на котором возникший образ прервал его молитву. Конечно, гамбит «Римляне 13», придуманный кардиналом в воскресенье перед Рождеством, или гамбит «Эфесийцы 3», задуманный в канун праздника Сердца Христова, были известны лишь в Ватикане, где даже в высших кругах с улыбкой закрывали глаза на это, не зная истинной этимологии данных названий.

Обычным противником кардинала был Оттанни, всегда начинавший игру с безобидного e2 – e4 (на что Еллинек отвечал столь же простым e7 – e5). Однако в течение партии противник превращался в виртуозного шахматиста, нередко ставившего кардиналу мат. После смерти кардинала-государственного секретаря он попробовал было играть с епископом Филом Канизиусом, главой *Istituto per le Opère Religiose*, чьи работы, по мнению мирян, касались денег, а не богословия. Но альянс этот просуществовал недолго, потому что Еллинек презирал простой обмен фигурами, в который превращалась игра, ранее доставлявшая епископу удовольствие. Еллинек предпочитал наслаждаться разработкой комбинаций и строил удивительные стратегические планы. Стал играть с монсеньором Вильямом Штиклером, камердинером Его Святейшества, обычно по пятницам, за бутылкой «Фраскати». Штиклер был прекрасным партнером не только потому, что играл он вдумчиво и на зависть красиво, но и потому, что знал название и историю возникновения любой комбинации. В такие вечера мир ограничивался маленьким пятнышком света, исходящего от старинного торшера в гостиной Еллинека и падавшего на шестьдесят

четыре клетки доски.

О ходе жизни напоминал только размеренный бой барочных часов.

В *Sala di merce*, своеобразной сокровищнице архива с ценными вещами, подаренными папам, хранилась шахматная доска внушительных размеров из золота и фиолетовой эмали – подарок князя Орсини Его Святейшеству. Фигуры величиной с ладонь были изготовлены из золота и серебра. Доска, всегда готовая к игре, стояла среди часов и кубков, но никогда не использовалась. Однако с тех пор, как Штиклер поведал о сокровище (прошло уже более двух лет), между ним и Еллинеком началась бесконечная партия, оба партнера хранили молчание, ни разу не проронив ни слова, хотя каждый по реакции противника хотел догадаться об очередном ходе. Иногда неделю, а то и две в сокровищнице ничего не происходило, потом наступало время делать ход следующему игроку. Негласная договоренность относилась и к тому, что, пока следующий ход не сделан, противник мог вернуть фигуру на место. Так как некоторые ходы были сильно разнесены по времени, каждый из них был отточен и продуман до абсолюта. Они были тем совершеннее, чем больше времени проходило между ними. Однажды, когда Еллинек раздумывал три недели, перед тем как перенести свою ладью с a4 на e4, при встрече Штиклер проронил фразу, что шахматы, впрочем, игра не для людей их возраста, ведь самая длинная партия длилась целых двадцать семь лет. Больше Штиклер ничего не добавил.

В тот вечер в палаццо Киджи, в гостиной кардинала, Еллинек наполнил бокалы, как он обычно делал каждую пятницу, когда они встречались, и передвинул белую пешку с e2 на e4. Штиклер сделал свой ход с e7 на e5, заметив:

– Пешки – душа шахмат.

Кардинал Йозеф Еллинек кивнул, перенося правого слона на c4.

– Это не я сказал, – пояснил свое высказывание монсеньор. – Это двести лет назад сказал Филидор, гений шахмат, к тому же композитор, француз, умерший в Лондоне.

Кардинал старался не вдумываться в слова Штиклера, так как в начале игры расценил их как попытку отвлечь его, вывести из равновесия, что уже само по себе означало бы половину успеха. Конечно, он знал Филидора; любой шахматист, если он действительно шахматист, знает его!

Штиклер передвинул слона слева на c5, с завидным упорством называя его «офицером», в ответ на это кардинал поставил белую королеву на h5, держа на примете черного короля:

– Шах!

Монсеньор же в задумчивости повторял:

– Дамы стоят денег, дамы стоят денег.

Пришло время оценить, чего стоит дерзкий ход Еллинека, угрожавший королю. Он точно знал, что при известной расторопности противника ход этот мог обернуться серьезным промахом, как знал и то, что Штиклер мог обратить фигуру в бегство, и Еллинек только зря потратил бы драгоценное время. Поэтому он предусмотрел несколько вариантов. Действительно, Штиклер ответил с уверенностью Филидора, переместив свою королеву на е7. «Нет, – подумал Еллинек, взяв коня справа, – это, конечно, не его игра». Монсеньор заметил неуверенность противника и улыбнулся. Разве есть орудие более мощное, чем улыбка соперника! Он, собственно, и не собирался сбивать кардинала с толку, так что смущенно произнес:

– Странная история вышла с фресками Сикстинской капеллы, решительно непонятная! – И невольно этим совсем вывел кардинала из равновесия.

Еллинек молчал, беспомощно глядя на своего коня, и Штиклер продолжил, стремясь прервать неловкое молчание:

– Хочу быть с вами откровенным, господин кардинал. Я сначала не придавал значения происходящему. Мне казалось, что восемь букв на фресках не могут составить серьезной проблемы для курии. Но затем...

– Да? – заинтересованно переспросил кардинал. – И что затем? – Он наконец водрузил коня на е3.

– Затем я услышал интерпретацию отца Августина об Откровении Иоанна Богослова и толкование числа «666», за которым скрывается имя воителя Дометиана. Признаюсь, всю ночь не мог уснуть, эти буквы просто преследуют меня.

– Ход черных! – заметил кардинал, стараясь казаться спокойным. Он опасался следующего хода противника: тот перешел в активное наступление. Также боялся вопросов монсеньора, против которых он сегодня не мог ничего предпринять, впрочем, как и против его атаки. Да, он ошибся и теперь следил за тем, как Штиклер перемещал коня на с6, переходя к ответному ходу.

– Иногда, – проговорил Еллинек нерешительно, – я не уверен в том, что Сократ был прав, утверждая, что для человечества существует одно добро и одно зло – знание и незнание! Бесспорно, знание принесло этому миру уже предостаточно горестей.

– Вы считаете, было бы лучше не разгадывать тайну надписи на своде Сикстинской капеллы?

Еллинек замолчал, торопливо передвинул коня, но сразу пошел на

попятную:

– J'adoube – я пойду по-другому. – И он продолжил: – Что может подвигнуть человека такого ранга, как Микеланджело, скрыть в своем творении тайну? Разумеется, не благочестивые мысли! Все тайны от нечистого. Там, наверху, между сивиллами и пророками, скрывается дьявол. Дьявол никогда не показывает своего истинного лица, он таится за самыми неожиданными масками, а буквы – наиболее часто встречающаяся и опасная его маска, так как буквы мертвы, только ум оживляет их. За одной буквой может скрываться слово, даже целая картина мира, стало быть, одна буква в состоянии перевернуть устои человечества.

Штиклер поднял голову. Слова кардинала глубоко задели его. Игра, столь удачная для него, в начале, внезапно отодвинулась на второй план. Он осторожно осведомился:

– Создается такое впечатление, словно вы знаете больше, чем говорите.

– Я ничего не знаю! – возразил Еллинек. – Ничего. Только то, что Микеланджело был гениальным человеком и встречался с самыми выдающимися и известными людьми своего времени. Так что можно предположить, что его познания были обширнее знаний каждого из этих людей в отдельности. Сознание его находилось на качественно новом уровне, который запрещен христианской верой. И только учитывая это, мы сможем расшифровать еретическую фреску флорентийца.

Штиклер словно окаменел, вдруг побледнел, и кардинал задал себе вопрос: что же могло вызвать такую реакцию у его партнера по игре? Догадки о работах Микеланджело, ход королевой на е5, а может быть, взору его открылась новая комбинация, сулящая победу? Взгляд Штиклера был устремлен мимо кардинала, но тот, обернувшись, не обнаружил ничего примечательного, что могло бы заинтересовать его соперника. Всего лишь безобидная коричневая упаковочная бумага, на которой лежали красные тапочки и очки. Монсеньора же, казалось, хватил удар. Может, ему внезапно припомнилось нечто ужасное?

Кардинал беспомощно смотрел на него, но не мог себе представить, что обычный пакет может вызвать такой шок. Еще минуту он раздумывал, как пояснить Штиклеру наличие этих странных предметов. Правда казалась ему слишком невероятной. Поэтому он решил выждать. Вдруг монсеньор поднялся. Он нетвердо стоял на ногах, держась рукой за спинку стула, будто у него кружилась голова. Не глядя на кардинала, он проговорил:

– Извините меня! – И покинул комнату, передвигаясь механически,

словно кукла.

Еллинек услышал, как хлопнула дверь в прихожей. Комната погрузилась в тишину.

На четвертое воскресенье после Крещения

Кардинал-государственный секретарь Касконе служил торжественную воскресную мессу в соборе Святого Петра. Хор исполнял *Missa Papae Marcelli*^[75] Палестрины^[76] – его любимую. Касконе служил мессу *in flocchi*,^[77] в красном одеянии, помогали ему Фил Канизиус в качестве дьякона, монсеньор Ранери в качестве помощника дьякона и еще два монаха-доминиканца в качестве служек. Касконе читал Евангелие от Матфея 8:24–27, где Иисус повелевает морю:

«И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина».

Во время мессы мысли Касконе были о словах Евангелия. Корабль Церкви уже бывал в штормах. Указывали ли знаки на своде Сикстинской капеллы на приближение новой бури? Государственный секретарь был рулевым ответственным и ненавидел бури.

Было сложно, немисливо не думать о загадке Сикстинской капеллы. После последнего хорала они направились к капелле Орсини, ризнице собора Святого Петра. Канизиус бросил мимоходом:

– Мыслями ты не с нами, брат во Христе.

Касконе и Канизиус не дружили, но в чем-то были схожи. Несмотря на их различное происхождение (один – из старого римского дворянского рода, другой – сын американского фермера), они понимали друг друга. Воспитанники иезуитов, оба были склонны к решительным мерам воздействия. Их союз был опасен для остальных членов курии; ведь Касконе, государственный секретарь, и Канизиус, банкир, воплощали в себе всю власть Ватикана.

Воскресным утром капелла Орсини в роскошном убранстве напоминает место небесного преображения. Двое певчих помогли им переодеться. Теперь Касконе был одет в короткую накидку с капюшоном. Поверх всего – красный шелковый плащ; алая шапочка со шнуром и золотой кисточкой, того же цвета туфли с золотой пряжкой. Канизиус же предпочитал скромное черное одеяние. После того как они переоделись, Канизиус отвел государственного секретаря в сторону. Синий и зеленый свет, струившийся сквозь витражи со сценами Писания, оттенял лица

священников. В одной из оконных ниш они остановились и стали разговаривать вполголоса.

– Вы с ума сошли! – прошептал Канизюс. – Вы все сошли с ума. Из-за этих смешных восьми букв. Будто кто-то палкой разворошил муравейник. Я бы никогда не поверил, что курию настолько просто сбить с толку, – всего лишь восемь несчастных букв!

Касконе поднял руки.

– Что же мне делать? Господи, я же не виноват в этом открытии. Я уже думаю, что лучше бы реставраторы стерли их в тот самый день, когда обнаружили. Но теперь мы знаем о них и молчать об этом невозможно, Фил.

Тут Канизюс вышел из себя:

– Тогда дайте уже, наконец, объяснение этой проклятой находке!

Кардинал-государственный секретарь пододвинулся ближе к Канизюсу, чтобы нельзя было заметить, как он взволнован:

– Фил, я делаю все, что в моих силах, для того чтобы получить хоть какой-то результат. Я поручил Еллинеку *ex officio* решить эту проблему. Он созвал консилиум профессионалов, которые всесторонне обсуждают дело.

– Обсуждают! Кому вы это рассказываете... обсуждают! Можно обсуждать что угодно! Можно, обсуждая секрет, возвести его в ранг государственной тайны! Я не верю ни в загадку Сикстинской капеллы, ни в тайнопись, опасную для Церкви.

– Твоими устами глаголет Господь, брат! Но мир падок на тайны. Люди довольствуются не только едой и одеждой, машиной и четырьмя неделями отпуска в году. Люди ждут тайны. Они жаждут не совершенства от Церкви, а мистики и религиозных тайн. Восемь странных знаков на фресках сводов, которым уже несколько сотен лет, – это именно то, чего хотят люди. И самое худшее, что можно сделать в данной ситуации – разболтать об открытии до того, как мы сами найдем объяснение.

– Господь милостив, тогда найдите же его, но найдите, пока не стало слишком поздно! Знаешь, с самого начала я был против этих исследований, и ты знаешь почему. Теперь же, когда сам сатана слоняется по коридорам, оставляя следы, я чувствую ярость и ненависть. Не знаю, как к этому относиться.

– *Non in verbis, sed in rebus est!*^[78] – Касконе смущенно улыбнулся: – Я не знаю, верно ли будет отослать Августина. Он мудр. Уж если кто и в состоянии разрешить данную проблему, то это Августин. Ты слышал, какие доводы он приводил на собрании? В нем огромные знания сочетаются с талантом. Он взял Откровение Иоанна Богослова для того, чтобы доказать,

что любую загадку, созданную с использованием букв и чисел, можно решить. Но ключик спрятан там, где его меньше всего предполагают найти. Августин по гностику Василиду узнал, что за зверем Иоанна с числом «666» скрывается римский правитель Дометиан. Кто же, как не Августин, Разгадает тайну Сикстинской капеллы?

Канизиус взволновался:

– Причина, из-за которой я тебя попросил снять орарианца с занимаемой должности, не в его неспособности работать. У него необычайное чутье, я опасаясь, что он во время расследования вскроет то, что лучше бы сохранить в тайне. Ты знаешь, о чем я говорю.

Касконе оторопело посмотрел на Канизиуса. Продолжая его слушать, он кивком отвечал на приветствия проходивших мимо людей.

– Тяжело охотиться на волка, убив охотничьего пса.

– А бенедиктинец из Монтекассино?

Кардинал-государственный секретарь закатил глаза:

– Разумеется, он опытен и учен. Однако отец Пио уже сорок лет не был в Риме, ему не хватает всесторонней образованности ученого, круг интересов намного уже, если ты понимаешь, о чем я.

– Пио – это, по-моему, верный человек. Он не опасен. Августин наглец, потому что нет ничего бесстыднее, чем осознание собственной мудрости. Это знание срамнее всех вавилонских блудниц, оно олицетворяет власть. Знание и есть власть. Тот, кто это сказал, наверное, был сатаной.

– Тс-с... – Касконе попросил собеседника сдерживаться: – Нам будет сложно в этом деле без помощи Августина. Нам предстоит жить в страхе, пока загадка не будет решена. Страх просочится в наши ряды.

– Страх перед чем? Перед еретическими мыслями Микеланджело? Брат во Христе, Святая Церковь за свою историю выиграла много битв. Она выстоит и сейчас, уверен в этом!

Кардинал-государственный секретарь долго молчал, затем сказал:

– Подумай о предзнаменовании, о котором говорит пророк Даниил. Когда пьяный вавилонский царь Валтасар оскорбил Господа, на стене его дворца некая рука огнем начертала арамейское «*meneh tenel u pharsin*»!^[79] Тебе известны варианты толкования текста, который состоит из одних согласных. Одни говорят, сосчитаны одна мина, один шекель и полшекеля. Даниил же нашел совершенно иное толкование: сосчитал Бог царство твое и положил конец ему; взвешен был на весах и найден слишком легким; разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. Царь Валтасар был убит в следующую ночь, и царство его разделено.

– Это же произошло две с половиной тысячи лет назад!

– Это ничего не меняет.

Канизиус задумался:

– Микеланджело – художник, а не пророк!

– Скульптор! – исправил его Касконе. – Скульптор, а не художник. Папа Юлий принудил его рисовать. Бесспорно, Его Святейшество не очень разбирался в искусстве и резонно полагал, что тот, кто в состоянии извять из мрамора Деву Марию с телом Христа (по поручению кардинала Сан-Диониджи), сможет расписать и свод Сикстинской капеллы.

– Господь милосердный! – прошептал Канизиус, и Касконе продолжил:

– Поэтому нельзя думать, что в картинах Микеланджело зашифрованы благочестивые псалмы. Если Микеланджело спорил о вере или бросил вызов святой инквизиции (сейчас-то мы все понимаем, что собой представляла эта организация), мы не должны бояться буквенного ребуса. Но тот, кто сумел познать природу человека, смысл его рождения и смерти настолько, что изобразил Иисуса Христа как ангела мести, поверь мне, брат во Христе, не будет действовать как шарлатан, а восстанет из созданных им фигур как победитель в битве. – Твои философские взгляды, Джулиано, видимо, тщательно продуманы, но фантазия выше моего понимания. Однако я легко могу себе представить, что в поисках решения задачи на свет может появиться то, что принесет нам гораздо больше головной боли, чем этот ребус. Больше я тебе ничего не скажу.

Кардинал-государственный секретарь погрозил пальцем:

– *Causa* присвоен статус *specialissimo modo, specialissimo modo*, ты это понимаешь?

– Именно поэтому я полон сомнений. Это открытие будет источником различных спекуляций и гипотез. Назови хоть одну тайну, которую удалось бы скрыть за этими стенами. Чем больше пытаются утаить, тем больше о ней болтают. Мне кажется, наихудшим решением было бы закрыть Сикстинскую капеллу для посещения.

– Этого делать никто не собирается, – возразил Касконе. – Но что будет, если о тайне узнают раньше, чем мы разгадаем ее?

– Я ознакомился с делом. Просто притушите свет и объясните это необходимостью реставрации капеллы. Например, сообщите, что свежие краски должны «привыкать» к прямым лучам света.

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе утвердительно кивнул, и собеседники пошли по длинному коридору, ведущему в собор Святого Петра. На ходу Касконе бросил:

– Просто не знаю; иногда мне кажется, что это открытие – часть Божественного плана, направленного против нашей гордыни. Мир плох, непристоен и полон лжи. Но как же ему здесь быть иным!

Они вошли в церковь. Там находился список всех пап в истории Церкви. Слабый свет весеннего солнца лился из окна. Из капеллы делла Колонна слышалось пение, вызывавшее благочестивые и смиренные мысли.

Четвертое воскресенье после Крещения. В тот же день

В это же время монсеньор Штиклер, камердинер папы, направлялся в левый боковой неф собора Святого Петра, в капеллу Святого Клементина, под алтарем которой нашел вечный покой папа Григорий Великий. Штиклер ненадолго задержался у могилы папы Льва XI (Медичи). Взгляд его скользнул по надписи на розах, изображенных на постаменте – «SIC FLORUI».^[80] Она напоминает о недолгих тридцати четырех днях правления папы в 1605 году. Штиклер осмотрел исповедальню (украшенное витиеватым орнаментом страшилище в стиле барокко), будто ожидая от нее некоего знака. Издали не различить, находится ли кто-либо в исповедальне. Неожиданно дверца приотворилась, и из-за нее показался белый платок. Штиклер быстро направился к исповедальне и зашел за правую дверь.

Штиклер узнал за решеткой исповедальни префекта Конгрегации богослужения и дисциплины таинств. Джузеппе Беллини. Монсеньор, казалось, был чрезвычайно взволнован. Он произнес запинаясь:

– Ваше Высокопреосвященство, тапочки и очки Джанпаоло – у Еллинека. Я видел их собственными глазами.

Теперь и по другую сторону решетки воцарилось беспокойство. Кардинал Беллини прошептал:

– У Еллинека? Вы уверены?

– О, если б я не был уверен! – голос Штиклера стал громче. Кардинал даже призвал его к спокойствию:

– Тс-с...

Камердинер папы продолжал шепотом:

– Ваше Высокопреосвященство! Я прекрасно помню тапочки Его Святейшества, а также его очки... Но даже если бы я и не знал, как они выглядят, неужели вы думаете, что где-то могут обнаружиться вещи, настолько похожие на те, что невероятным образом исчезли после неожиданной смерти Его Святейшества? Нет, я готов дать голову на отсечение: это действительно тапочки и очки Его Святейшества. Они были на упаковочной бумаге, лежали в гостиной кардинала Еллинека в палаццо Киджи.

Беллини осенил себя крестом и пробормотал что-то нечленораздельное. Штиклер разобрал лишь слова: «Да пребудет с нами

Господь». Потом Беллини сначала громко, затем понизив голос произнес:

– Брат во Христе, вы понимаете, что это означает? Это должно означать, что кардинал Йозеф Еллинек, может, и не является организатором заговора против его Святейшества Джанпаоло, но наверняка причастен к нему.

– Другого объяснения я не вижу, – шепотом подтвердил Штиклер. – Я вполне осознаю важность этого открытия.

– Боже мой, Штиклер, как же вы сделали это открытие? – Беллини с трудом сдерживался.

– Это было нетрудно, Ваше Высокопреосвященство. Раз в неделю я с кардиналом Еллинеком играю в шахматы. Еллинек – отличный шахматист. Он играл с Оттани, созданные им комбинации широко известны. В прошлую пятницу мы, как всегда, встретились. Еллинек казался удрученным. Мы сидели в гостиной, как обычно, и Еллинек начал партию успешнее, чем я. Но уже спустя несколько ходов я перешел в атаку. Случайно мой взгляд упал на комод, а там, на коричневой упаковочной бумаге, лежали тапочки и очки.

– Вы хотите сказать, что пакет был вскрыт и просто лежал на всеобщем обозрении? Еллинек даже не пытался его спрятать?

– Нет, Ваше Высокопреосвященство, это было для меня полнейшей неожиданностью. Уже сама находка заставила меня застыть, но совершенно необъяснимым мне показалось, что Еллинек так хранит подобные *corpus delicti*,^[81] ведь в моем приходе не было ничего неожиданного.

– То есть он сделал это преднамеренно, – прошептал Беллини.

И Штиклер так же тихо ответил:

– Да, иную причину назвать невозможно.

Джузеппе Беллини вновь перекрестился, но в этот раз более медленно и вдумчиво, дотронувшись указательным пальцем до лба, груди и плеч. Прошептал:

– *Ave Maria, gratia plena...*^[82]

По завершении молитвы Штиклер извинился за то, что позволил себе назначить кардиналу встречу в необычном месте. Зато оно одно из самых спокойных и безопасных. В Ватикане даже у стен есть уши. Совершенно не знаешь, кому можно доверять. Беллини был полностью согласен с собеседником. Надеяться нужно только на приход Господа и его праведный суд. Сложив руки для молитвы, он произнес слова из Откровения Иоанна Богослова:

– Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.

Штиклер внимал благочестивой молитве и, когда Беллини смолк, возразил:

– Ваше Высокопреосвященство, я отказываюсь верить в то, что Джанпаоло стал жертвой заговора, нет, нет, нет. – Он трижды ударил ладонью в лоб: – Разве не его все называли улыбающимся папой? Разве не был он известен добротой, разумным человеколюбием, разве не он утверждал, что является человеком, не более?

– Именно в этом и заключался его промах. После смерти Павла, быстро состарившегося, безразличного) неуверенного, по инерции исполняющего обязанности папы, курия ждала решительного правителя. По крайней мере, некоторые люди в церковных кругах – я не буду называть имен – мечтали увидеть на престоле настоящего владыку, такого, каким был Пий XII, который бичевал марксизм, осуждал южноафриканских террористов и прекратил всякую благотворительность со стороны Церкви странам третьего мира. А вместо этого получили папу, который улыбался и жал руку прокоммунистически настроенному бургомистру Рима.

– Но Джанпаоло не упал с неба! Его избрали кардиналы!

– Тс-с!.. – Беллини призвал Штиклера понизить голос. – Именно из-за того, что они же его и избрали, злоба и была велика. Ведь они предпочли его всем иным *parabiles*,^[83] поэтому их ненависть была всеобъемлюща.

– Господь велик! Нельзя же было убивать Джанпаоло только из-за этого!

Кардинал молча вытер белым платком пот со лба.

– Его убили! – вновь прошептал Штиклер. – Я с самого начала не верил, что Джанпаоло умер своей смертью. Никогда в это не верил. Помню, что творилось. Казалось, внутри курии образовалась отдельная каста.

– Внутри курии, брат во Христе, всегда были отдельные группировки, консервативные и прогрессивные, известные и элитарные.

– Конечно, Ваше Высокопреосвященство. Джанпаоло был не первым папой, которому я служил, и именно поэтому могу утверждать, что никогда не видел такой скрытности и заговорщических настроений, как в ?^e тридцать четыре дня его правления. Казалось, все стали враждовать, большинство кардиналов начали общаться с папой лишь в письменной форме. Поэтому он всегда был необычайно занят.

– Святой отец просто переутомился...

– Это официальная версия, Ваше Высокопреосвященство. И не было причин проводить вскрытие.

– Штиклер, – прошептал кардинал, – не мне вам говорить, что тело папы ни при каких обстоятельствах не подвергается вскрытию!

– Да, я знаю это, – ответил Вильям Штиклер, – но и сегодня себя спрашиваю, почему не разрешается вскрытие. Ведь с останками пап обращаются так же, как с телами других смертных. Не было ничего возвышенного в том, что вокруг ног и груди Джанпаоло обвязывали веревки и растягивали его судорогой сведенное тело с такой силой, что слышно было, как трещат и ломаются кости. Я был там и все видел, Господь мне свидетель.

– Профессор Монтана определенно указал на причину смерти – закупорка коронарной артерии.

– Ваше Высокопреосвященство! На что же еще мог указать Монтана, если не на сердечную недостаточность? Подойдя к постели покойного, он увидел, что тот в левой руке держал папку с делами, правая же безвольно свисала. Монтана повторил действия, которые я уже наблюдал после смерти папы Павла в резиденции Кастель Гандольфо: сняв с Джанпаоло очки, положил их на столик, достал серебряный молоточек, трижды ударил мертвого папу в лоб и трижды спросил, умер ли он. И когда и в третий раз ничего не услышал, то сообщил, что Его Святейшество Иоанн Павел I почил. Монтана выполнил все в соответствии с церемониалом Святой Римско-Католической Церкви.

– *Requiescat in pace. Amen.* [\[84\]](#)

– Однако странность начала обнаруживаться позже, когда прибыл кардинал-государственный секретарь. В 5:30 он уже был свежевыбрит и казался очень собранным. Взглянув на выпавшие из рук папы бумаги, кардинал объявил, что, по официальной версии, рано утром я обнаружил святого отца мертвым в кровати, и читал он не дела, а книгу о последователях Христа. Конечно, я задал вопрос, зачем же извращать факты? Почему Джанпаоло должны были найти за чтением не документов, а книги? Почему найти его должна была не сестра Винченца, которая по утрам приносила ему кофе, а я? Кому нужна вся эта ложь?

– А тапочки и очки Его Святейшества?

– Я не знаю, Ваше Высокопреосвященство. В суете они куда-то исчезли, как и документы, упавшие на пол. Сначала я не придавал этому значения, так как думал, что государственный секретарь забрал эти вещи с собой. Намного позже, около полудня, когда Джанпаоло унесли, я

поинтересовался, куда же дели вещи. И раскрылось ужасное. Кто-то обокрал мертвого папу.

– А Еллинек? Когда пришел Еллинек в эту комнату?

– Еллинек? Его там не было. Кардинала, насколько мне известно, в день смерти папы не было в Риме.

– То, что вы сказали, полностью совпадает с моими наблюдениями, Штиклер. Помнится, Еллинек был на первом собрании кардиналов в Сала Болонья в период *Sede Vacante*, но оно состоялось лишь на следующий день. То есть кардинал Еллинек никак не может быть виновником смерти папы. Об остальном Штиклер, лучше молчать. Если Рота Романа^[85] возбудит дело, вы, монсеньор, наверняка окажетесь первым подозреваемым.

Камердинер подскочил. Он хотел покинуть исповедальню, но Беллини убедил его остаться. Кардинал сказал, что Штиклер неверно его понял. Во имя Иисуса и Девы Марии, он, конечно же, не подозревает Штиклера. Однако, по официальной версии, он стал бы главным свидетелем, так как последним видел святого отца и нашел его тело.

– Но я не находил его тело, Ваше Высокопреосвященство. Этот слух пустил государственный секретарь! – Монсеньор больше не мог сдерживаться.

Беллини старался успокоить Штиклера, шептал, что не слова Беллини окажутся решающими, а то, что обнаружится на суде. И придется ответить на унизительные вопросы. Ведь именно у него, Штиклера, была возможность легко подмешать парализующее вещество в одну из множества бутылочек с лечебными настойками, которые принимал папа, о чем знал весь Ватикан.

После этих слов наступило продолжительное молчание. Вильям Штиклер задумался: ему впервые пришло в голову, что Беллини мог относиться совсем не к той группировке, к которой он его всегда причислял. Судя по тону беседы, кардинал вполне мог быть в группировке Касконе или заодно с Еллинеком.

– Ваше Высокопреосвященство, – прошептал Штиклер, – как же мне вести себя?

– Что вы сказали Еллинеку? Он понял, что вы обнаружили?

– Нет. Я сделал вид, что мне стало плохо, и ушел.

– То есть Еллинек не знает, что вы увидели эти предметы?

– Если это не было преднамеренно, то нет.

– *In nomine domine*, в таком случае мы пока оставим открытие в тайне.

Монсеньор Вильям Штиклер, камердинер папы, в тот же день

отправил кардиналу Йозефу Еллинеку письмо с извинениями, объяснив свой внезапный уход плохим самочувствием. Он выразил надежду вскоре встретиться для продолжения партии.

Сретение Марии ^[86]

Вечером в тот же день кардинал Йозеф Еллинек посетил палаццо Киджи. Швейцарская Аннибале, которая находилась у двери, была пуста, что случалось часто, и кардинал млеял от приятного ожидания. В его голове проносились грешные мысли. Усиленно топя, он постарался предупредить о своем появлении. Наконец в высоком холле показалась она. Синьора Джованна медленно переносила свой вес с одной ноги на другую, и бедра ее при этом еще больше округлялись.

– *Buona sera, Eminenza!* – громко сказала она издали, и кардинал, едва взглянув на дешевую тонкую ткань ее черного, застегнутого на все пуговицы халата, почувствовал себя Моисеем на горе Небо, которому Господь показал благословенную страну. Но возвестил при этом, что тому на нее не ступить.

– Добрый вечер, синьора Джованна! – вежливо ответил на ее приветствие кардинал, стараясь придать голосу мягкость. Ему это не удалось вовсе, отчего он смущенно закашлял.

– Простудились? – спросила ключница уважительно. – Весна заставляет себя ждать в этом году, Ваше Высокопреосвященство. – Она стояла на ступеньку выше Еллинека, и кардинал обошел ее по широкой дуге. Это препятствие смущало его ум. Еще раз закашлявшись, он ответил:

– Еще бы, синьора Джованна, при такой-то зиме. То тепло, то холодно! – И не глядя больше на Джованну (хотя ничего больше он так не желал), Еллинек проследовал далее.

Вдохновившись и в то же время разочаровавшись от явленного ему греха, кардинал хлопнул дверью. Он сразу почувствовал, что в квартире кто-то есть. В гостиной горел свет.

– Сестра? – позвал Еллинек, но ответа не дождался. Странно было бы встретить здесь в эту пору францисканскую монахиню. Удивительно, но дверь в гостиную была открыта. Войдя в комнату, Еллинек остолбенел. В его кресле сидел священник, одетый в черное.

Кто вы? Чего вы хотите? Как вы здесь оказались? Еллинек стоял молча, словно потерял дар речи, хотя жаждал узнать ответы на эти вопросы.

Человек в черном (кардинал утратил уверенность в том, что это священник, и решил, что к нему явился сам дьявол) произнес:

– Вы получили мою посылку, Ваше Высокопреосвященство?

- То есть эти вещи прислали вы?
- Это не просто вещи – это предупреждение!

Кардинал ничего не понимал.

– Предупреждение? Кто вы? Чего вы от меня хотите? Как вы вообще здесь оказались?

Гость сделал произвольное движение рукой:

– То есть вы не знаете, что именно находится в посылке? Джанпаоло...

– Иисус, Мария... – Еллинек похолодел. Как только он услышал имя Джанпаоло, он понял, что же это за таинственная посылка, и кровь застыла у кардинала в жилах. Очки и тапочки человека, который был папой всего тридцать четыре дня! Теперь он припомнил то, чему никогда не придавал значения. Тогда, в сентябре, прошел слух, что обокрали мертвого святого отца. Говорили, что похитили всего несколько домашних мелочей. Все это всплыло в памяти кардинала, пока неизвестный бесстрастно продолжал говорить.

– Теперь вы понимаете?

– Понимаю? – Страх, непонятный, смешной, жалкий страх вдруг поразил Еллинека. Он испугался негодования человека в черном, словно Илия гнева Иезавели.

– Нет, – прошептал он беззвучно, – я ничего не понимаю. Скажите, чего вы хотите от меня и кто вас послал?

Гость отвратительно ухмыльнулся – так знающий насмехается над ничем не ведающим:

– Вы задаете слишком много вопросов, господин кардинал. Любопытство было первым в мире грехом.

– Скажите, наконец, чего вы хотите! – упрямо повторил кардинал и отметил, что его руки дрожат.

– Я? – насмешливо переспросил человек в черном. – Ничего. Я прибыл по высшему повелению: там выразили желание, чтобы вы прекратили исследования надписи на своде Сикстинской капеллы.

Кардинал Еллинек молчал. Он был готов ко всему, но это застало его врасплох. Ему потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Послушайте, в Сикстинской капелле обнаружили восемь загадочных букв, о них нельзя молчать. Ведь они имеют некое губительное значение. Мне поручено *ex officio* найти им толкование, которое может уберечь Церковь от тяжелых последствий. Я, как председатель священного собрания, созвал консилиум, который будет заседать до тех пор, пока не найдет решения. Почему же вы хотите стереть буквы или закрасить их, ведь это глупо, это послужит толчком к распространению всяческих слухов

и сплетен.

– В основном вы совершенно правы, – сказал незнакомец. – Вы ошибаетесь только в одном. Прекращение расследования – это не желание, это приказ!

– Но я назначен *ex officio*....

– Вам пришлось бы остановить поиски, даже если бы вам это поручил сам Иисус Христос, Ваше Высокопреосвященство. Найдите быстро любой предлог, дайте денег экспертам, опубликуйте результаты «исследований», но остановите проведение консилиума.

– А если я против?

– Не знаю, кого предпочтет курия, живого кардинала или мертвого. Пакет был выслан для того, чтобы вы осознали, насколько серьезно ваше положение. Если уж нам Нетрудно убрать папу, не оставив после себя следов, можете быть уверены, что от кардинала избавиться намного проще. Ваша смерть не будет сенсацией, в "L'Ossevatore Romano"^[87] появится лишь маленький некролог: кардинал Еллинек умер в результате несчастного случая» или: «Кардинал Еллинек покончил с собой». Не более того.

– Замолчите!

– Замолчать? Курия, частью которой вы являетесь, Ваше Высокопреосвященство, из-за молчания допустила больше ошибок, чем из-за многословия. Мне будет очень жаль, если мы не достигнем взаимопонимания. Но я почему-то уверен: вы не настолько глупы, господин кардинал. Впрочем, я повторяюсь.

Еллинек приблизился к незнакомцу. Он находился в том состоянии, когда ярость обращается в мужество:

– Послушайте, вы... вы прямо сейчас покинете мою квартиру, или... – Он схватил гостя за ворот.

– Или? – переспросил священник требовательно. Кардинал понял смехотворность своей угрозы и в бессилии отпустил незнакомца, лицо которого вновь искривила ухмылка.

– Ну, хорошо, – сказал он и как бы смахнул «следы» Еллинека со своей одежды. – Это, вообще-то, не мое дело. Я лишь посланец, моя задача выполнена. *Laudetur Jesus Christus*.

Приветствие прозвучало странно. Насмешка и высокомерие звучали в словах священника.

– Не утруждайте себя, – прибавил он. – Я сюда попал самостоятельно, сам и выход найду.

Это случилось на Сретение Марии. Кардинал так и не смог понять, кто

был его таинственным гостем и откуда у того вещи папы. Его требование показалось Еллинеку невыполнимым, и даже более того: сейчас, когда дело осложнилось, стало еще запутаннее и таинственнее, кардинал решил использовать для разгадки тайны все подвластные ему средства. А то, что угрозы теперь направлены лично на него, только укрепило его в этом решении. Кто же, если не он, облаченный в пурпурную мантию, был обязан защитить веру и Церковь? Пусть и ценой своей жизни – *ad majorem Deigloriam*.^[88] О загадочной встрече с незнакомцем кардинал решил пока никому не говорить: мало кто мог в это поверить, да и на следующий день после встречи он уже не вполне был уверен в том, что повстречался не с самим сатаной.

Понедельник после Сретения

Вышеназванные члены консилиума, к которым присоединился профессор по семиотике из атенеума в Латеранском дворце Габриель Маннинг, собрались в понедельник на Страстной на второе заседание под руководством кардинала Йозефа Еллинека, который, призвав в помощь Святой Дух, спросил, разгадал ли кто-либо из присутствующих содержание шифра. Ответ был отрицательным. Еллинек объяснил, что принято решение обратиться за советом к профессору Маннингу, который в настоящее время является наиболее авторитетным специалистом по семиотике. Маннинг уже *ex officio* ознакомился с делом и хочет в первую очередь сделать вступление о перспективах расшифровки и возможном содержании надписи.

Маннинг предупредил, что не стоит надеяться на разгадку секрета в ближайшее время. Все сведения и предположения, касающиеся таинственной надписи, говорят о том, что решение загадки следует искать за леонийскими стенами. Одним из указаний на это можно считать даже восьмизначность кода: AIFA – LUBA. В христианской символике предпочтение отдавалось цифре «7». Маннинг видит подтверждение этому в тематике, на которую создавались росписи свода. Микеланджело разбил символическое для христианства число «12», чтобы изобразить две группы сивилл и пророков. Его сотворение мира позволяет предполагать в нем иррациональную веру в символичность всего сущего. Все, что видит человек, является кодом, шифром, знаком, отображением, аллегорией. Все находится в скрытой взаимосвязи, к которой нужно найти ключ. Астрологи, пифагорейцы, гностики и каббалисты именно в момент создания Сикстинских фресок пережили свой расцвет. Многие образованные люди подпали под влияние мистических представлений того времени. К ним относилась и алхимия языка, мистики и маги которой занимались звучанием слов и букв, а также их значением.

Древние греки использовали буквы вместо музыкальных знаков: двадцать четыре тона авлоса были обозначены двадцатью четырьмя буквами алфавита. Пифагор и его современники были в восторге от открытия того, что высота тона пропорциональна длине струны, то есть слышимое может быть видимым. Так музыкальные звуки оказались воплощением цифр. Маннинг задал вопрос: почему бы буквам и здесь не соответствовать мелодии, текст которой мог дать хотя бы одно толкование

или, как минимум, облегчить решение загадки?

Будет сложнее, если окажется, что в надписи зашифрованы имена, так как буквы-имена древнее, чем греческая культура. Историк Церкви Евсевий Кесарийский доказал в *Praeparatio evangelica*,^[89] что греки взяли алфавит у иудеев. Только гораздо позже Отцы Церкви смогли растолковать алфавитно-акростические обозначения в псалмах и Плаче Иеремии.

По требованию государственного секретаря Джулиано Касконе Маннинг подтвердил свои слова примерами для того, чтобы присутствующие яснее поняли их суть: например, буква «А», начальная буква алфавита, – это звук, который во всех языках произносится с наиболее широко открытым ртом. Поэтому эта буква удостоена чести быть помощником Господа. Он использует ее для того, чтобы открыть человеку рот для произнесения слов. Буква «I», вторая буква шифра, говорит об отсутствии различий между истиной и справедливостью, потому что простую черту могут провести и дети, и молодые, и старики одинаково быстро и хорошо. «F», напротив, несет в себе некую антитезу, потому что представляет собой только одну половинку весов, которые уже при Пифагоре считались символом справедливости. При помощи этих значений уже возможно произвести приблизительное, хотя и смутное толкование первой части послания. Необходимо помнить о том, что значение слова может воплотиться в любой части речи: существительном, прилагательном или глаголе... Маннинг нарисовал в блокноте первые четыре буквы одну под другой, рядом с ними он написал интерпретацию:

А – Господь говорит
I – правду,
F – неправда же
A – лежит на устах...

Все присутствующие, особенно монахи, стали настойчиво требовать от профессора раскрыть смысл остальных букв; но Маннинг сказал, что насколько легким оказалось толкование первой части надписи, настолько сложнее зашифрована символика второй, совершенно не вписывающейся в данную систему интерпретации. «L» – это логос, то есть разум, «U» и «V» многозначны и туманны: «U» в латинице похожа на «V» – шумовой звук, подобный вою. Это воздушный и полый символ, соответствующий цифре «5». Треугольник, стоящий на своей вершине, женский срамной треугольник (при этих словах брат Дезидерио Скалья, епископ Сан-Карло, осенил себя крестом), противопоставляется мужскому символу – ромбу.

Значение буквы «В» неодинаково в разных языках. В латинице, на которой сделана надпись, эта буква обозначает угрозу. На основании вышесказанного Сикстинскую надпись не удастся истолковать осмысленно, а это значит, что применяется не та система.

Посыпались вопросы о том, какие еще возможности толкования может предложить профессор Маннинг. Он стал рассказывать о значении классов букв, различии согласных и гласных, которое особенно явно заметно в исследуемой надписи. Гласных она содержит больше. Пифагорейцы и грамматисты видели в отличиях гласных от согласных противопоставление души и тела. Семь гласных мистерий соответствовали греческим буквам (от них, безусловно, произошел и латинский алфавит), семи наделенных даром речи существам: 1 – ангел, 2 – внутренний голос, 3 – телесный голос человека, 4 – птицы, 5 – млекопитающие, 6 – рептилии, 7 – дикие звери. Пятнадцать согласных (столько их в греческом алфавите), наоборот, обозначают безгласные предметы: 1 – райское небо, 2 – небосвод, 3 – нижний пласт земли, 4 – верхний пласт земли, 5 – вода, 6 – воздух, 7 – мрак, 8 – свет, 9 – растения, 10 – плодоносные деревья, 11 – звезды, 12 – Солнце, 13 – Луна, 14 – рыбы в воде и 15 – морская бездна. Как считает Маннинг, это естествоведческое толкование можно осмеять, но оно показывает, что уже в древние времена существовали науки, которые занимались буквенными ребусами.

Однако Маннинг отверг и эту систему, объяснив свое решение отсутствием в надписи буквы «У». Уже Пифагор признал букву «У» ключом ко всем буквенным загадкам, заявляя, что три «ветви» этой буквы значат следующее: «ствол» – гласные, две «ветви» – глухие и звонкие согласные. Значит, буква «У» – это буква, символизирующая познание. Если бы нужно было искать разгадку в соответствии с этой схемой, то можно быть уверенными, что в надписи будет и буква «У» в качестве ключа к загадке.

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе приходил в отчаяние от перечисления бесконечных вариантов толкования. Поэтому он потребовал, чтобы Маннинг наконец рассказал о системе, при помощи которой можно было бы отыскать ответ. Какая же система подходит для расшифровки?

– Так как время поисков ограничено, я не успел в деталях исследовать вопрос, – ответил Маннинг.

Но исходя из опыта, он решил отдать предпочтение двум вариантам: с одной стороны, видно, что использовалась гематрия^[90] – важная часть мистической буквенной системы, которая применялась во многих

греческих, восточных, еврейских и арабских документах, кстати, и в Откровении Иоанна Богослова.

– Об этой гипотезе, – прервал его кардинал Еллинек, – консилиум уже знает от отца Августина Фельдмана. О каких вариантах толкования вы можете еще рассказать?

– С другой стороны, – продолжал профессор Габриель Маннинг, – уникальность набора букв наводит на мысль о нотариконе,^[91] которым часто пользовались в древних церквях, а также в тайном учении, которое я не решаюсь назвать.

В качестве примера Маннинг привел греческое слово ΙΧΘΥΣ, которое в переводе значит «рыба». Для ранних христиан оно стало символом их религии, который они обычно изображали на песке. Первоначальный смысл этого знака вскоре забылся – остался только сам символ. Позже его пришлось снова расшифровывать. За буквами слова ΙΧΘΥΣ – формула *Jesus Christos Theou Yios Soter*, что означает Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель мира. Схоластик Альберт Магнус в *Compendium theologiae veritatis*^[92] толкует имя Иисус, пользуясь нотариконом, – искомое слово (оно изначально неизвестно) обозначается группой букв, значение которых заключено в совокупности начальных букв других слов. В имени Иисус Альберт Магнус заметил следующее: *Jucunditas maerentium, Eternitas viventium, Sanitas languentium, Ubertas egentium, Satietas esurientum.*^[93]

Многие известные ученые и философы занимались семантикой букв. Составляя анаграммы в Сикстинской капелле, флорентиец мог обратиться к их опыту.

Еллинек спросил, какое же тайное учение Маннинг опасался назвать.

Профессор отвечал, что еврейская каббалистика использовала буквенные шифры для сокровенных мистических знаний, а принимая во внимание порядок и распределение Сикстинских фресок, а также своеобразие отбора букв, можно было предположить, что Микеланджело хотел указать на данное учение. Большинство участников собрания были обеспокоены. Кардиналы, монсеньоры и профессора – все говорили одновременно, а Его Высокопреосвященство кардинал Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры и епископ Кесарийский, неоднократно выкрикивал, что сам дьявол запустил пятерню в тело Святой Церкви, дьявол затесался в ряды ее, *horribile dictu!*^[94]

На предположение Его Высокопреосвященства кардинала Беллини о том, что это афера и мистификация, Маннинг возразил, что ему поручено

выяснить не авторитетность надписи, а ее значение. Проверка достоверности является делом высокочтимого консилиума после итогов толкования смысла. Еллинек согласился с профессором, но Беллини был непреклонен, назвал семиотиков врагами веры: они готовы открыть все или ничего. Он доказывал это, приводя в пример Шекспира и Бэкона, являвшихся, по его мнению, одним и тем же человеком, да и Гете был каббалистом.

Габриель Маннинг не стал спорить с кардиналом, но снова напомнил, что в данный момент речь шла не о содержании надписи, а о ее расшифровке. До тех пор, пока надпись не будет интерпретирована, о смысле ее говорить рано.

Бесспорно, мистика букв допускает множество факторов, которые невозможно учесть в полном объеме. Изопсефия,^[95] лженаука, которая связывает цифровое воплощение всевозможных слов, часто служила врагам данного сообщества контраргументом. Изопсефия основывается на нумерации греческих букв от альфы до омеги с помощью цифр от 1 до 24, поэтому ее можно было легко использовать для интерпретации многих загадок в мире. Действительно, с ее помощью достигались поразительные результаты. Выдающиеся люди присоединялись к этому учению. Наполеон считал, что уже в молодости заметил соответствие «Наполеон – 82 – Бурбон», после чего он почувствовал себя избранным стать императором Франции. Еврейские противники изопсефии легко доказывали с помощью данной лженауки, что у Книги Бытия то же значение, что и у словосочетания «сплошной обман», а толкование слов «Бог всемогущий» совпадает со значением слов «другие боги». Но мы сегодня говорим не об этом, мы собрались, чтобы найти научное объяснение надписи, интерпретацию, которая будет включать в себя доказательство того, что она верна.

После этого кардинал Йозеф Еллинек вынул из складок сутаны лист бумаги, и все присутствующие посмотрели на председателя консилиума. Кардинал сообщил, что он тоже попытался отыскать смысл надписи, но до сих пор ему не доставало мужества сообщить о своих догадках. Только теперь, когда он увидел бесконечное количество возможных вариантов и смехотворность некоторых из них, он решится, с позволения консилиума, сообщить о своих предположениях. Еллинек написал восемь букв в столбик, затем рядом с ними нетвердым почерком – слова:

A – atramento

I – ibi

F – feci
A – argumentum
L – locum
U – ultionis
B – bibliothecam
A – aptavi

Еллинек поднял лист бумаги вверх, чтобы все увидели, и медленно прочитал: *Atramento ibifeci argumentum, locum ultionis bibliothecam aptavi*. «Тут я выделил черным цветом библиотеку – избрал ее местом свершения возмездия».

Воцарилось длительное молчание. Кардиналы, монсеньоры и все присутствующие взирали на листок в руке кардинала.

«Библиотека как место свершения возмездия?» Как это понимать? Все вдруг стали искать архивариуса отца Августина; но его место уже занимал преемник – отец Пио. Заметив, что на него все смотрят, он пожал плечами и беспомощно развел руками.

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе слегка улыбнулся и поинтересовался, что думает Маннинг об этом толковании.

– Ничего, – ответил семиотик не колеблясь и объяснил это отсутствием аргументов для подобной интерпретации, казавшейся очень простой. Однако в ней нет никакой логики. Почему это первая буква алфавита должна означать *atramentum*, а не *argumentum*, а может, она означает *aptare*? Если же толкование верно, то как мы это узнаем? Нет, не мог Микеланджело все задумать настолько просто, только не Микеланджело!

Кардинал-государственный секретарь Касконе первым взял себя в руки, казалось, его надежды были обмануты, он выглядел разочарованным и даже огорченным. Кардинал спросил Маннинга о том, почему тот так уверен в своих словах и отказывает в праве на существование версии Его Высокопреосвященства кардинала Еллинека, если сам пока никакого толкования не нашел. Профессор молчал, и Касконе обернулся к Его Высокопреосвященству кардиналу Еллинеку. Может ли он дать хоть какое-то объяснение?

Еллинек, по мнению Маннинга, не мог доказать верность своих выводов ни с точки зрения смысла, ни с точки зрения формы. Он дал волю своей фантазии, как это впрочем, сделал и Микеланджело, принявшись за создание фресок. Микеланджело не был семиотиком и, конечно же, не был ученым. Его творение пришло из глубины души, преображая чувства в изображения. Кардинал не знал, долго ли раздумывал Микеланджело

прежде, чем написать ту или иную букву. Содержание же Еллинек отказался обсуждать прилюдно и предложил государственному секретарю побеседовать с глазу на глаз *specialissimo modo* после окончания консилиума.

Тогда монахи отец Пио от монахов-проповедников, брат Дезидерио Скалья, епископ монастыря Сан-Карло, и Пьер Луиджи Зальба от сервитов Пресвятой Девы Марии возмутились, а круглые стекла очков Адама Мельцера из Общества Иисуса грозно блистали. Он ударил кулаком по столу и выкрикнул, будто Навуходоносор пред огненной пещью, что консилиум превратится в фарс, если одни будут осведомлены больше других, а некоторые будут скрывать весомые факты. В данном случае он, Адам Мельцер, просит уволить его от этого. Прочие монахи поспешили присоединиться к этому требованию. В зале тут же раздались и другие возмущенные выкрики, среди них был голос кардинала Беллини, префекта Конгрегации богослужения и дисциплины таинств. И вскоре в зале, где собрался консилиум, уже царила неразбериха, которую не смог прекратить даже Еллинек. Еллинек не без труда снова привлек к себе внимание. Каждый участник священного собрания будет извещен о причинах, но в сложившейся ситуации необходимо учитывать специфику Ватиканского архива. В нем хранятся сведения о высших чинах курии *specialissimo modo*. Адам Мельцер, до конца не выслушав кардинала, предположил, что консилиум собирался для отвода глаз, что секрет давно открыт, но по непонятным причинам о результатах ничего не сообщается. Иначе как еще можно расценить заявление Его Высокопреосвященства Еллинека, принадлежащего к высшим кругам, что разгадка им найдена. Очевидно, она находится в архиве, куда простым смертным вход закрыт. По мнению Мельцера, истинный смысл надписи давно известен, но он оскорбителен для Церкви, поэтому было решено созвать данный консилиум, чтобы создать безобидную замену толкованию. Мельцер назвал это фарисейством, как вопрос, заданный священниками и левитами Иоанну по ту сторону реки Иордан.

Еллинек, вскочив, запретил Мельцеру продолжать, назвав его речь недостойной истинного христианина, к тому же непродуманной. Молчание, несомненно, было бы в данной ситуации предпочтительней. Оскорбленный и почитающий данную *causa*, он все-таки не будет назначать взыскания, так как осознает, что у всех нервы на пределе и иные уже завтра пожалеют о сказанном. Нет, он, Еллинек, тоже не знает смысла надписи. Своей версией он хотел лишь выказать уважение к профессору.

А Маннинг назвал происходящее нечестным и неправомерным, а

также противоречащим христианской морали. Однако он не собирается исследовать то, что уже Давно известно, только лишь для того, чтобы версия обрела стройность и понравилась курии. Семиотик потребовал открыть для него доступ к секретному архиву, иначе он отказывался от продолжения исследований. Припертый к стенке, Еллинек попросил снять с него все обязанности, но был прерван кардиналом-государственным секретарем:

– *Non est possibile, ex officio!*^[96]

Он сделал попытку успокоить всех присутствующих. Таким образом, консилиум быстро и неожиданно завершил свою работу, так ни на йоту и не приблизившись к разгадке. Помимо разногласий в их ряды закралась и подозрительность. Все перестали доверять друг Другу: монахи – кардиналам, кардиналы – профессорам, профессора – кардиналам. Кардинал Беллини – кардиналу Еллинеку, кардинал Еллинек – кардиналу-государственному секретарю, кардинал-государственный секретарь – кардиналу Еллинеку, кардинал Еллинек – монсеньору Штиклеру, монсеньор Штиклер – кардиналу Еллинеку, Мельцер – кардиналу Еллинеку. По-видимому, к кардиналу Йозефу Еллинеку все члены курии испытывали теперь лишь враждебные чувства. И казалось, что гнев Всевышнего настиг Ватикан, как однажды Содом и Гоморру.

В тот же день в молельне на Авентинском холме неожиданно встретились отец Пио Сегони и аббат монастыря. Аббат не узнавал бенедиктинца из Монтекассино, но тот настаивал, что они учились в одной семинарии. Речь его становилась все громче, так что аббат, пряча руки в фалдах одежды, успокаивал его.

Пио, сверкая глазами, говорил о документах того времени:

– Они должны находиться в этом монастыре, я знаю. Если бы они были отправлены в другое место, это не удалось бы сохранить в тайне. Где же они?

Аббат хотел успокоить взволнованного священника:

– Брат во Христе, документы, о которых вы говорите существуют лишь в вашей голове. Если бы они были здесь, я бы знал об этом. Ведь я полжизни провел в этом монастыре.

– Несомненно, аббат, – говорил Пио Сегони с циничной ухмылкой, – вы спокойно пережили все благодаря своей способности держать язык за зубами.

– Легче молчать, чем думать о том, что ты сказал, брат.

– Да, знаю по себе: мне всегда вредило то, о чем я должен был сказать.

Я всю жизнь винился в том, в чем повинен не был. Это больно. Меня бросали из одного аббатства в другое, из одного приората в другой. Господи милостивый, я похож на прокаженного из Библии.

– Вы живете согласно *Ordo Sancti Benedicti* брат, а правила ордена предписывают трудиться всюду. А теперь идите.

Так закончился разговор. Собеседники расстались, не вспомнив о словах апостола Павла: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем».

Предположительно в Прощеное воскресенье

Несколько дней спустя, должно быть, в Прощеное воскресенье, но точно уже никто этого установить не может, как не важно это и для нашего повествования, кардинал Еллинек направился в архив. Поздним вечером (кардинал был обременен делами) раздавались привычные гогочущие звуки фагота монсеньора Ранери, наполнявшие коридоры папского дворца. Еллинек был убежден, что только он в состоянии будет помочь расшифровке надписи, если изучит секретный архив досконально. Ведь у Беллини и Лопеса не было разрешения посещать секретные комнаты, а Касконе, по мнению Еллинека, стремился скрыть правду, а не доискаться истины. Он, как всегда, вошел туда через заднюю дверь, когда в ответ на условный стук ее открыл один из *Scrittori*. Юноша испытывал природный стыд, вернее, благоговение, перед книгами. Кардинал не знал ни его имени, ни имен остальных. Сам Еллинек не испытывал стыда перед книгами. Они как бы бросали ему вызов, возбуждали, как плоть Джованны. Он любил гладить книги, раздевать их, вынимая из обложки, – книги были его страстью.

Как в лабиринте Минотавра, в этом – из книжных томов и черных книжных шкафов – никогда нельзя было знать наверняка, есть ли в архиве кто-нибудь еще. А может быть, пришедший был единственным исследователем учений, ересей и Слова, которое, как говорится в Писании, было в начале. И тот, кто познал премудрость чтения меж строк, как «Отче наш», тот, как и сам Еллинек, чувствовал жуткую всемогущую мощь слов, которые были более могучими, чем войны и войны. Они могли создавать миры – и разрушать их. Спасение – и вечное проклятие, смерть – и жизнь, небеса – и ад. Нигде эти противопоставленные понятия не сходились так близко, как здесь. Еллинек понимал это. Имея доступ к самым сокровенным тайнам, постиг это лучше, чем кто бы то ни было. Именно поэтому опасался знаков флорентийца больше всех в Ватикане. Он боялся их, потому что прочел больше остальных. Он понимал, что, несмотря на это, разумеет совсем немного. Тысячи жизней не хватило бы, чтобы раскрыть все тайны *Archivio Segreto*.

Еллинек взял из рук *Scrittore* настольную лампу и направился в *Riserva*. Отец Августин ни разу не преодолевал путь наверх по узкой винтовой лестнице, к той двери, за которую даже ему был закрыт доступ. Отец Пио с согласия Еллинека отменил этот обычай, поэтому Еллинек

носил в кармане сутаны тяжелый ключ с двумя бородками. На лестнице стоял резкий запах. Как же он ненавидел этот убийственный запах противогрибковых химикатов, который перебивал возбуждающий запах книг! Дойдя до черной двери, он вложил ключ в замок.

Еллинек открыл дверь, и на секунду ему показалось, что среди полок кто-то потушил тусклый свет. Но этого просто не могло быть, и кардинал, заперев за собой дверь и освещая путь лампой, подошел к шкафу, в котором хранились документы флорентийца.

Еллинек, раскладывая бумаги на две стопки (прочитанные и те, которые ему еще предстояло изучить), размышлял о том, почему же великое открывается лишь художникам? Письма Микеланджело пронизаны злобой, горечью, досадой, в них сквозит подавленность. Казалось, словно Микеланджело был от рождения обречен на несчастье: *taedium vitae*^[97] повсюду, везде ложь, интриги и враги. Флорентийцу одно время даже чудилось, что его преследуют убийцы. Мучил страх апокалипсиса. И если ужас оставлял его, на смену ему приходил другой. Он мучил себя сам, бредил метафизикой, он был вечным рабом неизбывной скорби. Служило ли все это пищей для его творчества? Неужели необходимо стать рабом, чтобы насладиться полнотой свободы? Ослепнуть, чтобы оценить способность видеть? Глухим, чтобы иметь возможность слышать?

Досье неизвестного автора о восьмидесятиоднолетнем Микеланджело, который в то время стал архитектором собора Святого Петра. «Старик брызжет слюной и впадает в детство. Пора уже прогнать флорентийца со службы, так как непонятно, в состоянии ли он воплотить то, что рисует на бумаге. М. замечал ошибки в вычислениях, которые, если и не являлись порождениями его фантазии, приписывались Нанни Биджо, молодому зодчему, который уже мечтал занять место флорентийца». Как бы то ни было, их споры мешали делу. Все указывало на то, чтобы отпустить М., назначив на его место Биджо.

Среди писем – сонеты, написанные рукой Микеланджело, но так и не дошедшие до адресата. Что-то в них было ясно, что-то загадочно, но любой документ мог привести к разгадке.

На склоне лет, уж к смерти приближаясь,
Я поздно понял твой соблазн, о свет, —
Ты счастьем манишь, какого нет,
И отдыхом, что умер, не рождаясь.
Стыдясь и ужасаясь
Того, чем прежде жил,

И с неба слыша зовы, —
Увы, я вновь прельщаюсь
Грехом, что был мне мил,
В ком смерть душе, а плоти — лишь оковы.

Вам говорит суровый
Мой опыт: в Небо внидет только тот,
Кто, чуть родившись, тотчас вновь умрет.^[98]

Нет, сонеты Микеланджело не были полны христианских мыслей, скорее, здесь можно было найти идеи Софокла, согласно которым умнее было бы вовсе не рождаться на свет. Какой же грех был так мил и уничтожил душу Микеланджело?

Письмо некоего Карло, инквизитора: «М. вызывает подозрения, потому что он по ночам, а не светлым днем, скрывая свои дела, посещает в пригороде дома еретиков и каббалистов, которых каждый благоверный христианин должен избегать: *Confiitatis maledictis, flammis acribus addictis*».^[99]

Микеланджело — каббалист, приверженец секретного иудейского учения? Как ни невероятно это звучало, но кое-какие факты подтверждали это предположение. Почему незадолго до своей смерти флорентиец сжег все свои рисунки и чертежи? Почему? Запись его лекаря подтверждает это. Но что находилось в опечатанном ларце, который после смерти флорентийца открыли его друзья, Даниеле да Вольтера и Томазо Кавальери? Были ли в сундуке только восемь тысяч скудо, как они говорят? Или друзья обнаружили судьбоносный документ и спрятали его в тайнике? Почему Микеланджело не хотел, чтобы его хоронили в Риме, где он прожил последние тридцать лет и создал величайшие свои творения?

Копия письма его лекаря Жерардо Фиделиссими из Пистойи герцогу Флорентийскому: «Сегодня вечером ушел в лучший мир великолепный мастер, обладавший уникальным дарованием, Микеланджело Буонарроти, и так как я вместе с другими врачевателями заботился о нем, болеющем, то взял на себя выполнение его желания: тело его будет перевезено во Флоренцию. Кроме того, так как никто из родственников не присутствовал при кончине, а почивший в бозе не оставил завещания, я позволил себе, Ваше превосходительство, сообщить Вам, так ценившему некоторые его качества, эту новость, дабы желание усопшего было исполнено, а его

прекрасная родина имела честь хранить кости великого человека, которого однажды и подарила нам. – Рим, 13 февраля 1564,^[100] Жерардо, доктор медицины».

Почему, *Domine Deus*,^[101] все эти письма, досье и копии хранились в архиве Ватикана? Зачем изымались письма, зачем составлялись досье? Если объяснение тому и существовало, то, видимо, только одно: Микеланджело, гениальный художник, прославивший Церковь своими творениями, как никто другой, подозревался в ереси. После его смерти это подозрение каким-то образом подтвердилось, потому как одного его было недостаточно для того, чтобы хранить какие-либо материалы в секретном архиве.

Погруженный в мрачные мысли, кардинал при свете лампы просматривал документ за документом, как вдруг один из листов выпорхнул из его рук и упал на пол. Еллинек наклонился, чтобы поднять его, и свет лампы, которую он держал в левой руке, упал на пустую нижнюю полку шкафа – сквозь нее можно было видеть соседний ряд полок. *Deus Sabaoth*,^[102] этого просто не могло быть! За полкой Еллинек увидел ботинки, он решил, что ошибся, надеялся, что в душной атмосфере архива это ему показалось. Но тут хозяин ботинок отступил на цыпочках вглубь. Еллинек застыл, как жена Лота, когда Господь низверг на Содом и Гоморру огонь и серу.

– Эй, – крикнул он взволнованно, – кто там? – Он осветил темноту, обошел полку, заглянув туда, где ему привиделась фигура. Однако свет его лампы был слишком слаб для того, чтобы осветить все уголки прохода между полками. Тогда кардинал затаился и медленно, стараясь не издавать ни звука, двинулся вперед: – Кто здесь? – снова выкрикнул он, скорее чтобы придать себе смелости, чем в надежде услышать ответ. – Кто здесь? Есть здесь кто-нибудь?

Еллинека охватил страх – чувство, незнакомое ему раньше и пробудившееся теперь из-за необычности, загадочности, непредсказуемости ситуации. Кардинал резко обернулся, осветив место, где только что прошел, и то место, где видел человека. Свет весело затанцевал по папкам, которые отбрасывали длинные тени на стены и потолок. Некоторые тени казались монстрами, тянувшими к нему свои чудовищные щупальца. В этот момент, то ли под воздействием этих видений, то ли из-за духоты помещения, в котором не было окон, кардиналу послышались голоса, сначала неясные, затем один из них стал внятнее:

– Что видишь ты, Иеремия?

И Еллинек, будто так оно и должно было быть, произнес:

– Вижу жезл миндального дерева. А голос продолжил:

– Ты верно видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось.

И снова прозвучал незнакомый голос:

– Что видишь ты?

На что кардинал, покачивая головой, ответил:

– Вижу поддуваемый ветром кипящий котел, и лицо его со стороны севера.

И голос сказал:

– От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли. Я призову все племена царств северных, и придут они, и поставят каждый престол свой при входе в ворота Иерусалима, и вокруг всех стен его, и во всех городах Иудейских. И произнесу над ними суды Мои за все беззакония их, за то, что они оставили Меня и воскурjali фимиам чужеземным богам и поклонялись делам рук своих. И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. [\[103\]](#)

Еще вслушиваясь в слова, которые звучали из темноты, кардинал заметил в дальнем уголке комнаты тусклый свет, опасливый луч, направленный в потолок. И он вновь нерешительно спросил:

– Кто здесь? Здесь кто-нибудь есть?

Но уже через мгновение Еллинек закричал от страха: ему показалось, будто тот, кто находился в комнате, дернул его за рукав.

Еллинек посветил в сторону и увидел, что зацепился за фолиант. И когда свет его лампы скользнул по книгам, перед глазами вспыхнули, будто огненное проклятие, слова: «LIBER NIEREMIAS». Книга Иеремии.

Кардинал осенил себя крестом. Вдалеке все еще брезжил свет. С минуту Еллинек размышлял, следует ли ему просто бежать, оставив тайну тайной, и может ли он что-либо изменить, действуя подобным образом. Но затем ему пришло в голову, что это внезапное появление может разрешить всякую неопределенность и причины всех бедствий. Другой человек, быть может, думал точно так же. Еллинек осторожно стал двигаться дальше и наконец приблизился к источнику света. Он притаился за полками, направив свет своей лампы назад: перед ним на полу лежала другая лампа, свет ее был устремлен в потолок. В этот момент в совершенно неожиданном месте раздался шум: дверь в секретный архив захлопнулась, ключ о двух бородках провернулся в замке. Кардинал поднял лампу и

направился к двери. Та была заперта. Теперь он знал, что секретный архив намного менее секретен, чем он полагал.

Еллинек отпер дверь, кашлянул, и тут же на пороге возник впустивший его *Scrittore*.

– Вы кого-нибудь видели? – спросил кардинал, постаравшись задать вопрос спокойным голосом.

– Когда? – переспросил *Scrittore*.

– Только что.

Scrittore отрицательно покачал головой:

– Последний посетитель ушел два часа назад. Монах из Тевтонской коллегии. Его имя записано в реестре посещений.

– А в секретном архиве?

– Ваше Высокопреосвященство! – возмущенно ответил *Scrittore*, будто подобная мысль уже сама по себе была кощунственной.

– Вы не слышали, как хлопнула дверь в секретные комнаты?

– Конечно слышал, Ваше Высокопреосвященство, я же знал, что здесь были вы!

– Хорошо, хорошо. – Еллинек поставил лампу на место. – Да, кстати, сколько ламп у вас есть для посещения секретных комнат?

– Две, – ответил *Scrittore*, – по одной для каждого, кто имеет доступ туда: для Его Святейшества и для вас, Ваше Высокопреосвященство.

– Хорошо, хорошо, – повторил Еллинек. – А когда вы в последний раз видели здесь Его Святейшество или кардинала-государственного секретаря?

– Ваше Высокопреосвященство, это было очень-очень давно. Я даже и не припомню! – говоря это, он нагнулся и поднял с пола пергамент. – Вы что-то потеряли, Ваше Высокопреосвященство!

– Я? – Еллинек посмотрел на пергамент, наверняка зная, что ничего не ронял, затем взял себя в руки: – Давайте его мне, благодарю вас.

Scrittore вежливо поклонился и отошел. Еллинек сел за один из боковых столиков и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, развернул пергамент. Это был документ, подписанный Адрианом VI. Видимо, убежавший обронил его в спешке. Кардинал Еллинек с жадностью углубился в чтение послания на латыни: «С болью и печалью мы, Божьей милостью наместник Бога на земле, папа Адриан VI, смотрим на все множющиеся болезни Церкви: как ее головы, так и рядовых членов. Священные вещи ставятся на службу преступным целям и для собственной корысти, заповеди Святой Церкви годны лишь на то, чтобы их преступать. Даже кардиналы и прелаты курии сошли с пути истинного, да, они являют

священникам низшего ранга пример греховный вместо благочестивого. По этим и другим причинам, о которых уведомяю в личных посланиях, а также чтобы прекратить крамолу, я произведу церковную реформу...» На этом месте рукопись обрывалась.

Текст был похож на проект буллы, которую папа Адриан VI так никогда и не смог составить, проект, который не был воплощен в жизнь случайно или преднамеренно. Папа Адриан, последний папа-неитальянец за четыре с половиной сотни лет, умер в сентябре 1523 года всего лишь после нескольких месяцев пребывания у власти. Поговаривали, что его отравил личный врач. Еллинек задумался над тем, зачем этот пергамент нужен таинственному посетителю секретного архива. Связан ли этот документ с росписью Сикстинской капеллы, или тут творились вещи, о которых он и вовсе не имел понятия? Он спрятал пергамент в сутане и поднялся.

Кардинал прошел через *Sala ai merce*, чтобы посмотреть, сделал ли монсеньор следующий ход в их нескончаемом поединке. Это показалось ему наилучшей возможностью подумать, потому что в голове вертелась одна мысль: что же здесь вообще происходит? Кто и что пытается утаить?

Партия, игравшаяся на драгоценной доске, без участия кардинала превратилась в испанскую. Дебют Еллинека начинался ходом пешки e2 – e4, монсеньор Штиклер ответил e7 – e5. Еллинек пошел конем g1 – f3, Штиклер также пустил в ход коня b8 – c6. На что кардинал ответил слоном f1 – b5. Штиклер долго раздумывал. Конечно, монсеньору нежелательно было отвечать симметрично, то есть ходить слоном на b4, потому что на c3 еще не стоял конь, так что Еллинек мог ходом пешкой на c3 обратить его слона в бегство. Эта ситуация должна была быть тщательно продумана. Через две недели Штиклер наконец сделал ход пешкой на abb, затем игра пошла живее. Партия уже была на двенадцатом ходу: Еллинек перенес белого коня с f3 на g5. Такая активизация позиции, очевидно, поразила Штиклера, так как монсеньор медлил уже несколько дней.

В ту ночь Еллинек не мог уснуть. Вопреки обычаю он лег поздно, но мысль о загадочном посетителе архива не оставляла его. Кто-то еще интересовался содержанием документов? На какой же след навел его пергамент папы Адриана? В полусне кардинал развивал сотни версий, припоминал множество имен членов курии и не находил ответа. Около полуночи он встал, надел алый халат и, сунув руки в карманы, принялся в волнении ходить по спальне. За окном виднелась автомобильная заправочная станция, которая в полночь закрывалась. Охранник, насвистывая мелодию, сел на свой велосипед и исчез во тьме. В

телефонной будке на тротуаре мужчина с серьезным лицом с кем-то беседовал, затем рассмеялся, вышел на улицу и зашагал к входу в палаццо Киджи. Еллинек открыл окно, нагнулся и в свете фонарей проследил за тем, как мужчина скрылся в доме. Кардинал часто замечал, как мужчины звонили из телефонной будки напротив, затем входили в дом. Он подошел к входной двери квартиры и прислушался. В холле раздавался звук шагов. Они затихли у квартиры домоправителя.

На минуту он закрыл глаза и попытался представить, что Фома Аквинский, Спиноза, Августин, Амброзии, Иероним или Афанасий, известные твердостью своей веры, создают под угрозой смерти загадочную надпись, в которой теологически обосновывают учение, способное уничтожить Церковь. Ударив себя кулаком в грудь, кардинал постарался прогнать грешные мысли и прошептал:

– *Libera me, Domine, de morte aeterna in die illa tremenda, quando coeli movendi sunt et terra.* [\[104\]](#)

Еллинек еще не прочел молитву, как на лестнице послышался смех. Джованна!

В среду на первой неделе Великого поста

На первой неделе Великого поста, в среду, стряслось неизбежное: коммунистический еженедельник «Unità» на первой полосе опубликовал заметку о загадочном открытии, связанном с Сикстинскими фресками.

В простом и одновременно изысканно обставленном офисе в Istituto per le Opere Religiose Фил Канизиус взял в руки газету, ударил ею по столу и возмущенно воскликнул:

– Как только это могло произойти! Этого нельзя было допускать! Это дело для Рота Романа!

В статье говорилось, что в Ватикане царило беспокойство с тех пор, как реставраторы обнаружили на своде Сикстинской капеллы таинственную надпись, созданную Микеланджело. Речь шла о загадочных аббревиатурах, которые уже исследуются учеными. Предприняты попытки толкования, вызывающие большие затруднения, поскольку всем известно, что Микеланджело испытывал неприязнь к институту Церкви.

– Это явное поползновение дискредитировать Церковь. – возмущался Канизиус и многократно повторял: – Это дело для Рота Романа!

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе, который, как всегда, появился в сопровождении первого секретаря монсеньора Ранери, умиротворяюще произнес:

– Еще ничего не доказано! Мы еще не знаем, кто же эта паршивая овца в стаде.

– Клянусь Господом и жизнью моей престарелой матери, – воскликнул профессор Габриэль Маннинг, – я не имею к этому никакого отношения!

И генеральный директор музеев Ватикана, профессор Антонио Паванетто, также поклялся, что ничего не знал о публикации. Срочно вызвали профессора Риккардо Паренти, и он заверил, что скорее отрезал бы себе язык, чем произнес хоть словечко об этом деле прежде, чем Церковь выяснила смысл надписи.

– Скажу вам честно, – сказал Канизиус, – мне все равно, какие именно бранные слова написал Микеланджело и как он ненавидел Церковь и курию. Это ваше дело. Но что мешает мне и IOR, – это тревога и вынюхивание паленого в секретных документах. Умение хранить тайны – это капитал нашего банка.

Здание Istituto per le Opere Religiose, сокращенно называемого IOR, располагалось неподалеку от резиденции понтификов и имело форму

буквы D. В Ватикане говорили, что форма эта оказалась совершенно произвольной и не имеет ничего общего с инициальной буквой слова *Diabolo* – дьявол. IOR – это Ватиканский банк, со времен правления папы Льва XIII он вечно претерпевал изменения. Его услугами пользовались для сбора денег на церковные проекты, папа Пий XII передал ему функцию управления капиталовложениями, а сегодня IOR функционирует как предприятие, приносящее прибыль и имеющее, в отличие от остальных банков мира, то преимущество, что освобождено от уплаты налогов. По Латеранским соглашениям^[105] он даже имеет право регулировать деятельность «церковных корпораций». Они решительно ограждают службы Ватикана от вмешательства итальянского государства, так что в среде людей, обладающих капиталом, IOR имеет хорошую репутацию. Фил Канизиус, доктор канонического права и руководитель этого банка, объяснял это так: как только ты с чемоданом денегходишь в Ватикан, итальянские законы о валютных операциях теряют силу.

Канизиус, вне себя от ярости, вновь и вновь стучал газетой по столу, будто хотел выбить из нее проклятую статью, и повторял снова и снова:

– Этот случай должен расследовать Рота. Я буду на этом настаивать.

А государственный секретарь Касконе с тем же возмущением повторял, что виновных стоит привлечь к ответственности и наложить наивысшую категорию штрафа по *Codex Juris Canonici*^[106] за нанесение курии и Святой Церкви невосполнимого ущерба. Монсеньор Ранери одобрительно кивал. В любом случае, как было сказано профессору Паванетто, теперь следует поспешить и разгадать загадку, найти *какую-нибудь* расшифровку.

– Что значит «найти какую-нибудь расшифровку»? – подозрительно поинтересовался профессор Маннинг. – Что это, собственно, значит: найти какую-нибудь расшифровку?

– Я хочу сказать, что мы не можем себе позволить и впредь блуждать во тьме и неведении и ждать, пока наука сама предложит нам объяснение. Мы все знаем, какой опасный характер носила дискуссия о подлинности Туринской плащаницы, пока Церковь не сказала свое слово, заняв однозначную позицию.

– Мать науки, – спокойно ответил Маннинг, – истина, а не скорость. Эта публикация появилась некстати, но моих исследований она коснется лишь вскользь, в свете этих событий мне представляется необходимым проводить их еще тщательнее.

– Мистер, – Канизиус иногда употреблял обращение «мистер», и это

выдавало его американское происхождение, – курия выделила вам на проведение исследований кругленькую сумму. Я могу предположить, что эта сумма удвоится, если деньги ускорят работу и вы сможете в ближайшие дни предложить некое удобоваримое толкование, после чего жизнь в этих стенах снова вернется в привычное русло.

Паренти откашлялся, остальные подняли глаза на профессора.

– Знаете, почему я смеюсь? Ситуация не лишена комизма. Полагаю, Микеланджело уже удалось посеять сомнения и внести неразбериху в жизнь курии, и это даже ранее, чем мы нашли ключ к надписи. Представляете, что произойдет, когда интерпретация будет сделана?

– Хочу конкретизировать свои слова, – снова начал Канизиус. – Если вы, профессор Маннинг, считаете, что не в состоянии в течение недели раскрыть секрет надписи, курия будет вынуждена прибегнуть к помощи других экспертов.

– Вы мне угрожаете? – Маннинг вскочил и приблизился к Канизиусу. – Вы меня не запугаете, Ваше Высокопреосвященство. Если речь идет о науке, меня нельзя подкупить, я не потерплю шантажа.

Кардинал-государственный секретарь попытался его успокоить:

– Нет, профессор, вы неправильно меня поняли. Мы не собираемся угрожать вам или оказывать на вас давление. Но вы должны понять всю странность ситуации, которая вынуждает нас действовать быстро, если мы хотим избежать неприятностей.

Паренти захихикал, и в смехе его послышалось ехидство:

– С тех пор как Микеланджело сделал надпись на своде Сикстинской капеллы (то ли ересь, то ли нечто праведное), прошло четыреста восемьдесят лет; четыреста восемьдесят лет надпись была там, несколько столетий она была видна, я полагаю. А теперь за неделю нам следует выяснить ее значение. Ничего не могу поделать, идея кажется мне смешной. Под таким невероятным прессингом и в столь сжатые сроки я бы никогда не взялся за удобную работу.

– Но поймите же! – умоляюще убеждал его профессор Паванетто. – Церковь оказалась в очень щекотливой ситуации. – При этих словах монсеньор Ранери снова одобрительно закивал головой.

– А почему, собственно, – поинтересовался Маннинг, – вы все считаете, что за сочетанием букв AIFA – ШВА скрывается проклятие или страшная тайна? Разве Микеланджело не мог с тем же успехом зашифровать цитату из Библии, какую-нибудь строку из Священного Писания?

Касконе подошел вплотную к Маннингу. Он проговорил тихо, почти

шепотом:

– Профессор, вы недооцениваете темную сторону человеческой души.
Мир зол.

Маннинг, Паренти и Паванетто озадаченно замолчали. Тишину разорвал звонок.

– Да! – ответил Канизиус. – Вас, Ваше Высокопреосвященство! – Он передал трубку Касконе.

– Да! – произнес тот с неохотой. Однако через мгновение его лицо исказилось от ужаса. Кардинал-государственный секретарь вцепился в трубку, рука его дрожала: – Сейчас приеду.

Канизиус и остальные вопросительно посмотрели на Касконе. Но тот только покачал головой и сильно побледнел.

– Плохие новости? – поинтересовался Канизиус. Касконе прикрыл руками лицо. Наконец, запинаясь, проговорил:

– Отец Пио повесился в Ватиканском архиве. – И он поторопился добавить: – *Domine Jesu Christe, Rex gloriae, libera animas omnium fidelium defunctorum de poenis inferni et de profundo lacu.*^[107] – Государственный секретарь трижды перекрестился.

Остальные последовали его примеру и тихо прочитали:

– *Libera eas de ore leonis, ne absorbeat eas tartarus, ne cadant in obscurum; sed signifer sanctus Michael, repraesentet eas in lucem sanctum, quam olim Abrahae promisisti, et semini eius.*^[108]

Отец Пио Сегони висел на оконной раме в отдаленной комнате архива. Он обвил шею широким поясом бенедиктинской рясы, другой конец которого закрепил на приоткрытом окне. Он покончил с собой. Это казалось невероятным.

Кардиналы Беллини и Еллинек уже находились там, когда прибыл Касконе. Еллинек встал на стул, собираясь перерезать пояс ножом, чтобы опустить тело вниз, но Касконе остановил его. Он кивнул на выкатившиеся глаза повешенного, на свесившийся язык и сказал:

– Вы видите, Ваше Высокопреосвященство, ему уже не помочь. Теперь очередь врача!

– Врача! Профессор Монтана! Где профессор Монтана? – подхватили присутствующие.

Scrittore, обнаруживший тело, ответил, что профессор Монтана оповещен и будет с минуты на минуту. Еллинек сложил руки для молитвы и прошептал:

– *Lux aeterna luceat ei, lux aeterno, luceat ei...* [109]

Наконец явился профессор Монтана в сопровождении двух братьев, одетых в белое. Монтана взял руку повешенного, пытаясь прослушать пульс, затем отрицательно покачал головой и дал знак братьям снять тело. Они положили покойного отца Пио на пол. Его остановившийся взгляд казался жутким. Присутствующие сложили руки. Монтана прикрыл рот и глаза усопшего и осмотрел темно-красные полосы, оставшиеся на его шее. Затем он невозмутимо произнес:

– *Exitus, Mortuus est.* [110]

– Как же это могло случиться? – спросил кардинал Беллини. – Он был таким способным.

Еллинек согласно кивнул. Касконе обратился к другому *Scrittore*:

– У вас есть объяснение, брат во Христе? Я имею в виду, не выглядел ли отец Пио подавленным?

Scrittore ответил отрицательно, правда, с оговоркой, что душа другого человека – потемки. Отец Пио проводил в архиве день и ночь, да примет Господь его душу. Никто из архивариусов и *Scrittori* не ждал беды, когда отец Пио появился утром. Обычно он входил в архив с рассветом и появлялся в библиотеке только около полудня. При этом он казался отрешенным, делал заметки, всегда носил их с собой, а потом прятал в ящиках; но о содержании своих исследований отец Пио никогда не рассказывал. Он вообще был молчалив от природы. Все архивариусы и *Scrittori* считали, что отец Пио выполняет тайное поручение.

– Тайное поручение?

Кажется, речь идет о Микеланджело и содержании Сикстинских фресок.

– От кого же исходило поручение?

– Я дал это поручение! – ответил кардинал Еллинек, а кардинал-государственный секретарь поинтересовался:

– И были результаты?

– Нет, – ответил *Scrittore*, – как ни странно, именно о Микеланджело в Ватиканском архиве нет никаких сведений. Казалось, его имя предали анафеме. Хотя как раз о людях такого рода здесь больше всего информации.

– Может быть, я смогу объяснить это, – прервал его Еллинек. Касконе вопросительно посмотрел на него: – Я в состоянии был бы это объяснить, но *Codex Juris Canonici* запрещает мне сделать это. Вы понимаете, о чем я?

– Я ничего не понимаю, – выходил из себя кардинал-государственный секретарь. – Ничего. Я требую сведений *ex officio*.

– Вы прекрасно знаете, где заканчивается ваша власть *ex officio*, Ваше Высокопреосвященство.

Касконе задумался, похоже, он уловил нечто, чем остался доволен. Обратившись к *Scrittore*, он сказал:

– Вы говорили, что найденные отцом Пио шифры он складывал в какие-то ящики? Вы не могли бы сказать ничего более конкретного?

– Отец Пио держал находки в своем столе, но некоторые записи он всегда носил с собой в карманах сутаны, – ответил молодой человек.

Касконе дал знак одетым в белое людям проверить карманы сутаны покойного и достать содержимое ящиков стола отца Пио. В правом кармане сутаны нашли белый платок. В левом – лист бумаги, на котором мелким почерком был записан шифр: «*Nice. III anno 3 Lib paff.471*».

– Вам это о чем-нибудь говорит? – спросил Касконе.

Scrittore задумался:

– Мне кажется, речь идет об одном из шифров *Schedario Garampi*, то есть о документах времен папы Николая III.

– Принесите мне эту папку как можно скорее! – Кардинал-государственный секретарь выглядел взволнованным.

– Достаточно быстро я этого сделать не смогу, – ответил *Scrittore*.

– Почему, *Scrittore*?

– Документы, которым были присвоены шифры *Schedario Garampi*, сейчас хранятся не в том порядке, как раньше, то есть у них один или несколько новых шифров. Каждый из документов может стоять в совершенно ином, новом разделе, так что теперь сложно отыскать нужную папку, предварительно не восстановив исторического соответствия. Но...

– Но?

– Этот шифр не давался очень важным документам. Папа Николай III умер в 1280 году, то есть никак не был связан с Микеланджело. Единственный, кто мог бы нам помочь, это отец Августин.

– Отец Августин ушел на покой, так оно и будет теперь.

– Ваше Высокопреосвященство, – заговорил кардинал Йозеф Еллинек, обращаясь к кардиналу-государственному секретарю, – вы, с одной стороны, настаиваете на скорейшем решении головоломки с другой, отправляете, в отставку единственного человека, который мог хоть немного приблизить нас к разгадке тайны. Я не знаю, что и думать об этом. Нам нужна помощь отца Августина.

– Незаменимых людей нет, – ответил Касконе. – Августин не исключение.

– Разумеется, господин государственный секретарь. Вопрос в том,

может ли курия в данной ситуации пренебрегать таким человеком, как отец Августин. Ватиканскому архиву необходим человек, не только умеющий пользоваться техникой архивирования, но и тот, кто может сопоставить документы, которые находятся в хранилище. – Он опустил глаза и наткнулся взглядом на отца Пио. – Монтекассино не Ватикан.

Кардиналы спорили над телом мертвого бенедиктинца, и Еллинек пригрозил, что приостановит работу консилиума, если *ex officio* ему нельзя сложить взятые на себя обязательства. Пререкания завершились согласием Касконе вернуть отца Августина.

В следующий четверг

Публикация газеты «Unità» не прошла незамеченной. В пресс-бюро Ватикана толпились журналисты. AIFALUBA, что значит AIFALUBA?

Что за аббревиатура кроется за этим шифром?

Кто обнаружил надпись? Давно ли известно о ее существовании?

Может, это подделка и ее следует уничтожить?

Почему Ватикан только сейчас признал открытие?

Что скрывают от курии?

Кто из специалистов занимается этим делом?

Был ли Микеланджело еретиком?

Если это так, каких неприятностей ждет курия?

Случалось ли подобное в истории искусств?

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе этим утром занимался только тем, что призывал членов консилиума к молчанию. Будучи префектом Совета по общественным делам Церкви, лишь он решал, какая именно информация подлежала публикации и разглашению. Наконец Касконе решил огласить общественности официальную позицию курии в ответ на настойчивые уговоры профессоров, опасавшихся распространения слухов и сплетен, и на предостережения кардинала Еллинека.

Во время пресс-конференции Касконе зачитал заявление. На все вопросы он отвечал: «без комментариев» или обещал обнародовать результаты исследований, как только те закончатся.

В четверг, после литургии, прошедшей в среду на первой неделе Великого поста, кардинал Йозеф Еллинек решил упорядочить мысли. Уже семь недель он «блуждал в потемках», только отдаваясь, как ему казалось, от разгадки ребуса. Еллинеку стало ясно, что эта тайна включает в себя множество других. За надписью в Сикстинской капелле скрывается не только проклятие обозленного человека, а дьявольские козни, цель которых – нанести урон Церкви и курии. Множество раз Еллинек осматривал изображение пророка Иеремии в Сикстинской капелле, который, словно в отчаянии, разочарованно смотрит на землю, где теряются все следы. Снова и снова перечитывал кардинал его пророчества времен Иоакима, времен Седекии, угрозы в адрес египтян, филистимлян, моавитян, аммонитов, эдомитов, а также Элама и Вавилона. Он обозначил вертикальной чертой главу 26:1–3, где говорится: «В начале царствования Иоакима, сына Иосии, царя Иудейского, было такое слово от Господа: так говорит Господь: стань

на дворе дома Господня и скажи ко всем городам Иудеи, приходящим на поклонение в дом Господень, все те слова, какие повелю тебе сказать им; не убавь ни слова. Может быть, они послушают и обратятся каждый от злого пути своего, и тогда Я отменю то бедствие» которое думаю сделать им за злые деяния их». Но чтение этих строк не принесло пользы Еллинеку: пока все, что он узнал до сих пор, выходило за рамки его понимания, а предположения, которые он начинал было строить, неизменно приводили его к появлению ужасно греховных мыслей. Больше всего Еллинека беспокоило то, что теперь он вовсе не понимал, кому в курии он может доверять, а кому нет. В эти дни сомнений у кардинала впервые пошатнулись его христианские устои, такие, как любовь к ближнему своему, вера и милосердие. Он понимал, что подобные колебания сами по себе являются страшным грехом для истинного христианина. Теперь, отбросив в сторону теологические спекуляции, кардинал смотрел на это дело совершенно другими глазами: Еллинек не был уверен в себе и своей службе, а также брал под сомнение и остальных членов курии, которые были посвящены в тайну Сикстинской капеллы. Самоубийство бенедиктинца смутило его ум. Строчки требника расплывались перед глазами, а намерение прочесть покаянную молитву не приводило ни к каким результатам. Его терзала мысль, что отец Пио, скорее всего, решил задачу и не вынес правды. И даже литургия не смогла облегчить муки его души и вернуть ее на путь истинный.

Вдруг кардинал понял, что должен расставить все по порядку: все события, произошедшие с момента необычайного открытия; расставить, как он расставлял шахматные фигуры. Каждая из фигур имеет право лишь на определенные ходы, все, кроме одной, для которой невозможного нет. И кардинал понял, какая мудрость заключена в правилах древней игры в шахматы: курия играла по тем же правилам, она существовала, подчиняясь законам огромной шахматной партии с правилами, установленными раз и навсегда. Это была модель всего мироздания. Да, на него снизошло озарение: самая главная фигура не несет в себе ни опасности, ни власти. И только слаженная игра многих фигур таила опасность и давала группировке власть.

Будучи префектом Конгрегации доктрины веры и занимаясь новыми учениями и заблуждениями, кардинал Еллинек наверняка знал, что у католической церкви множество уязвимых мест. Более всего его пугало незнание противника, неизвестность, непредсказуемость.

Еллинек внезапно почувствовал приступ тошноты. Его мучила боль в желудке, и он прилег в гостиной и закрыл глаза. Как такое могло случиться,

что 480-летняя надпись привела в волнение всю курию, что авторитетные люди вдруг словно сошли с ума, а Ватикан наводнили подозрения? В сердца закрался ужас ничего не ведающих перед знающими?

Неожиданно перед его глазами встал тот день, когда ему впервые открылась сила познания. Всю жизнь для Еллинека книги символизировали знание: собрания книг, библиотеки и архивы. Да, он хорошо помнил тот день, когда он, девятилетний, первый раз вошел в библиотеку. Родители послали старшего сына из провинции в город, к незнакомым людям. Несмотря на то, что это были его дядя и тетя и он прожил с ними несколько последующих лет, они так и остались для него чужими. Йозеф приехал из деревни, из крохотной деревни в дюжину дворов. Самый маленький и скромный из них принадлежал Еллинекам. Им приходилось бороться за выживание. Однако детство его все же нельзя назвать несчастливим: оно было настолько радостным, насколько может быть блаженным детство ребенка, который не имеет желаний, потому что не знаком с потребностями. Ритм жизни семьи определяла смена сезонов, а воскресенья были особыми моментами в размеренном течении времени. По воскресеньям Еллинеки надевали лучшую одежду и шли в церковь в соседнюю деревню. После этого заходили в гостиницу, где отец заказывал себе пиво, а матери и детям позволялось выпить пару стаканов лимонада на всех. Так что воскресенья были особенными днями. Пастор, орган и гостиница всегда производили на Йозефа сильное впечатление: его переполняло ни с чем не сравнимое чувство. Мать рассказывала ему уже позже, когда он стал священником, как однажды, не будучи даже школьником, он серьезно спросил, почему нельзя сделать так, чтобы каждый день было воскресенье.

Далекий город, который мальчик видел лишь во время редких поездок с матерью, всегда казался ему чужим, непонятным, искушающим. Чтобы добраться до него, нужно было полчаса идти пешком, затем сесть в маленький поезд, ездивший по однопутной дороге. Ею деревенские дети пользовались лишь для того, чтобы, положив пфенниги на рельсы, смотреть, как колеса поезда давят и плющат их. Однажды он попробовал положить на рельсы монетку в пять пфеннигов. Монетка была большая, и металлический кружок у него получился шире, чем у остальных. Но потом он получил нагоняй от отца, который долго читал ему нотацию о том, как нужно уважать деньги. Заработать деньги тяжело, и нельзя их использовать зря.

Йозеф встретил городскую жизнь недоверчиво. Ему казалось странным, что дома, магазины, автомобили и люди сосуществуют в

страшной тесноте. Однако сам он скорее был похож на городского жителя, чем на крестьянина. Он не был крепким, краснощеким и диковатым, каким ожидали видеть деревенского парнишку. Он выглядел хрупким, почти тощим. Кожа у него была бледная. Йозеф был очень похож на свою мать. Быть может, в этом крылась причина особенного взаимопонимания матери и ее старшего сына. Мать была горожанкой.

Пока Йозеф Еллинек не пошел в школу, он ничем не отличался от остальных деревенских детей, но все переменялось в первый же школьный день. Школа находилась в соседней деревне. В те времена еще не существовало школьного автобуса, который собирал бы детей окрестных деревень. Хотя, если бы он уже и появился, от него не было бы толку, потому что размытая грунтовая дорога была совершенно непригодна для езды на подобных транспортных средствах. Но не этим были памятливы школьные годы Йозефа, а тем, что в нем проснулся необычный талант. В школе было только две классных комнаты, предназначенных для 1–4 и 5–8 классов. Мальчик с удовольствием слушал то, о чем говорили на уроках старших классов. Вскоре он обогнал всех своих одноклассников в учебе и перешел из первого сразу в третий класс. По окончании третьего класса учительница пригласила его родителей в школу и долго разговаривала с ними, а на следующий вечер родители начали беседу дома. Мать сказала, что они решили отправить Йозефа в гимназию, чтобы из него что-нибудь вышло. Жить он будет у кузины, вышедшей замуж за профессора. Профессор, специалист по классической филологии, носил острую седую бородку и очки, справляться с хозяйством ему помогали упитанная домработница и кокетливая горничная. Хозяйка дома, кузина матери, элегантная и строгая, сразу разъяснила ему домашний уклад, который (Йозефу это было внове) заключался в четко установленном времени трапез. Несмотря на то, что Йозефу была отведена своя маленькая комнатка, ему не хватало домашней атмосферы, душевности собственной семьи. Большой, аккуратно прибранный дом, незнакомые знатные люди, новые впечатления – все это волновало. Одна комната особенно впечатлила его, в ней он почти сразу почувствовал себя как дома, и никто не запрещал ему туда заходить.

Комнатой этой была домашняя библиотека, все ее полки, от пола до потолка, были заполнены книгами с коричневыми, красными и золотыми корешками. В этой комнате Йозеф мог дать свободу своим мыслям, фантазировать о дальних путешествиях, о которых можно было только мечтать. По вечерам, после ужина, молодой Еллинек, к радости профессора, направлялся в библиотеку. Здесь он впервые ощутил и

насладился приторным запахом ветхой бумаги и дубленой кожи, запахом бесконечного знания, помещенного на страницах, которое можно было получить только читая строки, одну за одной. В этой же библиотеке он прятался в тот самый день в конце войны, когда его настигло известие о смерти матери. Тогда единственным его спасением и надеждой стала книга книг, толстый фолиант в кожаном переплете с золотым тиснением, который он так любил брать в руки. Послания апостола Павла, где в Первом послании к Коринфянам сказано: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам... Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос и умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию...»^[111]

Может быть, именно в этот момент он принял решение стать священником.

Кардинал прочел с тех пор тысячи книг. Большинство из них – для удовольствия, меньше – исполняя долг. И все же ему не хватало знаний для того, чтобы решить проблему, которая была так мастерски вплетена в историю, что и он, и другие умнейшие люди Ватикана вынуждены были признать свое поражение.

Перед первым воскресеньем Великого поста

Чтобы лучше понять то, что происходит, нам придется покинуть Рим и отправиться в один из тех монастырей, где дают торжественный обет молчания. Среди обитателей этого монастыря был знающий и благочестивый человек, звали его брат Бенно. Он носил очки с толстыми стеклами. Он обладал таким типом лица, что создавалось впечатление – он никогда и не был молод. Его полное имя было доктор Ганс Хаусманн. Однако в деревенском монастыре его так ни разу и не назвали этим именем. Братья даже не знали его. Брат Бенно был тем редким человеком, которых в монастырях называют поздно призванными братьями. Их духовной жизни предшествовала жизнь мирская, образование и работа в миру. Брат Бенно был специалистом в области истории искусств. Он посвятил свою жизнь изучению итальянского Возрождения. В конце войны он неожиданно для всех постригся в монахи в том самом монастыре, о котором мы ведем речь. С тех пор жизнерадостный некогда ученый стал замкнутым, сдержанным и чуть странным. Он избегал и без того нечастых контактов с братьями и обращал на себя внимание молчаливостью. Если же он и заговаривал, что происходило крайне редко, все прочие обитатели монастыря внимательно прислушивались к его словам, и они надолго становились предметом для размышлений и рассуждений.

Монахи во время воскресной прогулки по саду – а она продолжалась целый час – с удовольствием рассказывали друг другу о своей жизни до пострига, о детстве, юношестве, о родителях, с которыми у большинства были очень хорошие отношения. В это время брат Бенно оставался в стороне. Известно только, что отец Бенно, небедный угольный промышленник и транспортный агент, умер от пьянства, когда Бенно было десять лет, что для семьи скорее показалось благословением Господа, чем ударом судьбы. Особенно для матери, красивой и горделивой женщины. Бенно любил ее властность почти противоестественной любовью. Ему нравились ее приподнятые черные брови и складочки с обеих сторон тонких губ. Несомненно, покорность красавице матери была для Бенно приятной потребностью. Именно мать привила Бенно стремление к эстетизму и красоте, которые были ей значительно ближе, чем торговля углем. И Бенно всю жизнь был ей за это искренне признателен.

Молодой Хаусманн получал образование во Флоренции и Риме. Он свободно говорил по-итальянски, что не составляло труда для того, кто

знал латынь. Его докторская диссертация была посвящена Микеланджело. Небольшой финансовой поддержкой из дома и мизерной стипендии, получаемой им в библиотеке Герциана. В Риме, было достаточно для того, чтобы без особых проблем начать карьеру, и, разумеется, Бенно стал бы выдающимся историком. Но человек предполагает, а Бог располагает.

О его пострижении в монахи будет сказано позже, но постригся он вовсе не из-за непобедимого стремления к благочестию, благодаря которому большинство будущих монахов надевают рясу.

В тот день, о котором идет речь, один из монахов после молитвы за ужином читал вслух статью из газеты. Он делал это раз в неделю в конкретный день. Для монахов это было своеобразным окном в мир. В тот день кроме обычных сообщений о политике и спорте им была прочитана статья об обнаруженной в Сикстинской капелле надписи, сделанной Микеланджело. Брат Бенно замер, ложка, которой он ел суп, со звоном упала на каменный пол трапезной; братья посмотрели на него осуждающе. Брат Бенно шепотом извинился, поспешно поднял ложку и, забыв о похлебке, стал еще внимательнее слушать чтеца. Его сосед по столу, высокий монах атлетического сложения с темно-красной лысиной, заметил, что в тот вечер брат Бенно не съел больше ничего. Он не мог знать, что между объявлением в газете и пострижением этого странного монаха была какая-то связь.

На следующий день брат Бенно отказался от еды и сидел за столом, молча глядя перед собой, сунув руки в рукава черной сутаны. Сосед решился заговорить:

– Брат, что с тобой приключилось? Ты не ешь. На лице твоём – страдание. Может, ты доверишься мне?

Не взглянув на своего соседа, брат Бенно отрицательно покачал головой и соврал:

– Мне нездоровится. Знаешь, брат, скорее всего, это желудок или желчный пузырь.

Он опять замолчал и за всю трапезу не проронил ни слова, по-прежнему не обедая.

Обычно монахи в течение дня могут поститься или взять обет молчания во искупление греха. Сосед брата Бенно по столу решил, что причина чудаковатого поведения брата Бенно именно в этом. На следующий день он опять предложил своему соседу помощь. Ведь ничто так не портит трапезу, как лежащий на душе грех.

Однако после ужина брат Бенно встал и поспешно направился вверх по лестнице к своей келье, которая располагалась в самом конце темного

коридора, в свое убежище, где он таился ночью и в часы молитвы. Три на четыре метра, не больше, и только окно радовало глаз. Грубая деревянная кровать, ящик, не заслуживший название шкафа, и комод, на холодной каменной крышке которого стояла фарфоровая чаша для омовений, – вот и вся мебель, не считая скамеечки для молений, стоявшей у окна. Книги, разложенные на полу, собранные в стопки и сваленные грудями, говорили о непрекращающемся процессе познания.

Как и в предыдущие дни, брат Бенно достал с полки газету со статьей – с тем сообщением о Сикстинской загадке. Монах выпросил ее, вырезал объявление и читал его уже в сотый раз. Он перечитал каждое слово, затем положил заметку снова на полку и в отчаянии рухнул на скамеечку, сложив руки в молитве.

Понедельник после первого воскресенья Великого поста

В Ватикане был только один человек, знавший больше, чем остальные. Он относился к тому роду людей, на которых осведомленность накладывает обет молчания. Он знал больше, чем любой христианин, занимающий самую высокую должность, потому что половину своей жизни провел вблизи источника знаний. Но он знал цену безмолвию. Он умел молчать о вещах, которые другой бы сделал смыслом жизни, как из благочестивых, так и из низких побуждений. Этим человеком был отец Августин. Его считали человеком со странностями – человеком, которому совсем не к лицу черная сутана. Короткие седые волосы и морщинистое лицо делали его похожим на клеща. Казалось, что если однажды он вцепится в задачу, то уже не отпустит ее, пока не решит. Неудивительно, что этот неприметный и трудолюбивый человек бросался выполнять работу с энергией быка. Не раз *Scrittori* по утрам находили его спящим на паре папок, подложенных под голову вместо подушки, потому что возвращаться в монастырь на рассвете, когда он завершил работу, казалось отцу Августину слишком сложным и вовсе бессмысленным. При этом Августин Фельдман никогда не считал свой труд работой – это было для него исполнением долга перед Господом. Ораторианца выручала феноменальная память, объем которой невероятно увеличился за тридцать лет службы и позволял ему легко находить любые папки, когда-либо направленные в архив. В отличие от стареющих дирижеров, которым отказывает слух, Августин и в старости сохранил отличное зрение, поэтому очки ему были без надобности. Теперь, после трагической кончины преемника, его срочно призывали снова на службу. Это было понято им как официальное принесение извинений, и уже на следующий день Августин, не заставляя себя долго ждать, выполнил пожелание кардинала-государственного секретаря. Но сейчас вернувшийся на свой пост Августин очень отличался от прежнего. Он не забыл своей преждевременной отставки и понимал, что как только он выполнит задание, то снова окажется не у дел. Наверняка его отошлют в монастырь, как это уже случилось однажды. Бесстрастно и беспощадно Касконе выслушал его мольбы о том, что он не может жить без своих папок. Августин в этот момент опасался, не стоит ли за государственным секретарем сам дьявол. По крайней мере, в речах кардинала не было ни на йоту христианской добродетели.

Конечно, отец Августин догадывался и даже знал наверняка, по какой причине Касконе выгнал его из архива. Тот, кто тридцать лет пьет из источника познания, в курсе всех дел. На полках архива хранилось множество вещей, которые вроде бы и существовали, но которых в то же время словно и не было. То есть они, конечно же, существовали, однако никто не обращал на них внимания. Табу было наложено на срок жизни людей, которых они касались. И только один христианин знал почти обо всех тайнах архивных папок – отец Августин. Касконе, имевший представление лишь о малой толике документов, боялся, что разгадывание ребуса приведет к секретным документам, о которых не хотят слышать в курии.

Мечь не красит человека, но разве не сказал Господь Моисею: «Мне отмщение, Я воздам»? [\[112\]](#)

Кардинал Йозеф Еллинек тотчас же пригласил ораторианца на священное собрание, где кардинал восседал за массивным письменным столом. Августин не очень любил Еллинека, но, по крайней мере, не испытывал к нему такой ненависти, как к Касконе.

– Я попросил вас прийти, брат во Христе, – обстоятельно начал кардинал, – потому что хочу выразить свою радость по поводу вашего возвращения, о котором мы уже и не мечтали. Несомненно, вы самый знающий человек, когда-либо служивший в архиве, и сможете помочь нам в решении проблемы более, чем кто-либо. Честно говоря, мы ничуть не приблизились к разгадке со времени вашей отставки.

Августину понравилась искренность кардинала. Он хотел было спросить, почему же его в такой спешке отозвали, почему отняли у него работу, без которой, как известно, такой человек, как он, не может жить? Но промолчал. – Вы умнейший человек, – снова заговорил кардинал, – нам нужно поговорить с глазу на глаз. Как вы думаете, в чем может скрываться разгадка, отец? Я хочу сказать, у вас есть предположения?

Августин ответил:

– Свои предположения я уже обнародовал на консилиуме. У меня нет конкретных подозрений. Видимо, правда находится в секретных комнатах, но туда у меня нет доступа. – В голосе ораторианца прозвучала обида: – С другой стороны...

– С другой стороны?

– Настоящие тайны – не в секретном архиве, они доступны всем. Однако никто не знает, где их искать, и в этом, по-моему, кроется причина волнения и смущения, которые царят в Ватикане с того момента, как нашли надписи в Сикстинской капелле. Буду с вами искренен: в курии есть

несколько различных группировок и объединений. Не сообщу вам ничего нового, господин кардинал, но думаю, что теперь одни боятся откровений других.

Еллинек, ничего не говоря, вынул пергамент из ящика стола и протянул Августину:

– Однажды вечером я нашел это на полу архива. Должно быть, кто-то обронил. Вы можете предположить, кому такое могло понадобиться?

– Мне знаком этот документ, – ответил Августин, прочтя бумагу.

– Он может быть как-то связан с самоубийством отца Пио?

– Не могу себе представить как. Но об одной детали в связи с этим документом я упомяну. Этот пергамент вносится к тем документам, которые постоянно перемещаются.

– Как это понять, брат во Христе?

– Очень просто. Существует ряд документов, которые я определил в настоящие *Fondu* и некоторые из этих *Fondi* исчезли, появившись совсем в другом месте. Все *Scrittori* божатся, что никак с этим не связаны. В любом случае, этот документ относится к тем, которые странным образом перемещаются по архиву. Вы знаете, какой хаос царит в архиве со всеми его системами и шифрами. Гарампи в свое время отнес этот пергамент к периоду правления папы Николая III; но этот человек был папой всего несколько месяцев и не оставил ни одного документа, кроме этого. Поэтому я перевел его в специальный *Fondo*, для которого он больше подходит и в котором он не затерялся бы. Я выделил в отдельную рубрику документы, созданные папами или о папах, которые умерли внезапно или правили несколько месяцев, недель или дней. Со времен избрания Целестина IV на первом конклаве в 1241 году было больше двенадцати умерших подобной смертью.

– Странный отдел архива, брат во Христе.

– Может, вам это и кажется странным, Ваше Высокопреосвященство, но после внезапной смерти Джанпаоло это стало для меня необходимостью. Все, кто был папой кратковременно, могли умереть насильственной смертью.

– Но доказательства этому имеются лишь в некоторых случаях, отец Августин.

– Именно поэтому я собрал воедино множество документов. Целестин умер через шестнадцать дней после избрания, Джанпаоло – через тридцать три дня. Я не очень верю в Божественное провидение в данных случаях.

– Доказательства, отец, доказательства!

– Я не криминалист, Ваше Высокопреосвященство, я только собираю документы.

Кардинал Еллинек сделал невольное движение рукой. Августин не отходил от темы:

– До сих пор не выяснено, куда пропали документы, которые монсеньор Штиклер принес Его Святейшеству вечером перед его загадочной смертью. И до сих пор неясно, куда пропали тапочки и очки Его Святейшества.

Еллинек взглянул на ораторианца. По его спине пробежал холодок, будто кто-то сдавил руками его шею. Кардинал сделал глубокий вдох:

– То есть пропали не только документы?...

– Нет, также тапочки и очки. Не знаю, правда, что бы это значило.

– Что бы это значило... – механически повторил кардинал.

– Думаю, ничего нового я вам не рассказал, Ваше Высокопреосвященство? – осторожно поинтересовался ораторианец. – Это ведь всем известно.

– Да, – ответил Еллинек, – об этом известно.

Он почувствовал себя совершенно несчастным. Сердце у него сжалось. Глубоко вздохнул, но облегчения не наступило. Словно невидимые тиски сдавили легкие. Разве уже одно то, что ему, Еллинеку, послали тапочки и очки, означало, что Иоанн Павел действительно был убит? Но если так, кто же его убил и какой смысл было запугивать кардинала Еллинека смертью?

– Я тогда еще не был членом курии, – сказал Еллинек, будто пытаясь оправдаться. – Но какой смысл могло иметь исчезновение тапочек и очков Его Святейшества?

Кардинал потерял уверенность. Может, Августин знает ольше, чем сказал? Может, он просто хотел его проверить? Какой камень за пазухой у этого всезнайки?

Августин ответил:

– Исчезновение папок с финансовыми документами можно объяснить, Ваше Высокопреосвященство. Папе их принес монсеньор Штиклер, а следовательно, он знал об их содержании. Не очень приятном для курии, господин кардинал. Иоанн Павел I был честен, а многие теперь говорят, что и наивен. Он был благочестивым, почти святым. Стремился только к благочестию и святости. Для него существовало лишь две противоположности – добро и зло, а между ними – ничего. Он был настолько наивным, что игнорировал то, что лежит между добром и злом. А именно это и составляет нашу жизнь. Он забывал, что самые ужасные

события истории были вызваны не злом – они возникали из-за благих побуждений. Папа планировал осуществить грандиозную реформу курии. Если бы Джанпаоло реализовал свои планы, многие ее члены не были бы сейчас на своих постах. Ваш друг Вильям Штиклер может назвать конкретные имена, Ваше Высокопреосвященство. Но загадкой остается исчезновение тапочек и очков. По крайней мере, разумного объяснения этому нет.

– А если эти вещи вдруг найдутся?

– Они бы наверняка появились с той стороны – как бы выразиться поосторожней – которой внезапная смерть Его Святейшества была бы выгодна.

Кардиналу Еллинеку сразу стало понятно поведение его партнера по шахматам Вильяма Штиклера. Разве не он, Еллинек, оставил по незнанию странный пакет посреди комнаты? Штиклер заметил его и пришел в ужас, приняв его за одного из убийц Джанпаоло. Как же ему теперь вести себя?

– Других вариантов вы не видите?

Отец Августин отрицательно покачал головой:

– Как еще можно было бы объяснить появление вещей? Или у вас есть другие мысли?

– Нет, нет, – возразил кардинал, – конечно, вы правы. Я только предположил.

Беспокойство, охватившее брата Бенно при появлении сообщения о Сикстинской загадке, не проходило. Наоборот, брат Бенно стал вести себя намного более необычно и непонятно. Не объясняя причин, он попросил аббата о доступе к личным документам, без которых даже монах не может обойтись. Для их хранения в комнате аббата стоял большой шкаф с многочисленными запирающимися ящичками. Аббат не помнил, чтобы брат Бенно ранее просил свои документы. Он дал ему разрешение без лишних вопросов. Сам же углубился в работу, пока посетитель в волнении перебирал бумаги.

Конечно, аббат тоже заметил необычное поведение брата в последние дни. Но он не придавал этому большого значения, ведь знал, что тот ранее занимался творчеством Микеланджело. Что же удивительного в том, что открытие в Сикстинской капелле его так взволновало? Сначала он хотел узнать у брата Бенно, не ищет ли он решения Сикстинской загадки, но побоялся смутить его и успокоил себя тем, что в любом случае ключи от шкафа хранятся у него.

В течение следующих суток

Следующая ночь была длиннее, чем когда-либо прежде. Еллинек не мог уснуть, хотя все его тело сковывала парализующая усталость. Кардинал боялся неизвестности, которая угрожающе нависла над ним, словно собираясь уничтожить. Он встал с кровати, еще раз высунулся из окна, заметил в телефонной будке напротив мужчину, который, позвонив, направился в дом. Но мысли Еллинека крутились вокруг Иеремии, пророков и сивилл, возникающих будто из-под земли. В его голове звучал рев потопа, который затопил землю до горных вершин, а он, Еллинек, маленький, как ребенок, ухватился руками за обнаженное бедро матери, несмотря на смертельный страх, ощущая наслаждение. Он внимательно следил за сотворением женщины из ребра Адама: сладострастная, с аппетитными формами, она склонялась перед Создателем. Спрятавшись от всех в укрытии, он наблюдал за нагой Евой, тянувшейся к яблоку, которое ей протягивал змий, и закричал: «Джованна! Джованна!» – потому что в голове вертелось только это имя.

Не в силах оторвать глаз от злодеяний и греховных слов пророков, он прислушивался к ночи и уловил произнесенное Иоилем звенящее «А». Иоиль прочитал из Писания нечто непристойное, народ должен пить, дабы было опустошено поле, сетовала земля, дабы был истреблен хлеб, высох виноградный сок, увяла маслина.^[113] А старик Иезекииль, заносчивый, как павлин, отбросил свое писание прочь, позволив ветру разметать его. Обнажившись, стал предлагать себя проходившим мимо мужчинам, задаривал любовников подношениями, а затем преследовал блудливых сестер из Египта и мял их груди.^[114] Исаяя, самый благородный из пророков, пророк царской крови, вел себя и вовсе непристойно, танцевал с девицами и наслаждался их срамными взглядами, лентами на головах и браслетами на ногах. Он пребывал один, а их было семеро, и вид у него был такой, будто подражая ему можно достичь истинного блаженства. Он созывал плотников и кричал: «Сюда, сюда, сотворите себе своих кумиров, сделайте столько божеств, сколько хотите, и курите фимиам, и забудьте старые заповеди, бросьте их, поprite их осколки ногами!».^[115] Затем он втер мазь в тело с ног до головы и пригласил дельфийскую сивиллу на танец. Сивилла повела миндалевидными глазами и в экстазе закинула голову так, что лента с ее лба упала на землю, превратившись в змею. Но змея эта грозно зашипела не на тех двоих, слившихся воедино, а на него,

кардинала. Он дрожа двинулся к чудовищу.

И дряхлый старик, похожий на Иеремию, восстал на столб, вздымавшийся до небес, распростер руки, словно Для полета. Подняв ногу, впуская ветер в складки своего одеяния, Еллинек закричал, чтобы он прекратил это, что он упадет как камень. Но было слишком поздно. Иеремия низвергся в бесконечную пустоту, и ветер развеивал его одежду. Казалось, падение пророка остановило время. Оно тянулось бесконечно долго, и в какой-то момент лица летящего пророка и спящего кардинала оказались совсем рядом, как рыбки в аквариуме. Еллинек вскричал: «Куда летишь ты, Иеремия?» И Иеремия ответил: «В прошлое!» И Еллинек задал вопрос: «Чего ищешь ты в прошлом, Иеремия?» И Иеремия отозвался: «Познания, брат, познания!» И Еллинек спросил: «Почему ты отчаялся?» Но Иеремия не дал ответа. Из непроглядной глубины Еллинек услышал последние слова пророка: «Начало и конец – это одно и то же. Ты должен это понять!»

Кардинал вскочил с кровати. Сон взволновал его. Перед глазами Еллинека снова и снова проносились образы танцовщиц в экстазе. Он никак не мог забыть непристойные движения пророков и сивилл. Утром он шагал по лестнице, шаркая ногами так, чтобы его было слышно. Но Джованна не вышла. Весь день он не мог сосредоточиться ни на работе, ни на учениях южноамериканских жрецов-еретиков о злых духах. Вместо этого, стоя в углу кабинета, он пытался очиститься долгими молитвами. Но это ему не удалось, и он отправился в Сикстинскую капеллу, чтобы вновь посмотреть на образы, заполнявшие его сны. Еллинек встал прямо посередине, под изображением сотворения женщины, закинул голову (так он делал уже множество раз) и с любопытством ротозея погрузился в рассмотрение росписи. Через несколько минут пестрый мир закружился, закружилась и голова у кардинала. Он услышал голос Иеремии, который во сне сказал ему: «Начало и конец – это одно и то же. Ты должен это понять!» Иеремия, самый мудрый из пророков, Иеремия с лицом Микеланджело – Иеремия должен был быть ключом к разгадке. Имели ли его слова, услышанные Еллинеком во сне, какое-то отношение к надписи? И что же они означали?

Кардинал сощурил глаза и вновь посмотрел на буквы, начертанные флорентийцем. Что, если конец надписи является ее началом? От Иеремии Еллинек перешел к персидской сивилле, затем к пророку Иезекиилю, к эритрейской сивилле и остановился у фигуры Иоиля, прочитал запинаясь: А – В – UL – AFI – А – сочетание букв не менее бессмысленное, чем в привычном порядке. Но это следование допускало новые, абсолютно иные

интерпретации.

Кардинал отправился со своим открытием к отцу Августину, который ударил себя по лбу, проклиная свою глупость. Ведь Иеремия, будучи сыном священника в Анафофе, читал по-иудейски, то есть справа налево, а никак не слева направо. Это позволяло смотреть на надпись с совершенно новой точки зрения. Архивариус записал буквы на листок.

– Смотрите, Ваше Высокопреосвященство, это слово имеет значение!

– ABULAFIA, – прочел Еллинек.

И действительно, Абулафия^[116] – так звали проклятого церковью каббалиста, родоначальника еврейского тайного учения, появившегося в XII веке в Западном Провансе и позднее распространившегося в Испании и Италии. Это учение нанесло большой вред Церкви.

– Этот флорентиец сам дьявол, – со вздохом произнес кардинал Еллинек. – Теперь у нас есть имя, но что может сказать имя само по себе? Я не верю, что Микеланджело написал это имя на своде без тайного умысла.

– Я тоже не верю, – согласился Августин. – Считаю, что за именем скрывается нечто большее, значительно большее. Но знание имени выдает широту познаний флорентийца. Укажите хоть на одну энциклопедию, в которой бы упоминалось это имя! Вы не найдете ничего. Так что раз Микеланджело знал имя, он знал и больше, возможно, он был знаком с учением Абулафии – каббалой.

Кардинал сложил руки в молитве:

– *Pater noster, qui es in coelis...*^[117]

– Аминь, – закончил отец Августин.

В связи с появлением новых обстоятельств кардинал Йозеф Еллинек назначил собрание консилиума на следующий день.

В монастыре брат Бенно в тот же день попытался написать письмо, однако претерпел неудачу уже при составлении обращения. Бенно написал: «Ваше Святейшество, это скромная попытка сделать в своей жалкой и бесполезной жизни, которую мне даровал Господь Бог, нечто значительное. Так что я решился написать Вам в надежде, что строки эти Вас достигнут». Брат Бенно перечитал то, что написал, и разорвал листок на мелкие клочки. Начал заново: «Достопочтенный святой отец, уже несколько дней меня мучит известие об открытии, сделанном в Сикстинской капелле. Мне стоило больших усилий написать Вам письмо». Брат задумался, прочел начало очередного письма и, сочтя неуместным, разорвал и его. Наконец он встал, прошел по темному коридору и остановился у каменной лестницы,

которая вела в комнату аббата.

«*Laudetur Jesus Christus!*»

Аббат добродушно встретил брата.

– Я уже давно жду тебя, брат. Я чувствую, что тебя что-то гнетет. – Он подвинул брату Бенно стул. – Расскажи мне, облегчи душу.

Брат сел на стул и медленно начал:

– Отец аббат, на самом деле открытие, сделанное в Сикстинской капелле, гнетет меня более, чем вы можете себе представить. Я изучал сведения о Микеланджело и его труды. Но этот случай потряс меня.

– У тебя есть предположения о том, что означает эта надпись, брат?

– Предположения? – Брат Бенно замолчал.

– Должна же быть причина твоему странному поведению!

– Причина... – Брат Бенно на минуту умолк. – Причина в том, что я знаю о Микеланджело больше, чем кто-либо из тех, кто сейчас занимается поисками ключа к тайне. Думаю, я мог бы помочь в расшифровке.

– Но, брат, как вы себе это представляете?

– Отец аббат, я должен отправиться в Рим, прошу вас, не откажите мне!

В праздник апостола Матфея

Внеочередной консилиум священного собрания, как всегда, начался с ритуала призвания Святого Духа и перечисления присутствующих председателем – кардиналом Йозефом Еллинеком, а также с предупреждения *ex officio* о том, что дело обсуждается строго конфиденциально. Постепенно оправдывались самые худшие опасения: надпись флорентийца, прочитанная справа налево, как это делалось в иудейских текстах, представляла собой имя «Абулафия».

Прозвучавшее имя вызвало у присутствующих различные эмоции. Специалисты – профессор Габриель Маннинг, профессор семиотики из Атеней, Марио Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры, Франтишек Коллецки, просекретарь Конгрегации католического образования и ректор Тевтонской коллегии, Адам Мельцер от Общества Иисуса и профессор Риккардо Паренти, специалист по творчеству Микеланджело из Флоренции – вскрикнули, что показало, что они вполне осознают всю глубину значения этого открытия, тогда как остальные подняли удивленные глаза на кардинала Еллинека в ожидании разъяснений.

Маннингу явно было стыдно, что не он разгадал способ прочтения этого имени, которое было написано простейшим ретроспективным письмом. Присутствующие же занялись тем, что быстро переписывали в свои блокноты надпись, расставляя буквы в обратном порядке. Такое толкование, произнес Маннинг, бесспорно, верно, так как теперь истинность можно подтвердить (о чем Маннинг говорил на прошлом собрании консилиума): Иеремия действительно писал и читал именно справа налево. Ориентируясь на эти сведения, слово можно было прочесть, увидев смысл. Это хрестоматийный пример семиотической расшифровки.

– И что это означает? – провоцируя, поинтересовался кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе.

– Погодите, не так быстро Ваше Высокопреосвященство! – остановил его Еллинек. – Пока что мы только узнали, что Микеланджело хотел указать нам на связь с каббалой, больше ничего.

– И это нас так обеспокоило? Из-за этого был созван консилиум? Это перевернуло всю курию? – Касконе негодовал. – Каббала – это одно из многих учений, которым не удалось уничтожить католическую церковь. Если Микеланджело был приверженцем этого учения, конечно, это не поможет курии, но такую правду мы переживем.

– Это поспешные выводы, господин кардинал-государственный секретарь! – Габриель Маннинг встал: – Если это имя пишет на сводах Сикстинской капеллы Микеланджело, то он точно собирается поведать намного больше, чем просто имя.

– Ну что вы, профессор, я предлагаю обнародовать официальное толкование с указанием на то» что Микеланджело, вероятнее всего, был каббалистом, поэтому и написал на своде капеллы имя известного каббалиста с целью досадить папам. Это вызовет некоторый шум, но он утихнет, и мы сможем забыть об этом деле.

– Подождите! – выкрикнул кардинал Йозеф Еллинек. – Это самое верное средство для того, чтобы открыть путь для спекуляций и сплетен. Наши противники не удовлетворятся одним именем – они будут копать дальше и найдут множество вариантов толкования имени. Эта дискуссия обещает быть бесконечной.

Слово взял профессор Паренти, сообщив, что, во-первых, еще не доказано, что Микеланджело Буонарроти был каббалистом, хотя исследователи его творчества не раз делали подобные предположения; во-вторых, подобное открытие станет научной сенсацией и будет волновать исследователей еще долгие годы, если не десятилетия. Паренти поинтересовался у главного реставратора Бруно Федрицци, не могут ли и в других местах быть обнаружены надписи, которые имели бы отношение к имени Абулафии.

Федрицци ответил отрицательно. После обнаружения букв все места росписи, на которых могли бы быть надписи, были подвергнуты осмотру с кварцевыми лампами. Проверка показала, что других надписей нет. Можно утверждать совершенно точно, что иных знаков не обнаружится.

– Тем более, – рассудил епископ Марио Лопес, – нам следует заняться изучением имени. Отец Августин, вы можете нам что-нибудь растолковать?

Отвечая, отец Августин был похож на змия, обвиняемого вокруг древа познания. За столь короткое время невозможно всеобъемлюще изучить все связанное с именем Абулафии, к тому же, что удивительно, в архиве нет *Busta Abulafia*, что казалось совершенно нелогичным, так как он бывал в Ватикане.

– Пожалуйста, поясните, в чем тут дело, отец Августин! – потребовал резким тоном кардинал-государственный секретарь Касконе.

– Хорошо. – Ораторианец набрал воздуха в легкие. – Авраам Абулафия, бесспорно, был необыкновенно мудрым человеком, пусть и ослепленным заблуждениями. Он родился в Сарагосе в 1240 году, отец учил его Библии, Талмуду^[118] и Мишне.^[119] Затем он отправился на

Восток, чтобы познать философские и мистические науки, особенно каббалу и теософию. Говорят, на Востоке он открыл для себя вещи, которые невозможно было доверить бумаге. При этом он написал двадцать шесть теоретических сочинений о каббале и двадцать две книги пророчеств. Он пишет, что хотел бы о многом поведать, но не может этого сделать в открытую. Его записи иносказательны и многозначны. В этом и состоял его метод передачи знаний.

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе спросил:

– Отец, вы назвали бы Абулафию философом или пророком?

– Он был и тем, и другим. Когда Абулафии исполнился тридцать один год, на него снизошел дар пророка. По его словам, некоторые из видений были посланы ему демонами, чтобы сбить с толку. Он «пробирался ощупью, словно слепой в полдень, в продолжение пятнадцати лет с дьяволом по правую руку». После этого Абулафия начал записывать свои пророчества, используя множество псевдонимов с тем же числовым значением, что и его собственное имя Авраам. Он называет себя Захарией, а также Разиэлем. Но почти все его пророческие книги были утеряны.

Кардинал Йозеф Еллинек откашлялся:

– *Ad rem*,^[120] отец Августин. Вы упомянули о том, что у Абулафии были контакты с Ватиканом. Когда это было и при каких обстоятельствах?

– Насколько я знаю, это было в 1280 году.

Кардинал Еллинек воскликнул:

– Во время правления папы Николая III?

– Именно так. Во многом это была замечательная встреча. То есть встречи как таковой не было, и уже с этого момента начинаются странности. Пожалуй, я начну с того, что в то время каббалисты распространили учение о том, что «когда наступит конец дней, Мессия по велению Бога явится к папе и попросит его освободить свой народ, и только тогда, но никак не раньше, поверят в его пришествие». В то время Абулафия жил в Капуе и пользовался уважением. Когда папа Николай III узнал, что Абулафия намеревается посетить Рим, чтобы *сообщить* ему некое известие, он дал приказ задержать еретика у городских ворот, убить, а труп сжечь перед стенами города. Абулафия знал о предписаниях папы, но это его не остановило. Он направился в город, прошел через ворота и узнал, что папа Николай III умер накануне ночью. Абулафию двадцать восемь дней продержали в коллегии францисканцев. Потом он был выпущен, после чего след его теряется. Что же хотел поведать Абулафия, до сих пор загадка.

– Если я вас правильно понимаю, – произнес кардинал-

государственный секретарь, – речь идет о том самом папе Николае III, чье имя было на листе, найденном в кармане отца Пио?

– Да, шифр *Nice. III* обозначает папу Николая III, но папка под этим шифром исчезла.

Адам Мельцер из Общества Иисуса, до сих пор молчавший, заговорил:

– Эта история таинственна, и она прекрасно соответствует всему тому, что до сих пор обнаруживалось в связи с открытием в Сикстинской капелле. Мне не нужно говорить присутствующим о том, что до сих пор не выяснена причина смерти папы Николая III.

Касконе резко произнес:

– Вы хотите сказать, есть основания подозревать, что Николая III убили?

Мельцер пожал плечами, но промолчал.

На это кардинал-государственный секретарь сказал:

– Брат во Христе, мы собрались здесь, чтобы ознакомиться с фактами, а не для того, чтобы высказывать предположения. Если у вас есть доказательства насильственной смерти Его Святейшества Николая III, предоставьте их. Но если это всего лишь ваши предположения, тогда молчите!

Иезуит воскликнул в волнении:

– Что, нам снова навязывают чужое мнение? Если так Ваше Высокопреосвященство, я прошу отпустить меня!

Кардинал Еллинек с трудом успокоил членов собрания и настоятельно потребовал вернуться к теме консилиума:

– Таким образом, я констатирую, что между каббалистом Авраамом Абулафией, Его Святейшеством Николаем III, художником Микеланджело Буонарроти и бенедиктинцем отцом Пио существует некая связь. Первые два жили в XIII веке, Микеланджело – в XVI, а отец Пио – в XX. Видит ли кто-то из присутствующих связь, которая привела бы нас к решению проблемы?

Но вопрос кардинала встретили молчанием.

Ввиду новых фактов следующее заседание консилиума было назначено на пятницу второй недели поста.

Во второе воскресенье Великого поста

Скорый поезд подъезжал к Риму. Брат Бенно годами никуда не ездил, и в памяти его остались лишь болезненные образы, связанные с путешествиями. Теперь же он сидел в комфортабельном купе и не мог налюбоваться горными пейзажами за окном. Он ехал без попутчиков и время от времени делал попытки углубиться в чтение требника, но каждый раз быстро откладывал его. В детстве он всегда прислушивался к стуку колес, придумывая слова, соответствующие рваному ритму. Теперь же стук колес был едва слышен, брат Бенно неосознанно подбирал слова, и в его голове звучало: «Лука все врет, Лука все врет, Лука все врет». Он прогонял эти слова и искал другие, но те возвращались снова и снова, словно дрящущаяся пытка.

Пока поезд, как гигантский червь, извивался то под откосами, то вдоль реки, тащился на юг, он вспомнил о Микеланджело – одиночке, замкнутом человеке, который создавал великие произведения искусства и ни разу ни слова не проронил об этом; наоборот, был склонен к скрытности и молчанию. Поэтому по сей день многое в его жизни остается для нас загадкой. Посмеиваясь над собой, Микеланджело говорил, что с молоком матери впитал любовь к камню. Ведь Франческа» его мать, которой исполнилось всего девятнадцать лет, родив сына, передала его на попечение кормилице, жене работника каменоломни. Микеланджело, дитя Ренессанса, никогда не видел себя в этой эпохе – он создал свой мир, восторженный мир возрожденной античности, неоплатонизма и бесконечных фантазий Данте.

После ранней смерти матери его никто не любил, мальчика часто били. Родственники отдали его в обучение лишь благодаря уговорам святого отца Лодовизо, нерешительного главы общины. Он попал в подмастерья к братьям Доменико и Давиду Гирландайо, замечательным флорентийским мастерам. Будучи чудаковатым и замкнутым, он так и не смог примириться с потерей любимой матери – женщины всегда оставались для него богинями и святыми. Всю свою жизнь Микеланджело прожил как монах, как и брат Бенно, и скорее не по моральным причинам, а из-за благоговения и сублимированного чувства любви. Эталонной женщиной для него стала дантовская Беатриче, поэтому он создавал чувственные и в то же время юные материнские образы: Пьету, Мадонн и сивилл с необычайно нежными чертами лица. Прошлое, его собственное и его предков, было

очень важно для него. Он сохранил дворянскую надменность. Черты его отца можно было узнать в лицах большинства мужских скульптур, им созданных.

Микеланджело было четырнадцать лет, когда он сменил кисть и карандаш на резец, чему был рад Лоренцо Медичи, правивший в то время во Флоренции и взявший молодого человека под свою опеку. В те годы произошло нечто, что наложило отпечаток на всю его последующую жизнь. Во время ссоры одноклассник Торриджиани ударил его кулаком и сломал нос. С этого дня лицо Микеланджело было изуродовано. Какое же страдание, не считая физического, это должно было принести поклоннику всего прекрасного – Микеланджело Буонарроти!

Так думал брат Бенно, пока скорый поезд нес его на юг. Он думал о девятнадцатилетнем юноше, слушавшем во Флорентийском соборе проповеди доминиканца Савонаролы, бичевавшего богатство господ и высокомерие прелатов, само по себе бывшее грехом. С церковной кафедры прямодушный Савонарола, не боясь обличать коррупцию в государстве и церкви, клеймил современную теологию, которая сдала свои позиции. Маленький, сухопарый, с лицом аскета, он открывал слушателям тысячи апокалипсических видений, преследовавших его. Те были ужасны и очень правдоподобны. В стране и так то и дело вспыхивали войны и звучали проклятия в адрес государственной власти. Он предсказывал гнев Божий и гибель Флоренции: «*Ecce ego abducam aquas super terram*». ^[121] Молодой Микеланджело с ужасом представлял картины гнева Господнего, вод, затопивших землю. Эти образы позднее получили отображение на своде Сикстинской капеллы. Воплощены они были столь же ярко, как о них проповедовал приор-доминиканец.

Микеланджело был самоучкой. Восхищался античными статуями в саду Медичи, работами Донателло и Гиберти, о котором говорил, что искусством скульптор открыл себе ворота рая. Гирландайо, своему учителю, он уделял все меньше внимания. Его первые скульптуры канули в Лету. Известность получила лишь Пьета – изваяние юной Мадонны с мертвым Иисусом на коленях, созданное по заказу кардинала Сан-Диониджи. Мадонна, красивая, словно греческая богиня, выполнена из каррарского мрамора. Каждая деталь ее фигуры сделана филигранно, будто рукой ювелира. Микеланджело изобразил Мадонну в том возрасте, в котором умерла его мать. На вопросы о ее цветущей красоте он отвечал, что непорочные девы не стареют – они выглядят намного моложе и свежее, чем порочные, потому что их души не алчут греховных страстей. Не говоря уже о деве, в душе которой ни разу не зародилась греховная мысль. Поэтому не

стоит удивляться тому, что художник изобразил мать намного моложе сына, он не принимал во внимание естественного процесса жизни и старения. В возрасте двадцати двух лет он стал испытывать гордость за созданное и увековечил свое имя на собственном творении – первый и единственный раз в жизни.

Художник – зеркало своего времени и окружения. Вернувшись во Флоренцию, Микеланджело увидел, что многое изменилось. Число приверженцев Савонаролы росло день ото дня. Процессии кающихся тянулись через весь город. К ним присоединялось все больше людей. Чума и голод собирали свой щедрый урожай, и среди всеобщего запустения звучал резкий голос Савонаролы, призывающий к высоконравственному поведению и заставляющий покаяться. Сам Савонарола считал себя орудием Господа, но в глазах большинства людей доминиканец был пророком. Трижды из Рима папа предупреждал, что Савонароле следует прекратить свои нападки на Церковь и папство. Наконец, Александр Борджиа отлучил его от Церкви. Но это вызвало только еще больший гнев и более жестокие нападки проповедника. Папская булла не была для него указом. Он не подчинился требованиям замолчать, наоборот, теперь он вещал и об упадке морали при дворе папы, призывая того образумиться. Брат Джироламо обвинял папу в том, что он продает духовные должности. Вскоре его бросили в тюрьму, где подвергали пыткам. Он не избежал суда инквизиции. Папа велел перевезти его в Рим, но затем передумал и отправил посланника во Флоренцию, чтобы тот зачитал смертный приговор. В день Вознесения в 1498 году Савонаролу предали сожжению на площади, перед зданием правительства.

Микеланджело не было в толпе зевак, наблюдавших за костром. Он оставался в Риме. Хотя он и не видел ужасающего пламени собственными глазами, ранимого художника должна была задеть человеческая подлость, которая проникает даже в сердца самых праведных из всех праведников. Но именно они давали Микеланджело работу и хлеб. Так его душу наполнили противоречия.

Микеланджело чаще творил как скульптор, а не как художник. Три панорамы с изображением Мадонны – вот и все произведения живописи, которые он создал за эти годы. Пугало ли его сравнение с Леонардо, Перуджо и Рафаэлем – нам неизвестно. Не было ничего странного в том, что папа Юлий II снова призвал его в Рим как скульптора. Папа Юлий был скорее солдатом, чем пастырем, скорее политиком, чем священником» скорее жестким, нежели мягким. И совсем необычно было то, что он любил искусство и восхищался творениями художников, как и собственным

мечом.

Один из художников обратил внимание Юлия II на молодого флорентийца, и папа отослал Микеланджело сотню скудо на дорогу, чтобы только познакомиться с ним. И лишь позже ему пришла идея изваять надгробие, собственное надгробие в соборе Святого Петра. Но сотрудничество папы и Микеланджело встречало сложности: бескомпромиссность заказчика и своенравие художника. Микеланджело вскоре заговорил о том, что если он даже на день задержится в Риме, то ему придется ваять надгробие себе, а не папе. В гневе он оставил столицу. Он вынужден был взять в долг огромные суммы, чтобы оплатить камень и дать деньги рабочим. Кондивви, один из учеников, позднее говорил о «трагедии надгробия». Сам художник в то время полагал, что «лучше бы он в детстве научился делать спички»; тогда не пришлось бы испытывать подобного разочарования. Папа разгневался. Однако обещал не прибегать к репрессиям, если Микеланджело вернется. Скульптор тогда всерьез задумывался о том, чтобы отбыть в Константинополь и остаток жизни служить султану. Работы у того было достаточно: султан планировал возводить мост через залив Золотого Рога, из Константинополя в Перу. И вот папа и Микеланджело встретились в Болонье, которую Юлий II захватил с пятью сотнями рыцарей. Его Святейшество заказал бронзовую статую высотой в четыре метра, которую получилось отлить лишь со второго раза. Об этой скульптуре известно лишь то, что через три года в город возвратилась царственная семья и статуя была разбита. Обломки ее пошли на отлив пушек.

После своего возвращения в Рим флорентиец возобновил работу над надгробием, но папа Юлий передумал. Но к тому времени Микеланджело успел высечь на надгробии лишь одну из сорока запланированных фигур, Моисея; а мрамор для работы, который скульптор хранил за собором Святого Петра, где жил сам, был украден.

И тогда папа поразил художника, пришедшего в отчаяние: поручил ему роспись Сикстинской капеллы, постройки времен правления его дяди, Сикста IV, которую он сам торжественно освятил двадцать пять лет назад. Микеланджело решил взять за сюжетную основу акт творения и древнюю историю. Но в какой-то особенной, персональной интерпретации.

Все эти факты припомнились брату Бенно, пока он направлялся в Рим, а колеса поезда упрямо повторяли: «Лука все врет, Лука все врет...»

В понедельник после второго воскресенья Великого поста

В этот день после длительного размышления Еллинек нашел монсеньора Вильяма Штиклера, камердинера папы, и рассказал ему о пакете со странным содержимым, который ему подбросил незнакомец. Возможно, это был тот же человек, который позднее проник в квартиру кардинала и пытался заставить его отказаться от дальнейшего исследования Сикстинской надписи.

Монсеньор молча выслушал Еллинека, затем поднял трубку телефона, набрал номер и произнес:

– Ваше Высокопреосвященство, в деле Еллинека обнаружались неожиданные факты. Я считаю, вам нужно лично выслушать его.

Немногим позже вошел кардинал Джузеппе Беллини, и Еллинек повторил свой рассказ о том, как к нему попали очки и тапочки.

– А почему вы так поздно признаетесь в этом? – поинтересовался Беллини.

– Признать можно только вину. Когда я нашел вещи, то, несмотря на загадочность факта, это не вызвало у меня чувства вины, господин кардинал. Доказательством может служить то, что я даже не убрал пакет, когда монсеньор Штиклер явился ко мне сыграть партию в шахматы. Если бы я хоть немного догадывался, что это за пакет, то, разумеется, спрятал бы его и уж никак не стал бы выставлять напоказ. Помните об одном: я не являлся членом курии в то время, когда умер Джанпаоло.

– На чьей вы стороне, кардинал Еллинек? – вдруг задал вопрос кардинал Беллини.

– На чьей стороне? Как это понимать?

– Вы, наверное, уже заметили, господин кардинал, что курия не является единым целым. Это естественно для организации, члены которой – люди разных национальностей и разного происхождения. Вам не обязательно отвечать. Я просто хочу спросить: вы мне друг?

Еллинек утвердительно кивнул. Кардинал Беллини продолжил:

– Несомненно, папа Джанпаоло пал жертвой заговора, и пропажа некоторых вещей является *еще одним* доказательством, поверьте.

– Я слышал о нем, – ответил Еллинек, – но до сих пор достаточно скептически относился к этому. Внезапная смерть папы легко может стать поводом к различного рода сплетням.

– А этот странный пакет?

– Он лишь заставил меня задуматься, потому что краже вещей просматривался явный умысел. Если Джанпаоло действительно убили, то я получил пакет качестве угрозы, а так как угроза не подействовала, ко не пришел человек, который подтвердил ее.

Еллинек спросил у Штиклера:

– Монсеньор, какие документы тогда исчезли?

Беллини прервал Еллинека:

– Камердинеру папы должно молчать. Я скажу только вот что: в документах были списки членов курии.

– Понимаю, – сказал Еллинек.

Беллини задумался, затем продолжил:

– Вы смелый человек, Ваше Высокопреосвященство. Не знаю, что бы я делал на вашем месте. Думаю, скорее вел бы себя как Петр, а не как Павел. Петру не стыдно предстать перед Богом.

На том они и разошлись. Нет, Еллинек и после этой беседы не мог решить, можно ли доверять Беллини. Он не понял, в какой партии или группировке внутри курии состоит Беллини, кто был другом, а кто – врагом. Еллинек по-прежнему никому не доверял.

После прибытия в Рим брат Бенно переночевал в дешевом пансионе на виа Аурелия. На следующий день он пошел в капеллу на Авентинском холме. Аббат Одило вежливо принял посетителя – этим ораторианский монастырь славился уже сотни лет – и предложил брату Бенно на время пребывания в Риме остановиться лично у него. Тот благодарно согласился, предполагая, что дело займет всего лишь пару дней.

Гость рассказал аббату, что помнит это место со времени своего предыдущего визита в Рим. Это было очень давно, когда в войну он обучался в библиотеке ораторианцев.

– Когда же именно это было, брат во Христе?

– В конце войны, когда немцы уже заняли Рим.

Аббат пришел в ужас.

– Позорно, – продолжал брат Бенно, – не хочется вспоминать об этом. Но в последние недели я почувствовал, что обязан что-то сделать. Искусство и мои исследования...

– Вы вернулись, чтобы продолжить исследования?

– Да, – ответил брат Бенно, – в старости иногда хочется закончить то, что не было завершено в молодые годы.

– Как точно подмечено! – воскликнул аббат и добавил: – Думаю, вы бы

хотели сразу же отправиться в библиотеку?

– Именно так, святой отец.

– Я только опасаюсь, что многое в библиотеке изменилось за эти годы.

– Это ничего. Я уверен, что смогу сориентироваться.

Уверенность, с которой говорил незнакомец, показалась аббату Одило странной. За десятки лет библиотеки так меняются... Как же мог приезжий знать, как теперь выглядит библиотека? Разве мог он с такой убежденностью утверждать, что сможет во всем разобраться? Молча поднимаясь по ступеням к библиотеке, аббат стал сомневаться, стоило ли так радушно принимать гостя.

Войдя, он дал указание всем *Scrittori* библиотеки оказывать содействие брату Бенно. Тот обменялся с каждым рукопожатием и углубился в исследование.

Вечером, после молитвы, аббат Одило посетил отдаленную часть монастыря, где в подвале угловой башни хранились документы. Но интересовали его не они, а деревянные ящики. Сосчитав их и проверив, все ли заперты, аббат ушел из подвала, ничего не взяв.

В следующий вторник

Около полудня в отеле «Эксельсиор», одном из самых лучших в Риме (его вход и сейчас охраняют стражи в старинных одеждах), собрались семеро ничем не примечательных людей. Они проследовали в зал, предназначенный для конференций, по коридорам со множеством зеркал и плюшевой отделкой. На двери не было таблички, которая могла бы информировать о том, какого рода встреча проходила в тот день. Секретность указывала на необычайную важность происходящего.

Неприметные господа были президентами и вице-президентами банка Италии, чикагского Continental Illinois National Bank and Trust, банка Chase Manhattan из Нью-Йорка, банка Crédit Suisse в Женеве, банка Hambros Bank в Лондоне и римского банка Banca Unione.

Фил Канизиус от *Istituto per le Opere Religiose* сознательно отказался от белого воротничка священника, был одет в серый костюм, как и все, и казался очень смущенным. Господа требовали объяснений.

– Единственное объяснение, какое у меня есть на сегодня, – начал Канизиус, – таково: пока что имя Абулафия совершенно ничего нам не говорит.

– Ах, вот как! – Джим Блэкфут, вице-президент банка Chase Manhattan, презрительно хмыкнул. – Нам не интересна эта надпись. Нам интересно, что вы делаете для того, дабы предотвратить появление слухов в Ватикане.

Тут же вмешался Урс Бродман из швейцарского банка Crédit Suisse:

– Мой банк никаким образом не должен быть скомпрометирован. Мы не желаем попадать в передовицы газет.

– Но, господа! – Канизиус сделал попытку успокоить присутствующих. – Об этом и речи быть не может. Этим занимаются лишь ученые. Они исследуют имя Абулафии, которое Микеланджело написал на своде Сикстинской капеллы. Ни о чем ином речь не идет.

– Я бы сказал, что этого и так с лихвой, – вставил Антонио Адельман из Banca Unione, одного из наиболее известных банков Рима. Его слово, несомненно, имело вес. – Нет в мире ничего более нестабильного, чем валютный рынок и рынок ценных бумаг. Мы уже слышим первые звоночки. Так что сделайте что-нибудь, Канизиус. И сделайте это как можно скорее и незаметней!

Высказывание озадачило Фила Канизиуса. Он и сам был полностью согласен с банкирами, но все равно попытался успокоить их: не может ведь

какая-то надпись обрушить валютный рынок.

– Повторяю еще раз, – произнес Блэкфут, – речь идет не о надписи, пусть и руки Микеланджело, Рафаэля, да Винчи или еще кого. Речь идет о доверии к нашим банкам. Наши общие дела не лишены известной пикантности, вы не должны об этом забывать, почтенный Канизиус. До этого IOR был местом молчания и тайны.

Боюсь, что положение может измениться в том случае если мир увлечется поисками значения надписи.

Дуглас Теннер из английского банка Hambros Bank согласился с этим:

– Вспомните о внезапной смерти последнего папы, о слухах вокруг его убийства. Потребовалось три года, чтобы состояние рынка было восстановлено. Нет, Канизиус, нас интересует степень доверия Ватикану. Странная позиция его в течение последних недель не добавляет уверенности. Если вы понимаете, о чем я.

– О чем мы все тут болтаем? – начал распалтаться Нил Прудман, вице-президент чикагского Continental Illinois, знакомый с Канизиусом уже много лет. – IOR – это первое, что приходит на ум, когда есть нужда отмыть деньги. И все собравшиеся здесь с удовольствием пользуются этим. Мы знаем, что это незаконно, и если что-то всплывет, это, мягко говоря, будет не слишком полезно для нашей репутации. Мне поручено сообщить вам: если в ближайшее время ситуация в Ватикане не прояснится, наша группа будет вынуждена прекратить отношения с вами.

Остальные, хотя и не собирались заходить так далеко, высказались подобным образом.

В то время как президенты банков встречались в «Эксельсиоре», кардинал Йозеф Еллинек находился в секретном архиве Ватикана и искал документы, касающиеся Авраама Абулафии. Кардинал был уверен, что за этим именем скрывалось нечто большее, чем просто упоминание каббалиста и еретика. Его исследования напоминали поиски иголки в стоге сена. Еллинек пожирал глазами многочисленные папки, изучал рукописи. Глаза болели. Запах прошлого приводил его в смятение. Несмотря на то, что от дат написания этих документов его отделяли века, люди, о которых шла речь в пергаментях, казались живыми.

Особенно Микеланджело становился все ближе и ближе. Кардинал даже начал в голос разговаривать с ним, отвечая на риторические вопросы его писем. Он понемногу привыкал к грубому тону флорентийца, к его проклятиям в адрес папы и Церкви, от которых кардинал поначалу даже вздрагивал. Поиски ключа к загадке Абулафии все больше напоминали

приключение, путешествие в чужеземную страну с ее загадочными городами и людьми. Еллинек жадно искал информацию, часто сбивался со следа и очень радовался каждому новому открытию. На некоторые документы он не обращал внимания, другим отдавал необычайно много времени. Кардинал был увлечен своим заданием, и никакая сила в мире уже не могла помешать ему. И даже если вскроется нечто ужасное, его не остановить. Еллинек знал, что разгадать значение имени Абулафии может лишь он – единственный человек в Ватикане, имеющий доступ в *Riserva*.

Уже было около полуночи, когда кардинал вошел в *Sala di merce* и сделал пятнадцатый ход. Он передвинул ферзя с d5 на d4. Еллинек с нетерпением ждал развития событий.

В среду второй недели Великого поста

На следующий день кардинал Еллинек пригласил профессора Паренти, Бруно Федрицци, главного реставратора, и генерального директора ватиканских музеев, профессора Паванетто, встретиться и обсудить визуальные образы Микеланджело, ведь и они могли приблизить их к разгадке.

Паренти с сомнением покачал головой:

– Многие историки искусств предпринимали попытки истолковать эти изображения, а результаты у всех были разные. Никто не мог подтвердить свою теорию.

Четверо присутствующих подняли головы. Еллинек обвел всех пристальным взглядом и сказал:

– Тогда у вас тоже должна быть своя теория?

– Конечно, – сказал Паренти, – но, как и версии остальных, моя тоже субъективна.

Кардинал внезапно сменил тему:

– Был ли Микеланджело верующим человеком, профессор? – И поспешно добавил: – Вас, наверное, удивляет мой вопрос?

Паренти посмотрел на Еллинека:

– Господин кардинал, ваш вопрос удивляет меня меньше, чем вас поразит мой ответ: нет, Микеланджело (в том смысле, который в эти слова вкладывает Святая Церковь) был плохим христианином. И не потому, что он ненавидел пап. Вероятно, еще что-то кроме этих взаимоотношений переменяло его жизнь, направив в иную колею.

– Говорят, он был приверженцем неоплатонизма и в молодости встречался с Фичино,^[122] – пришел на помощь коллеге профессор Паванетто.

– Фичино? – обернулся Федрицци. – Кто это?

– Фичино, – объяснил Паренти, – был гуманистом и философом, который преподавал в одной из академий, открытых Медичи. Он всегда прибегал к идеям Платона, из-за этого его считают неоплатоником.

– То есть – еретик?

Паренти пожал плечами:

– Священник Фичино был обвинен в ереси, но оправдан. Он говорил, что душа человека от Бога и стремится к воссоединению с первопричиной. Для многих мужей Церкви это было ересью.

– Но человек, который досконально знал Библию, не мог быть еретиком, – вставил Паванетто.

– Это ложный вывод! – возразил Паренти. – История знает много примеров того, что самые яростные враги Церкви прекрасно знали Библию. Не стоит называть имена.

– Давайте на минуту забудем о надписи, – сказал Еллинек, обращаясь к профессору Парента. – Как бы вы объяснили смысл росписи Микеланджело непосвященному?

– Хорошо, я попробую обосновать мое мнение – ответил Паренти. – Вначале я упомяну о некоторых из наиболее известных толкований. Из переписки художника с папой нам известно, что Микеланджело не принял пожелания Юлия II. Тому пришлось предоставить художнику полную свободу. Некоторые ученые вообще сомневаются в том, что Микеланджело Буонарроти – автор этих фресок, и предполагают, что их создал неизвестный нам мастер.

– И кто бы это мог быть? – серьезно спросил Еллинек.

– На этот вопрос, господин кардинал, и по сей день никто не может ответить.

– И как же мы должны расценивать такого рода версии, профессор?

– Приведу пример. Один британский ученый считает, что образы двенадцати пророков и сивилл символизируют двенадцать догматов [\[123\]](#) апостольского учения, ведь некоторые фразы взяты из их учений, связаны с их образом или историей жизни. Захария символизирует Credo in Deum Patrem omnipotentem creatorem coelie et terrae, Иоиль: et in Jesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum, Исая: qui conceptus est de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine, Иезекииль: passus sub Pontio Pilato, crucifixus, mortuus et sepultus descendit ad inferos, Даниил: tertia die resurrexit a mortuis, Иеремия: ascendit ad coelos, sedet ad dexteram Dei Patris omnipotentis, Иона: inde venturus est iduicare vivos et mortuos, дельфийская сивилла: credo in Spiritum Sanctum, эритрейская: sanctam Ecclesiam catholicam, sanctorum comunionem, кумекая: remissionern peccatorum, персидская: carnis resurrectionem, ливийская: et vitam aeternam. [\[124\]](#)

– Смелая интерпретация! – воскликнул Еллинек, остальные же промолчали в задумчивости. – Одна из тех, которой можно доказать все, одновременно ничего не доказывая.

Паренти возразил:

– Но так оно и есть. Если анализировать текст и изображения, совпадения действительно имеются.

– Например? – поинтересовался Федрицци.

– Вот, например, Даниил, который здесь символизирует воскресение. В двенадцатой главе сказано: «А ты иди к твоему концу и упокоишься, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней».^[125] У Исаяи, который означает рождение Иисуса Христа, в девятой главе сказано: «Ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его».^[126] А Иона, соответствующий Страшному суду, описывает в третьей главе суд Господа над Ниневией. У остальных пророков тоже обнаруживаются совпадения. Однако спорна в этой интерпретации символика сивилл. Если Пифию из Дельф еще можно сопоставить с всеведением Святого Духа, то, чтобы найти толкование остальным, нужно долго напрягать извилины. Не думаю что замысел Микеланджело был именно таков.

Паванетто пренебрежительно бросил:

– Уж не думаете ли вы, что Микеланджело был настолько умен?

– Я отказываюсь верить не в его способности, а в подобные замыслы, – заявил Паренти.

– Разве не Микеланджело был известен своей склонностью из всего делать секрет? – уточнил Еллинек.

И Паренти ответил:

– Это действительно так. Микеланджело был кем угодно, но только не *обычным* человеком. Он жил в недоступной пониманию праздного мирянина вселенной, и нет сомнения в том, что художник обходился с Библией – вернее, с Ветхим Заветом – несколько вольно, придавая большое значение одним событиям, при этом совершенно игнорируя другие. Например, строительство Вавилонской башни – мотив, любимый многими другими художниками.

– Убийство Каина! – воскликнул Паванетто.

– Также отсутствует, хотя оно оказало определяющее влияние на род Каина.

– Полагаю, – начал Еллинек, – нужно отыскать различия в толковании Библии Микеланджело и теологов, лишь так мы сможем приблизиться к пониманию смысла фресок. Да, чем больше я смотрю на образы, тем больше убеждаюсь в том, что Микеланджело творил с преднамеренной наивностью. Что вы думаете по этому поводу, профессор?

– Я бы сказал так: интерпретация Микеланджело Ветхого Завета и истории веры возникла именно в его сознании. Понять ее можно, если не просто читать написанное, а заглянуть в душу мастера. Обратите внимание на сюжет, посвященный акту Творения. – Паренти указал на переднюю

часть свода. – Перед тем как Господь решил отдохнуть на седьмой день, он осуществил восемь актов Творения. У Микеланджело их девять: для него сотворение Адама и Евы – два акта Творения, хотя в Библии говорится просто: Господь сотворил мужчину и женщину. И никакой особенной необходимости такого толкования здесь нет. Он же изображает семь дней Творения всего на пяти фресках. Давайте рассмотрим первую – отделение света от тьмы. Уже здесь появляются загадки.

– Надеюсь, – прервал его кардинал Еллинек, – вы объясните нам, почему Господь изображен с женской грудью.

– Прошу прощения, господин кардинал, этого я сделать не могу, потому что по сей день не существует хоть сколько-нибудь внятного объяснения этому. Более ясной является вторая фреска, на которой изображено сотворение Солнца, Луны и Земли, хотя и здесь есть чему удивляться. Господь мчится вихрем, широко раскинув руки. Очевидно, Микеланджело использует текст из Книги Исаяи, который говорит о *bracchium domini*,^[127] деснице Господней, и ее мощи. Правая рука Господа касается Солнца. Изображая сотворение Земли и растений, флорентиец, кажется, решил пошутить: на заднем плане он парит вокруг Солнца. Но, может быть, так Микеланджело хотел напомнить о том месте у Моисея, когда он просит Господа проявить свое величие, Господь же поворачивается к нему спиной.

– *Videbis posteriora mea!*^[128] – прошептал Еллинек и привычно добавил: – Исход, 33:23.

Паренти согласно кивнул и продолжил:

– Ученые не пришли к единому мнению относительно образов детей в складках одеяния Бога. Одни утверждают, что речь идет о возвещении Иисуса и Иоанна, другие – что это ангелы, как о том упоминается в псалмах, в которых восхваляется Творение. На третьей фреске Бог Отец парит над водами в сопровождении ангелов, она самая понятная. На четвертой изображено сотворение Адама – всем известная сцена: Господь протягивает к человеку животворящий перст. Под левой дланью Господа уже видна женщина – Ева. Но есть и другая, возможно, более верная идея. Женщина тут – это София, невеста Соломона.

Еллинек вспомнил текст:

– Она возвышает свое благородство тем, что имеет сожитие с Богом, и Владыка всех возлюбил ее: она таинница ума Божия и избирательница дел Его. Если богатство есть возжеленное приобретение в жизни, то что богаче премудрости, которая все делает?^[129]

– Браво, брависсимо! – зааплодировал Паванетто. – Кажется, вы знаете наизусть весь Ветхий Завет, господин кардинал!

– Как вы видите, – продолжал Риккардо Паренти, – некоторые сюжеты Микеланджело допускают простую, обоснованную интерпретацию и одновременно скрытую. Это очень усложнит толкование имени АВU – LAFIA. На пятой фреске изображено сотворение Евы. Это подтверждает версию о Софии, виднеющейся в одеждах Господа. Потому что сотворенная Ева совсем на нее не похожа: с округлыми формами, длинными волосами, на предыдущей же фреске показана хрупкая женская фигура с короткими волосами. Что особенно бросается в глаза: вопреки тексту Писания Господь не касается женщины, а рай, который все художники изображали цветущим, полным фруктов и населенным животными, здесь представляет собой пустынный ландшафт. Даже от дерева, прислонившись к которому спит Адам, остался всего лишь пень. Хотел ли Микеланджело таким образом проявить свое представление о рае как о довольно безрадостном месте? После грехопадения мир так же пуст и печален. В центре фрески – змий, обвившийся вокруг древа познания. Вопреки тексту Писания Ева и Адам тянутся за яблоком вдвоем. В небе же парит облаченный в пурпурное одеяние ангел, мечом прогоняющий людей из рая. Если сравнить изображение Адама во время сотворения и изгнания, видно мастерство Микеланджело: в первом случае – сияющий Адам, подобный Богу, во втором – лишь испуганный человек.

– Существует ли объяснение тому, что у Микеланджело нет образов Каина и Авеля? – поинтересовался Еллинек.

– Нет, – ответил Паренти. – Вероятно, Микеланджело игнорировал некоторые образы. Зато Ной изображен трижды: во время жертвоприношения» потопа и в опьянении. При этом Микеланджело по неизвестной причине путает хронологию: жертвоприношение про исходит перед потопом. Это самое детальное изображение на фреске. Оно соотносится с текстом Писаниями устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всеожжение на жертвеннике». ^[130] Перед нами Ной, глядящий в небо, жена Ноя, обращающаяся к нему, на переднем плане справа – мальчик, вырезающий сердце убитого барана, другой мальчик несет дрова, третий разжигает огонь. Бесспорно, действие происходит *после потопа* – у Микеланджело же потоп еще не начинался.

Федрицци, подняв голову, произнес:

– Не знаю почему, но меня более других впечатляет именно эта фреска.

– Действительно, она производит наиболее сильное впечатление, – ответил Паренти, – так как демонстрирует ряд сюжетов из судьбы человечества.

– Впрочем, художник изобразил все весьма своевольно, – добавил Еллинек.

– Своевольно? Что вы имеете в виду?

– Спасение Ноя – на заднем плане, словно это лишь ничего не значащая мелочь. Основным же мотивом здесь, несомненно, является гибель человечества, о которой в Писании сказано: «Конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли». ^[131]

– А девятый сюжет, профессор, как можно трактовать опьянение Ноя?

– Здесь мы вновь сталкиваемся с таинственной душой Микеланджело. Художник вспомнил небольшой по объему отрывок из девятой главы Бытия, в котором говорится: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем». ^[132] Микеланджело изображает эту сцену: слева Ной работает на своем винограднике. На переднем плане он, с кувшином и остатками винограда, уже пьян. Справа – Хам, отец Ханаана, который смотрит на наготу отца своего. Сим же и Иафет покрывают его, отведя взоры. Видимо, в этом сюжете Микеланджело увидел символ заблуждений, вины и конфликтов человечества.

Мужчины в смущении опустили глаза.

– Вы считаете возможным, – обратился кардинал Еллинек к Паренти, – чтобы в интерпретации Ветхого Завета крылась разгадка надписи?

Профессор долго раздумывал над ответом, наконец, подняв глаза на фреску, произнес:

– Считаю ли я возможным? В случае с Микеланджело возможно все. Мне кажется более вероятным найти ответ, изучая пророков и сивилл. Не только потому, что лишь пять из них отмечены буквами этого странного имени ABULAFIA, но потому, что их фигуры на своде – доминанта изображения, так что...

– Понимаю, что вы хотите сказать, – прервал его Паванетто. – Пророки и сивиллы кажутся наблюдателю важнее, чем разбросанные между ними сцены Ветхого Завета.

Остальные согласились с Паванетто.

– Обратите внимание на то, кто из пророков изображен: Исая, Иеремия, Иезекииль, Захария, Иона, Иоиль и Даниил. Микеланджело

обошел вниманием наиболее авторитетных: Моисея, Самуила, Натана, Илию и Иисуса Навина. Причины такого предпочтения непонятны. Прихоть ли это, или для того есть реальная причина?

– Предсказание прихода Мессии! – воскликнул Еллинек. – Они все говорили о пришествии Мессии, в отличие от остальных пророков.

Паренти усмехнулся:

– А Иона? К Ионе это разве относится?

– Нет, – возразил Еллинек.

– Значит, эта версия ошибочна. Иначе чем объяснить присутствие Ионы? Думаю, что единственной причиной такого странного выбора можно считать то, что Микеланджело предпочитал написанные пророчества лишь высказанным. Поэтому и выбрал пророков, оставивших письменные свидетельства в священных книгах, или тех, кто в этих книгах упоминался.

– А сивиллы?

– Сивиллы, разумеется, фигуры небиблейские. Их изображение является одной из самых больших загадок Сикстинской росписи.

– Микеланджело никогда об этом не говорил. Можно сказать, что это женские фигуры пророков, но они являются существами истинно земными, тогда как пророки вдохновляются космосом. В этом – следы неоплатонических воззрений Микеланджело. Однако и пророки, и сивиллы являются низшими пророческими сущностями. Господин кардинал, вы, очевидно, сможете привести нам цитату из Павла!

Еллинек согласно кивнул и процитировал Первое послание Павла к Коринфянам:

«И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение. И духи пророческие послушны пророкам».^[133]

– Так пишет Павел. Теперь сравним двенадцать апостолов и сивилл: только у Ионы, Иеремии, Даниила и Иезекииля есть атрибуты, которые позволяют их безошибочно идентифицировать, иначе их не так легко было бы опознать. Иону – по изображению кита и листьям клещевины; Иеремию – по печали и разочарованию на лице, которые напоминают о его словах: «Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился: под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко, ибо Ты исполнил меня негодования. За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание?»^[134] Даниила мы узнаем по двум книгам. Он записывает

фразы из книги Иеремии. На голове Иезекииля – повязка в виде тюрбана, о которой в Писании сказано: «Но ты не сетуй и не плачь, и слезы да не выступают у тебя; вздыхай в безмолвии, плача по умершим не совершай; но обвязывай себя повязкою и обувай ноги твои в обувь твою...»^[135] Остальные не от мечены характерными деталями и изображены вполне свободно.

Затем профессор перешел к характеристике обнаженных мужских фигур над головами пророков и сивилл так называемых *ignudi* – обнаженных, присутствие которых удивляло многих.

– Обнаженные – это ангелы, – предположил Паренти, – в том виде, как их описывает Ветхий Завет: мужчины без крыльев, сильные и красивые. Их чувственную наготу Микеланджело изобразил, опираясь на то место в Книге Бытия, где два ангела остановились переночевать в доме Лота. Мужчины Содомы возжелали прекрасных юношей. То, что они изображены попарно, заимствовано из их описания во Второй книге Моисея. Содержание круглых табличек *tondi* (одна из них начала уже разрушаться) определено с большой степенью достоверности. Речь идет об аллегорическом изображении десяти заповедей.

Паренти, наконец, указал на треугольники над окнами – люнеты. Они, по мнению профессора, наверняка изображали происхождение избранного народа, начиная с Авраама, Исаака и Иакова до Иосифа – всего сорок фигур. Вот, в общих чертах, содержание того, что изображено на своде Сикстинской капеллы.

Слушатели молчали, каждый раздумывал об услышанном.

– О чем вы думаете, Ваше Высокопреосвященство? – спросил Паванетто. – Я размышляю о том, что хотел сказать Микеланджело столь дикой интерпретацией Ветхого Завета (ведь он изображал лишь сцены из Ветхого Завета). Какую же цель он преследовал, расписывая капеллу?

– После того, что мы услышали, хочется задать другой вопрос: был ли Микеланджело знатоком Библии или воспользовался услугами теолога? – спросил Паванетто.

– Об этом ничего не известно, – произнес Паренти.

– Это впечатление обманчиво, – прервал Еллинек, – ведь, если не считать Книги Бытия, которую каждый ребенок изучает в школе, Микеланджело имел представление лишь о пророках Исае, Иеремии и Иезекииле. Еще знал пару псалмов. А это далеко не все ветхозаветные книги.

– Мне кажется, – начал Паренти, – по некоторым отличиям в стиле изображения можно догадаться, что Микеланджело только в процессе

работы начал подробно изучать Библию. Художник не придерживался хронологии: начал с опьянения Ноя, и потом продолжал рисовать дальше. Этот вывод подтверждается и сюжетом о Боге Отце. Взгляните на Бога Отца, которого Микеланджело начал писать в сцене сотворения Евы, и сравните его с Богом Создателем Адама или же в следующих сценах. Это уже абсолютно другая манера изображения. То же можно сказать о пророках и сивиллах. Первые из них, хотя выписаны не менее тщательно, содержат меньше библейских атрибутов, чем последние. Более поздние выглядят мудрее. Полагаю, что эти фрагменты были дописаны Микеланджело после детального изучения Библии.

– А как быть с таинственной надписью? – взволнованно спросил Еллинек.

– Надпись, очевидно, была задумана с самого начала, – ответил реставратор Федрицци. Хотя бы по формальным причинам: буквы распределены по всей длине изображения. Кроме того, как уже было сказано, мы можем быть уверены, что надпись не была нанесена позже, так как для нее использована та же краска, что и для фресок.

Еллинек опустил взгляд:

– То есть Микеланджело с самого начала решил зашифровать на своде Сикстинской капеллы какую-то тайну. Мне кажется, надпись родилась не вследствие внезапного душевного порыва или перепада настроения.

– Нет, – ответил Федрицци, – мое исследование подтверждает как раз обратное.

В ту же среду на второй неделе Великого поста

Человечество обязано большинством своих величайших открытий не разуму, а элементарной случайности. Именно так было и на этот раз, когда по разным причинам многие люди оказались вовлеченными в решение этой задачи. Августин рассказал аббату родного монастыря на Авентинском холме о том волнении, в которое повергла курию надпись Микеланджело.

– Не знаю, – подвел он итог, – каким волшебством владел Микеланджело, но, как только надпись была обнаружена, призраки прошлого ожили.

Аббат, коренастый плешивый старик по имени Одило, выслушал Августина и ответил:

– Данный обет запрещает мне быть откровенным с вами, брат. Но, с другой стороны, у меня есть обязательства оберегать свой монастырь. И теперь я колеблюсь между двумя обетами. Если я открою истину, все, то знаю сам, то это будет страшная правда. Если же промолчу, то помогу курию, но взвалю на себя тяжелую ношу. Как же мне быть, брат Августин?

Августин не вполне понял аббата и ответил, что каждый должен сам решать по совести, о чем ему молчать а о чем говорить.

– Послушай, брат, – начал аббат, – в подвале этого монастыря лежат документы, которые могут запятнать чистую душу нашего ордена и Церкви в целом. Боюсь, что в ходе исследования они все равно будут обнаружены. Поэтому я скажу тебе правду, брат. Следуй за мной!

Августин спустился вслед за аббатом по узкой каменной лестнице боковой башни. Прохлада, пахнувшая на них, после весенней жары сначала показалась приятной; но чем глубже они спускались, тем более сырым и душным становился воздух. Аббат Одило остановился перед стрельчатой железной дверью, вынул ключ и отпер ее. Дверь заскрипела, словно ее давно не открывали. Левой рукой он нащупал выключатель, мрак озарили несколько ламп накаливания. В мерцающем свете ход казался бесконечным. По стенам – полки, ящики и коробки с книгами и документами.

– Ты никогда здесь не был, брат? – поинтересовался аббат и пошел вперед, минуя свалившуюся полку.

– Нет, – ответил Августин, – даже не знал, что в монастыре существует такой подвал. Что же здесь лежит? Аббат остановился, взял один из фолиантов, смахнул толстый слой пыли с переплета и открыл книгу. –

Вот, – и он начал читать: – «На Сретение в году одна тысяча шестьсот семьдесят седьмом от Рождества Христова конфедерации представлены 89 священников и 240 мирян, которые соблюдают заветы Евангелия и посвящают себя науке и благочестивым трудам во спасение души. Необходимо обеспечить питание 329 человек в год продуктами, которые производятся монастырским хозяйством, а также средствами из пожертвований благочестивых и переданных по наследству...»

– Это же бухгалтерия монастыря! – воскликнул отец Августин.

– Совершенно верно, – ответил аббат. – С момента основания монастыря ораторианцев в 1575 году Филиппом Нери и до конца последней войны. С тех пор бухгалтерские документы хранятся в другом помещении.

Аббат Одило подошел к куче деревянных ящиков. Крышки были прибиты гвоздями. Одило достал перочинный нож, и вскоре ему удалось открыть первый ящик.

– То, что ты сейчас увидишь, – проговорил он, взявшись за следующие два ящика, – не добавляет чести ни нашему ордену, ни Церкви в целом.

Он быстро и ловко открыл первый ящик, и трудно было поверить, что этот маленький человек так силен.

– Иисус, Мария! – вырвалось у отца Августина. Золотые слитки, украшения, драгоценные камни были вперемешку брошены в ящики, как мусор. Августин неуверенно спросил:

– Неужели это все подлинное?

– Скорее всего, брат, – подтвердил аббат и подошел ко второму ящику. – Эти ящики заполнены таким же богатством.

– Но ведь это же миллионы!

– Сотни миллионов, брат, столько миллионов, что все это невозможно было бы продать, не обратив на себя внимания.

Одило вскрыл второй ящик, но Августин, мечтавший увидеть сокровища, был разочарован:

– Личные бумаги, паспорта, документы!

Одило молча протянул брату серый паспорт. Августин заметил на обложке свастику. На других документах тоже была свастика.

– Что это? – Августин порылся в бумагах. Их было не менее двухсот.

– Ты что-нибудь слышал о монастырском пути, брат?

– Нет. Что это?

– Значит, и тайная организация ODESSA тебе неизвестна?

– ODESSA? Никогда не слышал.

– После окончания Второй мировой войны в Европе началось великое «переселение народов». Многие из тех, кто прятался от нацистов,

возвращались на родину, нацисты же, наоборот, скрывались за границей. Но границы европейских стран были закрыты, и на них повсюду охотились. Тогда и появилась эта организация. ODESSA – эта аббревиатура словосочетания «Организация бывших членов СС» – Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen. Некоторые из нацистов, предчувствуя крушение Третьего рейха, деньги и драгоценности частично вывезли за границу. В то время огромные суммы перетекали через кассы Ватикана. Я не хочу сказать, что курия изначально была осведомлена о том, кто владелец денег и на какие цели они будут направлены, но когда все стало известно, было уже поздно. Ватикан и ODESSA обоюдно были заинтересованы в поддержании секрета. Задумка нацистов была гениальной, но без согласия курии ее осуществление не представлялось возможным. Вначале эти люди постригались в монастырь в Германии, Австрии, Франции или Италии. Но в монастыре они находились лишь несколько дней. Потом они с рекомендательными письмами от аббатов отправлялись в иной монастырь, откуда продолжали свое путешествие. Таким образом их следы терялись. В итоге все оказывались...

– Позвольте, я сам догадаюсь! – прервал его отец Августин. – В конце концов все они оказывались здесь, у ораторианцев, одетые как братья ордена.

– Так оно и было.

– Господи, и что же потом случилось с этими людьми?

– Ватикан предоставлял им фальшивые документы, пристраивал их в монастыре, давал новые имена и адреса. Иногда даже не без иронии, потому что это были адреса епископских ординариатов в Вене, Мюнхене или Милане. А что еще мог сделать Ватикан? Всем было на руку то, что лжемонахи бежали за границу. Обычно они направлялись в Южную Америку. Так от них легче было избавиться. Всей акцией руководил некто монсеньор Тондини и его юный помощник Пио Сегони. Тондини был главой Ватиканского эмиграционного агентства, а затем и Международной католической эмиграционной комиссии. Сегони поддерживал связь между «монахами» и службами Ватикана, а также брал за работу деньги и другие ценности.

– Пио Сегони, вы сказали... Точно Пио Сегони?

Аббат согласно кивнул:

– Для этого я и привел тебя сюда. Никто не поверил бы, что этот монастырь был завершением «крысиных троп» нацистов и что здесь находился человек, который отбирал у негодяев деньги и золото, прикрываясь христианской любовью к ближнему. Конечно, отец Пио

обогащал не себя лично, но я не считаю, что это делалось во славу Господа.

Пыль наполняла легкие двух монахов. Августин дышал с трудом. Наконец он сказал сквозь зубы:

– Меня сейчас волнует лишь один вопрос: почему вы все это мне рассказали?

– Наверное, – ответил аббат, – я единственный человек, кто знает о паспортах и сокровищах в этом подвале, так как мне об этом рассказал мой предшественник, ему я дал слово молчать. Я старый человек, Августин, и точно так же, как и мне, тебе теперь придется взять на себя эту ношу. Я знаю, ты сможешь молчать, брат во Христе. Знаю, тебе, как никому другому, знакомы документы этого злополучного времени. Они все сберегаются в Ватиканском архиве. Я опасался, что, исследуя Сикстинские надписи, ты скоро наткнешься и на них. Теперь, зная тайну, тебе придется жить с ней.

Пятница во вторую неделю Великого поста

Консилиум, собравшийся в пятницу на второй неделе Великого поста, в основном обсуждал лжеэпиграфический характер каббалистических трудов и их связь с католической церковью. Но эти исследования не дали ничего, что могло бы прояснить появление имени Абулафии на своде Сикстинской капеллы. Отец Августин ознакомил присутствующих с документом времен правления Николая III, в котором шла речь о том, что во время пребывания Авраама Абулафии во францисканском монастыре изъяли греховный памфлет, направленный против веры. Но поиски этого памфлета не увенчались успехом, вероятно, он был сожжен.

Это сообщение не на шутку взволновало участников консилиума. Они в течение нескольких часов обсуждали, какая же информация была в документе, принадлежащем перу иудейского мистика. Марио Лопес, просекретарь Конгрегации доктрины веры, сомневался в том, ссылался ли Микеланджело именно на этот документ, который в XVI веке, может, еще и существовал. Ведь при этом условии его и впоследствии не уничтожили бы. По крайней мере, имя Абулафии больше не всплывает в архиве. Было решено, что следующее заседание консилиума необходимо отложить до появления новых сведений.

Вечером после долгого перерыва за шахматной партией, как всегда, в апартаментах кардинала вновь встретились Еллинек и монсеньор Штиклер. Но ни один не мог сосредоточиться на игре. Они машинально переставляли фигуры, ход за ходом, без типичной для них элегантности и изысканности, из этого можно было сделать вывод, что думают они совершенно не о шахматах.

– Гарде! – как бы мимоходом объявил Штиклер уже через девять ходов, поставив свою ладью перед белым ферзем, обратив кардинала в бегство.

– Мне кажется, – сказал он наконец, – мы думаем с вами об одном и том же.

– Да, – согласился Штиклер, – похоже на то.

Еллинек замялся:

– Вы преданы Беллини, монсеньор?

– Что значит – предан? Я на его стороне, если вы это имеете в виду. И к тому есть основания.

Кардинал поднял глаза.

– Вы же знаете, – продолжал Штиклер, – Ватикан – это уменьшенная модель государства, со своим правительством, своими партиями, поддерживающими отношения или стремящимися оттеснить друг друга. У одних больше власти, у других – меньше. Здесь есть покладистые люди, приятные и неприятные, опасные и безобидные. Ошибочно было бы полагать, что в Ватикане царят благочестие и смирение. Я служил при трех папах и знаю, о чем говорю. От смирения до преступного безумия всего пара шагов. Порой забывают, что курия состоит из людей, а не из святых.

– При чем здесь Беллини? – спросил Еллинек.

Монсеньор помолчал и затем ответил:

– Я доверяю вам, господин кардинал. Я вынужден это делать лишь потому, что у нас, кажется, общие враги. Беллини – глава группировки, которая уверена в том, что Джанпаоло убили, и, вопреки указанию государственного секретариата, продолжает расследовать это дело. Разумеется, пакет с вещами папы был отправлен в качестве угрозы, чтобы вы прекратили свои исследования. Но мы можем считать это и доказательством того, что причина смерти последнего папы – чьи-то тайные махинации.

– Вы можете назвать имена участников заговора? Зачем же было убивать папу?

Монсеньор Штиклер убрал с доски своего короля в знак того, что сдается и партия окончена. Потом посмотрел в глаза кардиналу и сказал:

– Я попрошу вас сохранять тайну, Ваше Высокопреосвященство, но теперь, когда мы в одной лодке, расскажу вам все, что знаю.

– Касконе? – спросил Еллинек. Монсеньор согласно кивнул:

– В документе, который таинственно исчез после смерти Джанпаоло, были подробные сведения о реорганизации курии. На все посты назначались новые люди, многие должны были уйти в отставку. Это прежде всего кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе, руководитель *Istituto per le Opère Religiose* Фил Канизиус и Франтишек Коллецьки, просекретарь Конгрегации католического образования. Если бы Джанпаоло не умер в ту ночь, эти господа сегодня не занимали бы свои посты.

– Разве так просто сместить с должности государственного секретаря?

– Не существует ни закона, ни предписания, которые запрещали бы это делать. Хотя за все время существования курии такого не случилось.

– А я всегда считал Касконе и Канизиуса конкурентами.

– Так оно и есть. Можно сказать, что они соперничают друг с другом.

Касконе – высокообразованный человек, который гордится своей должностью. Канизиус по происхождению крестьянин. Крестьянином он остался и по сей день. Он родился недалеко от Чикаго и всегда мечтал занять высокий пост. Его потолок – это пост епископа в курии. Хотя и епископство льстит ему. Организация IOR была немногочисленной, когда он занял свою нынешнюю должность. Но постепенно Канизиус сделал ее уважаемым финансовым учреждением. У Канизиуса есть нюх на деньги, он бы продал в Америку и папскую тиару, если б можно было. Финансовые операции сделали Канизиуса могущественным человеком в курии. Разумеется, государственный секретарь, олицетворяющий мирскую власть Ватикана, был этим недоволен. Мне кажется, они ненавидят друг друга в душе, но оба заинтересованы в том, чтобы хранить эту тайну. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Беллини – враг Касконе, Канизиуса и Коллецки?

– Правда, неофициальный, Ваше Высокопреосвященство. Беллини – первый человек в курии, кто усомнился в естественности смерти Джанпаоло и открыто заявил об этом. Поэтому Коллецки, Канизиус и Касконе избегают Беллини. Но еще больше они боятся меня. Наверное, догадываются, что мне известно все об исчезнувшем документе, в соответствии с которым эту троицу следовало давно отправить в отставку. Думаю, они очень расстроились, когда очередной папа избрал меня своим камердинером.

– Его Святейшество знает об этой истории?

– Я обязан молчать, Ваше Высокопреосвященство, и не должен говорить об этом даже вам.

– Вы не обязаны отвечать, но я попробую догадаться сам.

После третьего воскресенья Великого поста

В день после третьего воскресенья Великого поста, находясь в секретном архиве Ватикана, кардинал Еллинек сделал удивительное открытие. По причинам, до конца непонятым даже ему самому, кардинал не посещал отделение архива, где три недели назад перед ним предстал незнакомец. И его не оставляло чувство, что он мог там кое-что упустить, какую-то деталь, нарушавшую картину, нечто, что стало бы ключом к разгадке тайны. Но последний разговор с монсеньором Штиклером прибавил ему смелости, и кардинал уверился, что замеченные им в библиотеке ноги принадлежали человеку, а не призраку. Таинственный гость, принесший ему пакет с тапочками и очками, был вполне земным существом – обычным наемным агентом. Видения, которые у него были в библиотеке, теперь казались следствием напряжения и волнения.

Колеблясь от рационального объяснения до иррационального страха, кардинал тихим, но твердым шагом направился в темные внутренности библиотеки.

Серийный кожаный переплет обратил на себя внимание только потому, что он выдавался больше других книг на полке, будто кто-то слишком поспешно поставил его на место. Взяв его в руки, кардинал прочел на обложке надпись, тисненную золотыми, но уже выцветшими буквами. Надпись, которая привиделась ему в тот раз: LIBER IEREMIAS.

Но хранить эту книгу в секретном архиве не было никакой причины! Еллинек знал ее начало почти наизусть: «Слова Иеремии, сына Хелкиина, из священников в Анафофе, в земле Вениаминовой, к которому было слово Господне во дни Иосии, сына Амонова, царя Иудейского, в тринадцатый год царствования его».^[136] Но, к удивлению кардинала, содержание книги оказалось другим. Под титульным листом с надписью «Книга Иеремии» обнаружился иной титульный лист с названием «Книга знака», но без указания автора. Первая страница книги совсем истерлась, верхняя ее часть и вовсе была вырвана, но то, что можно прочесть, не было словами Иеремии. В книге было написано: «И сказал я: я здесь, тогда указал Он мне путь истинный, пробудил от дремоты моей и сподвиг меня на написание. Никогда прежде не было со мной подобного, и укрепил я волю свою, и посмел воспарить над помыслами своими. Нарекали они меня и еретиком, и язычником, потому что решил служить Господу правдой, а не бродить во мраке, как иные. Опустившись на самое дно, они и подобные им мечтают

опутать меня суетностью своею и происками. Но Господь оградит меня и оставит на пути истинном, не даст спутать с ложным». Необычные, пророческие слова, но Иеремия об этом же говорил иначе: «И было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя». [\[137\]](#)

В этом, казалось, не было смысла, но следующая находка еще более поразила кардинала: между ветхими и истрепанными страницами книги лежало письмо, подписанное «Pio Segoni OSB». Еллинек, даже не прочитав послания, за считанные секунды осознал важность этого листка. Отец Пио! Итак, Пио был тем неизвестным, который так напугал его во время прошлого посещения архива. По-видимому, он воспользовался запасным ключом, который хранился у него как у смотрителя Ватиканского архива.

Кардинал на миг оторопел и потом прочел: «Кто бы ни отыскал здесь этот листок, должен знать, что он на верном пути к разгадке. Но если он предан христианской вере и Святой Церкви, то также должен понять, что у него есть время подумать, сделать шаг назад и остановить расследование, пока еще не слишком поздно. На меня, Пио Сегони, Господь возложил непосильную ношу, и я вынужден жить с этим знанием. Это больше мне не по силам. Да простит меня Всевышний. Пио Сегони».

Еллинек вновь вложил письмо в книгу, захлопнул ее и бросился к выходу, прижимая находку к груди.

– Августин, – позвал он, – идите сюда, скорее!

Августин появился из-за полок архива. Кардинал молча положил кожаный переплет на конторку перед Августином, затем открыл его и протянул архивариусу листок.

– Я нашел письмо между страниц этой книги произнес Еллинек. – Что же знал Пио о Сикстинской надписи?

– Почему Книга пророка Иеремии оказалась в секретном архиве? – ответил Августин вопросом на вопрос, заметив название.

– Это на самом деле не Книга пророка Иеремии, у загадочного фолианта есть еще одно название. Листайте страницу.

Августин немедленно перевернул ее:

– «Книга знака»? – Отец взглянул на кардинала.

– Вам это о чем-нибудь говорит?

– Разумеется, Баше Высокопреосвященство. Автор «Книги знака» – Абулафия. На иврите это звучит как «Сефер ха-От», написана в 1288 году. Это было уже после таинственной встречи с папой Николаем III.

– В кармане у мертвого отца Пио был листок с шифром документа о

папе *Николае III*. Я видел его собственными глазами.

– Это не разъясняет ситуацию. – Августин провел рукой по книге, затем зажал страницы между указательным и большим пальцами и пролистнул их.

– Если речь идет именно об этой книге, дело представляется мне еще более таинственным. По-видимому, существует несколько копий «Книги знака», и этот экземпляр тоже, очевидно, лишь копия. Выяснить это можно, только сравнив несколько экземпляров. Но я не убежден, что книга нам поможет.

– Но почему отец Пио считал именно эту книгу ключом к тайне Сикстинской надписи?

– Почему? В чем может таиться разгадка? – Кардинал закрыл лицо руками: – Микеланджело был сущим дьяволом, да-да, дьяволом, – прошипел он.

– Ваше Высокопреосвященство, – начал осторожно Августин, – мне кажется, что мы достигли того момента, когда можем и продолжить, и остановить расследование. Может, стоит прислушаться к совету покойного. Вероятно, нам нужно бросить это дело и объявить, что флорентиец, написав на своде имя Абулафии, желал оскорбить Церковь, отомстив тем самым за то, что понтифики несправедливо относились к нему.

– Брат во Христе, это было бы неправильно, – прервал его Еллинек. – Если мы прекратим поиски, другие продолжат их. В этом вы можете не сомневаться. И когда-нибудь правда неминуемо выплывет на свет божий.

Августин согласно кивнул. Он спрашивал себя, нужно ли рассказать кардиналу о тайне, которую ему открыл аббат-ораторианец. А вдруг между этими фактами существует некая связь? Но в следующий момент он уже отбросил мысль о том. Неужели нацисты и Микеланджело могут быть как-то связаны?

– Вы не верите моим словам, отец? – спросил Еллинек.

– О нет, конечно же верю, – ответил Августин, – но невольно охватывает страх, когда я думаю о том, что нас ждет.

На неделе между третьим и четвертым воскресеньями Великого поста

Время в библиотеке ораторианского монастыря будто бы прекратило свой бег, ничто не изменилось, и брату Бенно казалось, что и в будущем здесь ничего не переделают. Брат Бенно работал не смыкая глаз, рылся в картотеках и шифрах, листал книги и делал заметки, наконец, он уверенно подошел к одной из полок и замер.

– Брат во Христе, – подозвал он одного из библиотекарей, – здесь, по-видимому, кое-что переставили, раньше был другой раздел.

– Не знаю, – ответил тот, – я не припомню ни одного изменения в этой библиотеке, хотя служу здесь уже десять лет.

– Брат, – засмеялся Бенно, – я работал здесь сорок лет назад, и в то время здесь находились документы по Микеланджело. Это был интереснейший материал.

– *Buste* по Микеланджело? – Библиотекарь позвал одного брата, затем другого, наконец, все трое работников библиотеки встали перед заветной полкой. Они крутили головами. На полке стояли книги с проповедями XVIII века.

Один из братьев достал книгу, открыл и прочитал название, казавшееся бесконечным: «*Theologia Moralis Universa ad mentem praecipuorum Theologorum et Canonistarum per Casus Practicos exposita a Reverendissimo ac Amplissimo D. Leonardo Jansen, Ordinis Praemonstratensis*». [\[138\]](#)

– Нет, – сказал он, – я никогда не видел здесь документов о Микеланджело.

Во время ужина гость традиционно сидел возле аббата, и Одило поинтересовался, как движется его работа, нашел ли он то, что искал. Бенно ответил, что в деле появились трудности. Несмотря на то, что он точно помнит схему монастырской библиотеки, не может найти именно тех документов, которые ему нужны. Наверное, документы просто исчезли.

Казалось, слова гостя заинтриговали аббата. Он поклонился и сказал, что для него будет честью помочь исследователю. Аббат хотел бы знать, что именно ищет брат Бенно. Тот ответил, что когда он впервые останавливался в Риме, то занимался Сикстинскими фресками. В этом монастыре хранились важные документы, относящиеся ко времени создания фресок.

Аббат удивленно покачал головой и сделал вид, будто не знал, что эти документы могли храниться в монастыре.

Но, по словам брата Бенно, Асканио Кондиви, ученик и доверенное лицо Микеланджело, хранил множество писем и документов своего учителя. Он хотел уберечь их от посторонних глаз. А так как он дружил с аббатом ораторианского монастыря, то счел именно этот монастырь наиболее безопасным местом.

Аббат молчал, казалось, он раздумывает. Через некоторое время ему пришло на память, что несколько лет назад какой-то священник уже спрашивал его о *Buste* по Микеланджело.

Брат Бенно отодвинул тарелку и посмотрел на аббата. Он выглядел взволнованным и попросил аббата вспомнить, кто же был этот священник и откуда.

Аббат Одило заверил, что это было давно. Он припомнил, что это случилось во времена предыдущего папы. Тогда аббат не придал значения визиту. Но, если память не изменяет, *Buste* необходимы были Ватикану. Больше он ничего не мог вспомнить.

Двое братьев убрали со стола посуду. Аббат поинтересовался, собирается ли брат Бенно теперь, когда его поиски закончились ничем, вернуться к себе в монастырь. Но тот попросил позволить остаться ему еще на пару дней у ораторианцев.

Аббат согласился, но брат Бенно про себя отметил, что его присутствию здесь не рады и жаждут от него отделаться как можно быстрее.

В день после четвертого воскресенья Великого поста и на следующее утро

Кардинал Еллинек еще раз прочел письмо:

«Ваше Высокопреосвященство, в связи с волнениями, связанными с Сикстинской надписью, я должен сообщить Вам, что, несомненно, я мог бы оказать Вам помощь. Прошу перезвонить мне.

Антонио Адельман, президент».

Что нужно от него банкиру? Что его связывает с этим делом? В сложившейся ситуации кардинал вынужден был хвататься за соломинку. Ему казалось, что он топчется на месте. Иногда ему чудилось, что перед ним – завеса из тумана, а за ней, совсем близко, – его цель, которой просто не видно. Это похоже на замкнутый круг: он чувствовал, что напал на след, но не двигался ни на шаг вперед. А книга, которую он отыскал, конечно, была увлекательной, но какое отношение она имела к Микеланджело?

Еллинек попросил секретаря подать машину. Он направлялся в Албанские горы. Скорее всего, он потратит время зря. Но надежда поддерживается терпением. Секретарь вернулся и порекомендовал Еллинеку не выходить через главные ворота, так как свора журналистов просто взяла их в осаду. Кардинал согласился и попросил подогнать синий «фиат» к черному ходу. Как оказалось, это не намного облегчило ситуацию. Как только кардинал появился на улице, его сразу окружила толпа журналистов. Они кричали, совали микрофоны прямо в лицо:

- Почему Ватикан не дает комментариев в связи с открытием?
- Когда можно будет сфотографировать загадочную надпись?
- Кроется ли за надписью тайный код?
- Что заставило Микеланджело это сделать?
- Был ли Микеланджело врагом Церкви?
- Что будет с фресками?
- Продолжится ли реставрация?

Кардинал с трудом прокладывал себе дорогу, расталкивая толпу, говорил, что у него нет информации на эту тему, что не уполномочен давать комментарии, что по всем вопросам следует обращаться в

информационную службу Ватикана. Секретарь едва смог закрыть за Еллинеком дверцу машины, и «фиат» тронулся с места. Еллинек еще слышал, как толпа следовала за машиной с криками: «Мы все узнаем! Вы ничего не сможете скрыть, Ваше Высокопреосвященство! Даже *specialissimo modo*».

В Неми они договорились встретиться после обеда. Живописное местечко находилось в Албанских горах, над озером с тем же названием, а кафе, которое они выбрали для встречи, называлось «Спечио ди Диана». В уютном зале на первом этаже заведения за стеклянными дверцами шкафов хранились книги отзывов посетителей. На их страницах можно было встретить даже имя Иоганна Вольфганга фон Гете.

Здесь они встретились впервые, кардинал и банкир. До сих пор им были известны только имена друг друга.

Антонио Адельман, президент римского банка Banca Unione, был рано поседевшим мужчиной лет шестидесяти с точеными чертами лица и живым взглядом интеллигентного человека.

– Вы, несомненно, удивились, – сразу же приступил он к делу, – что я попросил вас о встрече. Но с тех пор, как я узнал о проблеме, которой вы занимаетесь, у меня не выходит из головы мысль, что могу помочь вам хоть на шаг приблизиться к разгадке.

Официант в длинном белом фартуке принес местное вино в высоких бокалах.

– В моем лице вы найдете внимательного слушателя, – ответил Еллинек, – несмотря на то, что я не имею представления, какую помощь вы мне можете оказать. Слушаю вас!

– Ваше Высокопреосвященство, – начал издалика банкир, – возможно, вы не знаете: я еврей, и история, которую я вам расскажу, связана именно с этим.

– А какое это имеет отношение к Микеланджело, синьор?

– Это длинная, путаная история. Расскажу с самого начала.

Мужчины выпили.

– Ваше Высокопреосвященство, после падения режима Муссолини и подписания перемирия с союзниками в 1943 году немецкие войска вошли в Рим. Одновременно американцы высадились на юге, в Салерно, в Риме же царил страх перед будущим. Больше всего за свою жизнь опасались восемь тысяч евреев города. Тогда я был молод, постигал азы финансового дела в банке отца. Мои родители боялись, что с евреями в Риме поступят так же, как в Праге. Мой отец сказал, что если нам удастся сохранить свою жизнь первые три дня, то у нас появится шанс выжить. Десятое сентября –

незабываемый день. В тот вечер мы – мой отец, моя мать и я – прокрались от нашего дома к гаражу одного из друзей отца, который не был евреем, и спрятались в старом автомобиле для развозки товара. Ночью мы прислушивались к каждому шагу, каждому звуку в страхе, что нас обнаружат. Через три дня я впервые решился выйти из убежища. Меня толкал голод, и именно тогда я узнал, что нацисты обещали оставить евреев в покое за вознаграждение – одну тонну золота.

– Я слышал об этом, – сказал Еллинек. – Кажется, смогли собрать только половину, попытавшись взять взаймы вторую половину у папы.

– Было нелегко собрать такую сумму, потому что большинство богатых евреев бежали из города. Один из наших братьев обратился к аббату ораторианского монастыря на Авентинском холме и попросил помочь взять в долг у Ватикана недостающее золото. Папа согласился дать золото во временное пользование. 28 сентября мы на наших машинах отправились в центр гестапо на Виа Тассо и отдали золото. После этого римские евреи почувствовали себя в безопасности. Но все это было напрасно. Продолжались обыски в квартирах, нацисты отбирали предметы искусства у синагог. Тут им в руки попал список членов еврейской общины. Через несколько дней, около двух часов ночи, раздался громкий стук в нашу дверь. Сосед успел предупредить нас что немцы приехали на грузовике. Мы вновь скрылись в гараже, который однажды спас нас. Два дня мы боялись выходить, на третий день отец оставил укрытие, чтобы принести пару вещей из нашей квартиры. Отец так и не вернулся. Позже я узнал, что на следующее утро с вокзала Тибуртина в Германию был отправлен поезд, в котором находилась тысяча евреев.

Пораженный, Еллинек молчал.

– Рим, – продолжал Адельман, – это огромный город, полный тайных убежищ. Большинство членов нашей общины сумели скрыться в церквях и монастырях. Кое-кто нашел убежище и в Ватикане. Мы с матерью выжили, скрываясь в ораторианском монастыре на Авентинском холме. Ваше Высокопреосвященство, вы, конечно, спросите, как же это все связано с зашифрованной надписью на своде Сикстинской капеллы? История эта полна иронии. Именно в том монастыре, который приютил нас, евреев, во время оккупации, после войны прятались побежденные нацисты. Об этом я узнал намного позже. Организация бывших нацистов ODESSA воспользовалась ораторианским монастырем на Авентинском холме как перевалочным пунктом перед эмиграцией.

– Невероятно! – воскликнул кардинал Еллинек. – Я просто не могу в это поверить!

– Я знаю, звучит невероятно, господин кардинально это правда. Творилось это с высочайшего разрешения, все было известно даже в Ватикане.

– Вы понимаете, что говорите? – Еллинек был крайне взволнован. – Вы это серьезно? Католическая церковь с ведома папы помогала нацистским преступникам бежать за границу?

– Не совсем так, Ваше Высокопреосвященство, не добровольно. И я наконец-то перехожу к теме нашей встречи. Ходили слухи, что у нацистов было что-то против Церкви, – что-то настолько разрушительное, что Церковь вынуждена была подчиниться требованиям членов ODESSA. Поговаривали, что это дело как раз и связано с Микеланджело.

Кардинал смотрел на свой бокал вина. Казалось, он не мог шевельнуться. За несколько минут оба собеседника не проронили ни слова. Затем Еллинек (четко произнося каждое слово) сказал:

– Если я вас правильно понял, это означает... Я просто представить себе этого не могу... Господь всемогущий, если только вы правы, это будет означать, что нацисты пользовались знаниями о Микеланджело. Господи, Микеланджело мертв уже четыре сотни лет! Как же можно было шантажировать чем-то связанным с ним?

– Вы абсолютно правы, такой вывод делаю и я, – согласился Адельман. – Вы должны понимать, Ваше Высокопреосвященство. Это было двадцать лет назад. Когда я узнал об этом, то тут же постарался все забыть. Эти слухи показались мне ужасными. Я подвел под прошлым черту. Я не хотел больше вспоминать о том проклятом времени. Но сейчас, когда я услышал о надписи Микеланджело, мне припомнился давний рассказ старого аббата ораторианского монастыря. Я решил, что эта история может вам помочь. Я делаю это не совсем бескорыстно. Я банкир и веду дела с банком Ватикана. Меня ничего не интересует, кроме предельно быстрого решения проблемы. Финансам необходима стабильность, смутные времена всегда плохо отражаются на делах, если вы понимаете, о чем я говорю.

– Понимаю, – бесстрастно ответил кардинал Еллинек – смутные времена плохо отражаются на делах...

После этого разговора Еллинек не был способен трезво мыслить. Собеседники простились, и кардинал сел в свой «фиат».

– Домой, – бросил он шоферу.

Смеркалось. На широкой равнине перед ними мерцал мириадами огней Вечный город. Еллинек смотрел в окно и думал о предупреждении Пио и призыве прекратить поиски, пока не поздно. Но в следующую

минуту его охватила ярость. Как он мог быть таким малодушным! Кардинал сжал кулак так, что заныли пальцы. Он должен был решить задачу. Он так хотел.

В это же время в Ватиканском архиве отец Августин сидел над необычной Книгой пророка Иеремии, в которой таилась «Книга знака» Абулафии. Он смотрел на надпись и качал головой. Надпись явно была моложе самой книги. Очевидно, она была помещена в архив уже после Второй мировой войны. Что же еще можно было найти в архиве? Августин еле разобрал перевод, выведенный мелкими латинскими буквами:

«Я, имярек, один из смиреннейших, исследовал сердце свое в поисках путей милости, дабы осуществить Духовный рост, и я установил три пути, ведущих к одухотворению: вульгарный, философский и каббалистический. Вульгарным путем, как я узнал, следуют мусульманские подвижники. Они используют всякого рода приемы, дабы исключить из своих душ все „естественные формы“, всякий образ знакомого, естественного мира. Затем, утверждают они, когда духовная форма, образ из духовного мира, проникает в их душу, он обособляется в их воображении и настолько усиливает их воображение, что они могут предсказывать то, что должно произойти с нами [...] впадая в транс...

Второй путь – путь любомудрия... Посвященный составляет представление о некоей точной науке и затем переходит по аналогии к какой-либо из естественных наук, и, наконец, от той – к теологии, пытаясь обрисовать центр. Он утверждает, что некоторые вещи открываются ему путем пророчества, хотя он не уяснил себе истинной причины этого, но полагает, что это происходит с ним лишь из-за расширения и углубления его человеческого разума... Но в действительности это буквы, которыми он овладел с помощью своей мысли и воображения, движением своим воздействуют на него и приковывают его внимание к трудным предметам, хотя он и не осознает этого.

Но если вы обратитесь ко мне с трудным вопросом: "Почему в наши времена мы читаем письмена,

переставляем их и пытаемся прийти к результатам с их помощью, не замечая, однако, того, чтобы что-либо из этого получилось?" – ответ содержится, как я докажу с Божьей помощью, в третьем способе одухотворения. И я, смиренный имярек, собираюсь поведать вам о том, что я испытал в этой области».

Августин жадно читал. Он пробежал страницу за страницей, проглатывая строчки мелких букв, которые трудно разобрать. Читал, он совершенно забыл, зачем взял в руки эту книгу.

«И Бог мне свидетель, – писал Абулафия, – если бы я ранее не укрепился в вере, посредством которой я узнал кое-что из Торы и Талмуда, побуждение выполнять многие религиозные заповеди оставило бы меня, несмотря на то, что огонь чистого умысла пылал в моем сердце. Но то, что этот учитель преподавал мне путем любознательности (о смысле заповедей), не удовлетворило меня, пока Господь не свел меня с неким Божиим человеком, каббалистом, который наставил меня в началах каббалы... Он обучал меня способу перестановки и комбинирования букв, мистике чисел. И он показал мне книги, состоявшие из (комбинаций) букв, имен и мистических чисел (гематриот), в которых никто никогда не смог бы разобраться, ибо они были составлены не в такой форме, чтобы их можно было уразуметь. Через некоторое время он раскаялся в том, что привлек меня, считал себя глупцом и пытался меня от этого отвлечь. Но, вооруженный множеством его тайн, я следовал за ним день и ночь, и однажды почувствовал: что-то странное стало происходить во мне. Как верный пес, спал я у его порога, пока тот не снизошел ко мне и не завел долгий разговор. Так я узнал, что необходимо выдержать три испытания, и только тогда он сможет передать мне свои знания. Испытания требовали соблюдения абсолютного молчания, что-то вроде пытки огнем, но умолчу об этом. Однако не стану скрывать то, что касается папы и Церкви. Я намереваюсь перевернуть все и возвестить, что евангелист Лука врет. Умышленно или нет – не ведаю. Но здесь я *expressis verbis*^[139] говорю, что...» Августин перевернул страницу, но текст отсутствовал. Библиотекарь сообразил, что следующая страница намеренно вырвана из книги. Августин листал страницу за страницей, надеясь отыскать недостающую, но пролистав всю книгу, понял, что кто-то вырвал эту тайну до него.

Отец провел рукой по лицу и глазам, будто желая избавиться от усталости. Затем он поднялся, прошелся по комнатке. Шаги эхом отдавались в пустом архиве.

Сунув по монашеской привычке руки в рукава сутаны, он обдумывал то, что прочитал, так ничего и не поняв. Он долго размышлял над той частью текста, где говорится, что евангелист Лука врет. Что Абулафия имел в виду?

Лука был одним из первых язычников-христиан. Проповедовал вместе с апостолом Павлом, описал позднее его деяния. Не он написал первое Евангелие – первым был, как известно, Марк, чья книга была составлена около 60 года после Рождества Христова. Она была первоосновой для трудов Луки и Матфея. Последнее Евангелие от Иоанна никак не связано с предыдущими тремя. Во всех Евангелиях, пусть и по-разному, рассказывается одна и та же история о жизни и смерти Иисуса и о воскресении его. Почему же Абулафия сказал, что именно Лука был лжецом? Дальше этого отец Августин не продвинулся.

Святой отец знал лишь одну возможность приблизиться к разгадке – достать еще одну «Книгу знака», в которой было бы продолжение текста. Но где ее можно достать? Книги печатались в то время очень малыми тиражами, зачастую оставался цел лишь один экземпляр. Да и невозможно было найти в библиотеке духовенства каббалистическую книгу вроде этой.

На следующее утро Еллинек и отец Августин назначили встречу. У кардинала не было ничего нового он тоже был расстроен отсутствием страницы в книге. Оба не могли понять, как связаны все эти события.

– Иногда мне кажется, – сказал наконец Еллинек, – что мы близки к разгадке тайны Микеланджело. Но уже в следующее мгновение сомневаюсь, найдем ли мы вообще когда-нибудь ключ к этому проклятию.

В праздник Святого Иосифа

Ранним утром брат Бенно очутился под колоннадами Ватикана, он шел в приемную для паломников: хотел поговорить с папой. Священник записал его на среду, в часы для аудиенции. Но во время общей аудиенции невозможно переговорить с Его Святейшеством лично, даже для монахов и духовенства не делается исключение.

– Но я *должен* переговорить с Его Святейшеством! – вскричал брат Бенно. – По делу чрезвычайной важности.

– В таком случае изложите ваш вопрос письменно!

– Письменно? Это же невозможно, – ответил брат Бенно. – Это должно стать известно только папе.

Священник с ног до головы окинул взглядом монаха, но прежде, чем он раскрыл рот, брат Бенно добавил:

– Речь идет о росписи в Сикстинской капелле.

– Этим занимается профессор Паванетто, генеральный директор музеев Ватикана, или кардинал Еллинек, руководитель исследований.

– Послушайте, – умолял брат Бенно, – мне нужно поговорить с Его Святейшеством, с понтификом, это очень важно. Много лет назад я разговаривал с папой Джанпаоло, и это не было трудно организовать. Нужно было лишь позвонить по телефону, неужели теперь это так сложно сделать?

– Я сообщу о вас в секретариат Конгрегации доктрины веры. Может быть, кардинал Еллинек примет вас. Вы ему расскажете о своем желании.

– Желания? – Брат Бенно горько засмеялся.

Секретарь кардинала назначил встречу на следующей неделе. Раньше кардинал Еллинек не мог бы с ним встретиться.

Бенно убеждал, что его информация чрезвычайно важна.

– Знаете, – возразил секретарь, – сейчас толпы историков просят об аудиенции, и все настаивают на том, что именно у них – важнейшие сведения по разгадке тайны. Но в результате – ничего нового. Многие стремятся к славе: хотят, чтобы о них заговорили. Не принимайте близко к сердцу мои слова, брат Бенно. А что касается встречи – возможно, на следующей неделе.

Брат Бенно вежливо попрощался и ушел той же дорогой, что и пришел.

В понедельник после пятого воскресенья Великого поста

В понедельник после пятого воскресенья Великого поста консилиум собрался на очередное заседание. На большом столе овальной формы лежала «Книга знака» в обложке Книги пророка Иеремии.

После открытия заседания и призвания Святого Духа кардиналы и епископы, высокоуважаемые монсеньоры и монахи буквально набросились на кардинала Еллинека с вопросами о том, как была найдена «Книга знака». Кардинал сообщил, что в секретном архиве ему бросилась в глаза книга, которая не должна была там находиться, – Книга пророка Иеремии. Когда он ее рассмотрел, выяснилось, что под обложкой – книга каббалиста Абулафии. Кардинал Джузеппе Беллини спросил:

– Того Абулафии, имя которого на Сикстинских фресках?

– Именно того Абулафии, которого чуть было не сжег папа Николай III.

– Разве книга не была утеряна?

Присутствующие загалдели хором, Пьер Луиджи Зальба от сервитов Пресвятой Девы Марии несколько раз перекрестился. Еллинек не был готов к возникшему переполоху.

– Как бы это объяснить... – начал он издалека. – Мне кажется, важнейшая часть этой книги пропала, из нее вырвана страница.

Кардинал Беллини пришел в бешенство. Ему все это казалось заранее продуманным фарсом. Некоторым членам консилиума давно известно значение надписи. Если тайна ужасна и подрывает основы веры, она должна быть скрыта, но не от членов данного консилиума.

Еллинек резко возразил:

– Брат во Христе, неужели вы думаете, что это я вырвал страницу? Я с возмущением отвергаю это облыжное обвинение. Как префект данного консилиума я ни в чем так не заинтересован, как в решении проблемы. Какую же цель я преследую, по-вашему?

Кардинал-государственный секретарь Джулиано Касконе успокоил Беллини. По его мнению, вряд ли исчезнувшая страница из «Книги знака» имела какое-либо значение. Она не послужила бы разгадкой тайны.

– Разве отец Августин не говорил нам, что у Абулафии была отобрана некая рукопись, господин кардинал? Разве не логичнее предположить, что рукопись эта была уничтожена?

А кардинал Франтишек Коллецки, просекретарь Конгрегации католического образования, заметил:

– Книги иудейских мистиков находили не раз. Для отца Августина было бы нетрудно достать еще один экземпляр в какой-нибудь библиотеке.

– Все попытки были безуспешны, – ответил Августин. – О «Книге знака» нет упоминания ни в одном архиве.

– Потому что это иудейская книга! Нужно попытаться отыскать ее в еврейской библиотеке.

Не обращая внимания на дискуссию, кардинал Йозеф Еллинек встал, вынул из кармана сутаны письмо, поднял его вверх и заговорил:

– На месте вырванной страницы в «Книге знака» я нашел это письмо. Автора знают все присутствующие. Это отец Пио Сегони, да смилуется над его бедной душой Господь.

В зале воцарилась тишина. Все взирали на листок бумаги в руке кардинала. Выдерживая паузы между словами, тот стал читать предупреждение бенедиктинца, который советовал прекратить поиски, пока не поздно.

– Пио все знал, он все знал! – тихо произнес Беллини. – Господи!

Еллинек пустил письмо в зал, каждый прочел его еще раз про себя.

– Вы можете объяснить нам, о чем говорится в «Книге знака»? – поинтересовался кардинал-государственный секретарь. – Хотя бы до того момента, где вырвана страница?

Еллинек пояснил:

– Речь идет о каббалистическом учении, которое не имеет значения ни для Святой Церкви, ни для данного случая. Однако в конце книги Абулафия говорит о своем учителе, от которого получил знания, преодолев три испытания. Эти знания касаются Церкви и понтифика. Завершается страница словами о том, что евангелист Лука лжет.

– Лука лжет? – Кардинал Коллецки ударил кулаком по стопу.

– Так у Абулафии.

– Есть ли там что-нибудь более конкретное? Какие-то подсказки?

– На следующей странице. Вырванной.

Повисло продолжительное молчание. Наконец слово взял государственный секретарь Джулиано Касконе:

– Кто с уверенностью может сказать о том, что на следующей странице мы найдем объяснение, брат во Христе? А даже если и так, почему вы считаете, что Микеланджело имел в виду именно это место из трудов Абулафии? Очевидно, флорентиец сыграл злую шутку, и теперь мы идем по ложному следу.

– Тем не менее, – сказал отец Августин, – эта злая шутка, как вы выразились, Ваше Высокопреосвященство, в жизни отца Пио сыграла достаточно важную роль. Ему пришлось расстаться с жизнью.

Кардиналы, епископы и монсеньоры договорились встретиться через неопределенное время, когда будет найдена копия «Книги знака».

Поздно вечером Касконе встретился с Канизиусом.

– Ведь я знал, – сказал Касконе, – а ты еще сомневался, что эта глупая надпись опасна. Любое исследование губительно для курии. Вспомни о Джанпаоло!

Канизиус скривился, будто даже звучание этого имени причиняло ему боль.

– Если бы Джанпаоло, – продолжил кардинал-государственный секретарь, – не стал рыться в документах, жил бы и по сей день. А если бы реформа была проведена, о последствиях страшно даже думать. Джанпаоло вверх бы Церковь в кризис веры. Нет, невозможно представить!

Канизиус согласно кивнул. Он сомкнул руки за спиной и прохаживался перед Касконе, облюбовавшим место в обтянутом пурпуром кресле в стиле барокко.

– Уже сама тема собора была бы унижительна для курии, – сказал он. – Собор на тему фундаментальной веры! Невероятно! Это счастье, что он не успел официально заявить о своих планах.

– Да, невероятная удача! – согласился Касконе и, склонив голову, перекрестился.

Внезапно Канизиус замер:

– Консилиум по делу Сикстинской надписи должен быть прекращен как можно скорее. Ситуация во многом схожа с той, что сложилась во время правления Джанпаоло. Всюду все что-то вынюхивают. Еллинек мне не нравится, а Августин и того меньше.

– Если бы я мог предугадать, что повлечет за собой обнаружение этой надписи, я приказал бы ее уничтожить.

– Нельзя было восстанавливать в должности Августина!

Касконе повысил голос:

– Я отправил его в отставку, узнав, что он собирает материал о папах, правивших короткое время. И о Джанпаоло. Но Пио Сегони совершил суицид, и мне *пришлось* вернуть его. Если бы я этого не сделал, это вызвало бы подозрения. В сложившейся ситуации я вижу лишь один выход: ты должен распустить консилиум *ex officio*. Консилиум справился со своей задачей. Микеланджело досадил Церкви, написав на своде Сикстинской

капеллы имя еретика Абулафии. Этого объяснения будет достаточно. Не повредит ни Церкви, ни курии.

Благовещение

– Вы меня звали, аббат?

– Да, – ответил аббат Одило, впуская брата в свою секретную библиотеку и торопливо запирая дверь за спиной Августина. – Я хочу еще раз поговорить с тобой.

– По поводу того, что хранится в подвале?

– Именно. – Аббат Одило предложил Августину стул. – Теперь, когда тебе известно все, ты должен позаботиться о том, чтобы никто ничего не обнаружил. Меня все больше беспокоит расследование смерти отца Пио. Я опасаюсь, что может быть раскрыта и наша тайна. Ты, вероятно, уже заметил, что у нас в монастыре гость!

– Немец из бенедиктинского монастыря? Почему же вы приветили его?

– Наш христианский долг – принимать братьев, пока есть место в монастыре. Я же не знал, что он будет проводить столь странные исследования. Он заявил, что ищет папки с документами по Микеланджело. Святая Дева Мария, я сказал ему, что здесь, в ораторианском монастыре, нет материалов по Микеланджело, даже если раньше кое-что и было. Но у меня такое чувство, что брат Бенно не верит мне, так же как и я ему. Ты располагаешь достаточными сведениями, чтобы понять, действительно ли он ведет научное исследование или ищет здесь что-то другое?

Августин согласно кивнул.

На следующий день за ужином архивариус занял место подле гостя. Как они и договорились накануне аббат оставил их наедине.

Августин спросил, не может ли быть полезным гостю в его работе.

Брат Бенно поблагодарил за предложение и пояснил что, как он уже говорил аббату, ищет документы по Микеланджело, которые здесь некогда держал в руках. Неужели эти материалы были отправлены в Ватикан?

– Я об этом ничего не знаю, – Августин отрицательно покачал головой. – Скажите, брат, а что было в этих материалах? Чему посвящена ваша работа?

Брат Бенно вздохнул:

– Вы должны знать, брат во Христе, тогда я еще не носил рясу, был молодым ученым, занимающимся историей искусств. Из-за тяжелой болезни, которую в те годы не могли излечить, я вынужден был носить

очки с толстыми стеклами и избежал военной службы. Стипендия, выплачиваемая Германией, позволила мне учиться и работать здесь во время войны. Я изучал творчество Микеланджело, самого загадочного из всех гениев, а стало быть, и Сикстинские фрески. Поверьте, я проводил в капелле много часов, подолгу стоял, закинув голову, и у меня, как у Микеланджело при создании этих фресок, начались судороги. В то время в библиотеке ораторианского монастыря хранились письма Микеланджело – материалы огромной важности, которые проливали свет на загадки его творчества и мировоззрения.

– Перед смертью он сжег все свои письма и наброски. Это широко известно в исторических кругах, брат.

– Верно, но не совсем. Микеланджело сжег все, что не казалось ему важным, и передал своему ученику Асканио Кондиви железный ларец, в котором, как известно, было найдено лишь его завещание. – Брат Бенно улыбнулся и покачал головой. – Но это не соответствовало истине, брат Августин. Я собственными глазами видел письма из этого ларца, и они находились здесь, в монастыре. Во многих из них речь шла о вопросах веры. Я тщательно изучил эти документы и сделал потрясающее открытие, и подтверждение ему нашел в Сикстинских фресках. Господи, это было так захватывающе! В то время ходили слухи, что немцы хотят оккупировать Ватикан, конфисковать все документы и произведения искусства, а папу и курию выслать на север. Гитлер, похоже, не хотел, чтобы папа оказался в руках союзников и попал под их влияние. Папу планировалось отправить в Германию или Лихтенштейн. Нацисты уже начали собирать экспертов, которые должны были позаботиться о перевозке сокровищ, – экспертов, которые, кроме итальянского, знали греческий и латинский языки. В одном из списков было и мое имя. Папа Пий XII, узнавший об этом плане, заявил, что добровольно он Ватикан не покинет. Если нацисты намереваются вывезти его, им придется применить силу. Он не отдаст им произведения искусства. Гестапо уже наблюдало за Ватиканом, а один из отрядов СС жил в этом монастыре. Для того чтобы развлечь солдат, я читал им лекции. Могу сказать, что у меня были очень внимательные слушатели. Однажды вечером я рассказывал о Микеланджело: о моих открытиях, о его ненависти к понтификам и интересе к каббалистике. Со всем пылом молодого ученого я говорил о документах, которые обнаружил и которые могли быть опасны для Церкви, и обещал показать оригиналы на следующей встрече. Я заметил преувеличенный интерес слушателей к моему исследованию. На другое утро, еще до рассвета, меня растолкал человек в форме, который вручил мне повестку в армию. Я должен был вернуться на родину. В

волнении я паковал вещи, хотел в последний раз зайти в библиотеку, но она была заперта. Оберштурмбанфюрер СС запретил мне туда входить: мне там больше нечего делать, сказал он. Так что мне даже не удалось вернуть на место одно из писем Микеланджело, которое я взял для того, чтобы скопировать.

Отец Августин покачал головой.

– А когда вы решили постричься в монахи?

– Меньше чем через полгода. Меня завалило после взрыва бомбы, и я заглянул смерти в глаза, когда через три дня начал задыхаться под обломками. Тогда-то я и дал слово постричься в монахи, если останусь в живых. Несколько часов спустя меня отрыли и вывезли.

– Чего же вы хотите теперь?

– Мне необходимо поговорить с понтификом, а вы должны помочь мне в этом!

– Но, брат во Христе, папа вовсе не занимается этим вопросом. Он откажется принять вас, если вы намереваетесь говорить на эту тему. Побеседуйте с кардиналом Еллинеком.

– Еллинек? У Еллинека мне тоже велели подождать.

– Кардинал Еллинек возглавляет консилиум, который занимается толкованием Сикстинской надписи. Я доверяю ему, а он верит мне. Мне будет нетрудно организовать вашу встречу. И я сделаю это для вас.

В понедельник на Страстной неделе

Еллинек принял брата Бенно в здании священного собрания. Кардинал был одет в отделанную пурпуром скромную темную сутану. Лицо его было серьезно, на лбу выделялись две глубокие морщины. Под красной шапочкой седые волосы были расчесаны на пробор, как у образцового служащего. Разделенный надвое подбородок, узкие губы крепко сжаты. Лицо не выражало ни единой мысли. Весь облик кардинала, сидевшего за массивным письменным столом» призван был пробудить в госте глубокое уважение.

Еллинек протянул гостю руку:

– Отец Августин доложил мне о вас. Вы должны понять нежелание курии афишировать подобные вещи. С одной стороны, дело действительно очень щепетильное, с другой стороны, почти все уверены в том, что могут помочь в решении проблемы. Мы выслушиваем всех, но пока никто не рассказал ничего существенного. Поэтому курия столь сдержанна. Вы, конечно, все это понимаете.

Брат Бенно кивнул. Он сидел перед кардиналом выпрямившись:

– Уже долгие годы я нес в своем сердце груз, который может меня раздавить. Я хотел скрыть свое знание в отдаленном монастыре. Верил, что у меня хватит сил, чтобы никогда и ничем не выдать этого знания ни одному христианину: открытый секрет повлечет за собой все больше и больше несчастий. Но затем я услышал о находке, сделанной в Сикстинской капелле, и о расследовании, которое было начато. Я решил, что смогу помочь избежать беды, если поясню благочестивому человеку смысл угрозы Микеланджело. Я хотел поговорить именно с папой не из-за гордыни, а из-за осознания важности моей информации.

– Понтифик, – перебил его Еллинек, – не занимается этим делом. Поэтому вам придется говорить со мной. Я провожу консилиум *ex officio*. Он созван именно по этому поводу. Скажите, брат, вы действительно уверены, что знаете, почему использовано имя Абулафии, начертанное флорентийцем Микеланджело на своде капеллы?

Брат Бенно помедлил с ответом. В его голове пронеслись сотни мыслей, вся его жизнь, затем он ответил:

– Да.

Еллинек вскочил из-за стола, приблизился к брату и, склонившись над ним, прошептал тихим угрожающим голосом:

- Повторите, что вы сейчас сказали, брат во Христе.
- Да, – ответил брат Бенно, – я знаю причины, и в надписи есть резон.
- Рассказывайте же, брат, рассказывайте!

Тогда брат Бенно в своей прежней манере повел рассказ о жизни, о детстве, о проблемах со зрением, которые начались с ранних лет и из-за которых ему пришлось носить очки. Так он стал иным, непохожим на остальных. Единственным доступным ему удовольствием была учеба. Да, после смерти отца он стал маменькиным сыночком. Как и хотела мать, он увлекся искусством. Так он попал в Рим, начал исследовать творчество Микеланджело и вскоре обнаружил великолепную библиотеку в ораторианском монастыре на Авентинском холме. В ней хранились письма, оставленные флорентийцем. Среди них он обнаружил письмо Микеланджело, адресованное Кондиви, в котором художник говорит об Абулафии и «Книге знака». Сначала он не придавал значения его словам, однако они все же разбудили его любопытство. Он начал поиски «Книги знака» и обнаружил один ее экземпляр в библиотеке ораторианцев. Знакома ли эта книга кардиналу?

– Конечно, – ответил Еллинек, – вот только... Я никак не могу связать «Книгу знака» и роспись в Сикстинской капелле.

- Вы читали «Книгу знака»?
- Да, – нерешительно ответил кардинал.
- Полностью?
- Всю, кроме последней страницы, брат.
- Но дело именно в ней! Почему вы пропустили эту страницу?
- Ее нет в нашем экземпляре. Кто-то вырвал ее!

Брат Бенно взглянул на кардинала:

– Ваше Высокопреосвященство, на этой странице, как я считаю, находится ключ к тайне или, по крайней мере, важное указание на него. Там – горькая правда о Церкви.

Ну так расскажите, что же там написано?

Абулафия пишет, что от своего учителя он узнал потрясающую правду о Церкви и вере, о чем написал в своей «Книге молчания». «Книгу молчания» Абулафия собирался передать папе Николаю III, но глава инквизиции тайно сообщил папе о содержании этого документа еще до их встречи. Папа Николай III счел содержание настолько опасным, что готов был сделать все, чтобы завладеть документом. Но прежде, чем ему удалось схватить Абулафию у городских ворот и изъять рукопись, папа умер. Тем не менее Абулафию все же задержали, отправили к ораторианцам на Авентинский холм. Там рукопись и хранится по сей день. Абулафию

держали в заточении, заставив молчать о содержании книги. В «Книге знака» каббалист пишет о том, что в курии полно людей, для которых личная власть – превыше всего. В рукописи содержалась ужасная правда о Церкви, которая могла бы потрясти все ее устои и изменить картину мира. Да, была бы проведена необходимая реформа Церкви, поэтому курия заставила молчать каббалиста. Церковь отказалась выслушать его доказательства и навсегда избавилась от неприятной истины. Но все это было сделано не из чувства долга по отношению к верующим, а из жажды власти. Абулафия пишет, что Церковь – колосс на глиняных ногах. А доказательства этому можно найти в «Книге молчания».

– Вы отыскали «Книгу молчания»?

– Да, я обнаружил ее вместе с документами по Микеланджело. Никто не придал ей особого значения.

– Брат во Христе, что за странные намеки! – возмутился кардинал. – Может, вы, наконец, скажете мне, о чем написано в «Книге молчания»?

– Господин кардинал. «Книга молчания» – это иудейский документ. Вы знаете, как тяжело расшифровывать подобные рукописи. Я дошел лишь до половины, но то, что я успел прочесть, было таким ужасным, что я навсегда лишился душевного покоя. Абулафия сообщает, о чем поведал ему учитель. Святая Церковь исходит из неверных предпосылок, как и евангелист Лука. Абулафия писал: «Лука врет...»

– Лука врет! – прервал его кардинал. – Об этом мы уже говорили. Но почему Лука? Что такого есть в Евангелии от Луки?

Брат Бенно осторожно, словно боясь говорить с кардиналом, служителем церкви, о евангельском писании, произнес:

– Я долгие годы занимался этим вопросом. Вы знаете, Ваше Высокопреосвященство, что ранние Евангелия одинаково описывают деяния Иисуса Христа. Все опираются на Евангелие от Марка, который повествует о земной жизни Спасителя. Но его книга обрывается на эпизоде об открытом Гробе Господнем. Последующий текст, говорящий о воскресении и вознесении Христа, – это приложение, дописанное позже, когда остальные Евангелия уже были готовы.

– То есть вы имеете в виду, что Лука...

– Да, Лука первым написал о явлении воскресшего Христа. Разве вы не помните: он был учеником Павла. Тот в Первом послании к Коринфянам как бы по словам кого-то сообщает о воскресении Христа. Данный текст был написан еще до Марка, до Евангелия.

– Я припоминаю это место. – Еллинек улыбнулся при этом, но морщины на его лбу стали лишь четче. – «Ибо я первоначально преподавал

вам, что и сам принял, то есть что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию».^[140] Эти слова всегда так много для меня значили.

– Это то же послание, – продолжил брат Бенно, у в котором далее он пишет: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли... Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».^[141] Я часто спрашивал себя: может, исследователям, которые занимаются фресками Микеланджело, стоило обратиться не к Ветхому, а к Новому Завету?

– Вы имеете в виду сопоставление Адама в Ветхом Завете и Иисуса в Новом?

– Я был историком искусств, им и остаюсь – не так легко забыть выученное за десятки лет. Я занимался фресками Сикстинской капеллы. Долго не понимал, почему флорентиец поместил в начало росписи опьянение Ноя и потоп, затем – апокалипсический грех, за пять дней разрушил созданный мир и окончил ужасным Страшным судом, во время которого разгневанный Господь низвергает людей в воды Стикса. В данной ситуации как не согласиться с Ноем, произнесшим: «Какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»^[142]

– Это и есть загадка Сикстинской капеллы? В том, что Микеланджело, творец фресок, отрицает воскресение Христа и воскресение тела? – Еллинек снова встал. У него началось головокружение. Не потому, что он понимал: предложенный вариант толкования целиком соответствует общей картине, разъясняя многое из того что до сих пор оставалось туманным. Становилось очевидным, почему флорентиец так боится смерти. Ведь если не воскрес Иисус, первый из умерших, то и у людей почивших после него, не было никакой надежды. Таким образом, не только основы Церкви были поколеблены, но все ее здание медленно погружалось в зыбучий песок.

– Ересь! – Кардинал Йозеф Еллинек, префект Конгрегации доктрины веры, стукнул кулаком по столу: – Церковь пережила уже множество лжеучений, манихейство например. Сейчас об этом никто и не помнит!

– Авраам Абулафия, – возразил брат Бенно тихим голосом, – не просто говорит о том, что он *верит* или *не верит*, будто Иисус воскрес на третий день. В «Книге молчания» есть тому доказательство.

– В чем же оно заключается?

– Я не дочитал до этого места в книге, – признался брат Бенно. – Я был отослан, когда находился на середине моих исследований. Солдаты СС, которым я еще накануне читал лекции, отказали мне в посещении

библиотеки.

– Я никогда раньше не слышал о «Книге молчания», – ответил Еллинек.

– Но Микеланджело наверняка были известны и «Книга знака», и «Книга молчания». Знал он и о необычной биографии Авраама Абулафии. В этом письме, – брат Бенно достал из кармана лист бумаги, – Микеланджело говорит об Абулафии, здесь же и ключ к разгадке фресок.

– Выкладывайте скорее, брат! Что это за письмо...

– Во время работы я взял прочитать его, но мне лось вернуть письмо на место, ведь я был отослан из монастыря. Все эти годы я берег его.

– Дайте же его мне!

– То что вы держите в руках, – лишь копия. Оригинал я передал папе Джанпаоло, терзаемый муками сети. как видите, я старый человек и не хотел взять с собой в могилу эту тайну. Джанпаоло любезно принял меня, и я поведал ему свою тайну. Папа был поражен. Я оставил у него письмо и вернулся домой. Миссия была выполнена.

– Но ведь об этом письме ничего не известно курии!

– Я не знаю, оказало ли какое-то влияние письмо Микеланджело. Но на Джанпаоло оно явно произвело впечатление, так как только он мог послать человека на Авентинский холм. Аббат Одило сообщил, что некто из Ватикана много лет назад спрашивал о документах Микеланджело. Аббат точно не припомнит, когда это было. На мои настойчивые расспросы он ответил, что это случилось уже после конклава, на котором был избран Джанпаоло, то есть примерно тогда же, когда я навестил Папу – Джанпаоло умер, и я не знаю, было ли расследование приостановлено или продолжено. Заметка в газете стала причиной, по которой я снова приехал сюда.

– Да, – произнес Еллинек, – это хорошо, что вы здесь. – Кардинал углубился в чтение письма.

«Дорогой Асканио! Ты задал мне вопрос, я хочу на него ответить. Знай, что с самого моего рождения и по сей день я никогда не стремился предпринять ничего, что было бы направлено против Святой Церкви в какой бы было степени. Переехав из Флоренции в Рим, я принялся за работу и смог сделать больше, чем выпадает на долю простого христианина, исполняя капризы скупающих понтификов. Скульпторы выполняют свой долг, придавая точную форму камню, как это видится их внутреннему взору. В их обязанности ничего другого не

входит. Художникам сложнее: в их работе больше своеобразия, особенно здесь, в Италии, где гениальных художников больше, чем где бы то ни было в мире. Нидерландскую живопись считают более невинной, чем итальянскую, потому что от нее на глазах человека выступают слезы. Наша же оставляет зрителя бесстрастным. Нидерландцы воздействуют на зрение, изображая милые и приятные сердцу вещи. Такая особенность по существу не имеет ничего общего с искусством. Я презираю эту манеру живописи за то, что подчас на картине сосредоточивается множество всевозможных предметов, каждый из которых сам мог бы стать сюжетом произведения искусства. Я всегда так считал и не стыжусь этого. Я имею в виду фрески Сикстинской капеллы, которые создавал в древнегреческом стиле. Ведь наше искусство – это искусство Древней Греции. Ты возразишь, что искусство не принадлежит стране, оно послано с небес. Но мне не стыдно за Сикстинскую роспись, пусть даже кардиналы возмущены ею и проклинаят мой свободный дух, которому я дал волю, создавая фрески. Они ставят мне в вину то, что я не ввел в сюжет райского великолепия ангелов, святые же на моей росписи бесстыжи. В своем гневе кардиналы и понтифики дошли до того, что не увидели главного, того, что я изобразил на своде Сикстинской капеллы. Ты должен знать об этом, дорогой Асканио, но сохрани это в тайне, покуда я жив, иначе, если они узнают правду, то побьют меня камнями. Никому из тех, кто возмущен наготой фигур на своде, не бросилась в глаза любовь к чтению пророков и сивилл, одетых строго. Они заняты своими книгами и свитками. Я уж думал, что унесу свою тайну в могилу. Тут ты, дорогой Асканио, заметил эти восемь букв и спросил, что они означают. И вот мой ответ: эти восемь букв – моя месть. Ты, как и я, посвящен в учение каббалы и знаешь о великом учителе Аврааме Абулафии. И для посвященных я нанес там, наверху, знаки, которые нельзя не заметить. Абулафия знал роковую для Церкви правду. Он был смелый, честный человек, как и

Савонарола. Обоих папы оболгали, оба преследовались как еретики. Церковь не такая, какой ей быть должно. Любая опасная для нее истина утаивается. Случилось это и с Абулафией. Так было и с Савонаролой. Савонаролу предали огню, у Абулафии отняли его рукописи. Об этом я узнал от моих друзей. Все, что доказал Абулафия, замалчивалось. Папы ведут себя как правители мира, и Церковь – такая же, как во времена Абулафии. Ты знаешь, как они со мной обращались. Но там, наверну, моя месть, моя, Микеланджело Буонарроти. Будут другие папы, и, если они поднимут глаза на своды Сикстинской капеллы, на благочестивого пророка Иеремию, праведника из праведников, то увидят его подавленность и молчаливое отчаяние. Потому что Иеремиа знает правду. Они найдут знак, который я, Микеланджело, сделал видимым для всех и в то же время незаметным. Свиток у ног Иеремии гласит: „Лука врет“. Однажды человечество узнает, что я хотел этим сказать.

Микеланджело Буонарроти, Рим».

Еллинек молчал, брат Бенно взглянул на него, воцарилась долгая пауза.

– Какая дьявольская месть, – произнес кардинал Еллинек. – Настоящая дьявольская месть флорентийца. Но о чем говорит Абулафия? Каковы доказательства? Древний заговор Церкви против человечества?

– Мысль об этом мучает меня и по сей день.

– Ересь, все ересь! Где папки с документами Микеланджело, над которыми вы работали в то время, и где «Книга молчания»?

– Не считая этого письма, я все оставил в библиотеке ораторианского монастыря. Я искал их, но ни одного документа не обнаружил. А библиотекарь не помнит, что когда-то в ней хранились папки с документами Микеланджело. Аббат Одило подтвердил, что и посланник из Ватикана много лет назад ничего не обнаружил и ушел ни с чем.

– Странно. Документы пропали? Где же они теперь? – Кардинал задумался. Разве не он нашел в архиве документы по Микеланджело? Разве не он тогда удивился, что они хранятся в *Riserva*? Может быть, речь шла о том самом наследии Микеланджело, над которым работал брат Бенно? Но

Еллинек сомневался. Ведь он сам никогда не видел оригинала письма Микеланджело, копию которого держал сейчас в руках, да и «Книги молчания» тоже.

Еллинек попросил брата Бенно припомнить, какие же документы и письма находились в ораторианской библиотеке.

Брат Бенно сказал, что это было давно, но, если память ему не изменяет, дюжина писем к Микеланджело и от него самого, что показалось ему достаточно странным. Кто же хранит собственные письма? Кроме данного письма были и другие, адресованные Кондиви, письма папе, письма отцу во Флоренцию и, разумеется, письма Виттории Колонне, платонической возлюбленной мастера.

В тот вечер кардинал Еллинек прибыл в палаццо Киджи. Он выглядел совершенно разбитым. Даже Джованна, с которой он встретился на верхнем пролете, не вызвала у него обычного интереса.

– *Buona sera, Signora*, ^[143] – бесстрастно поздоровался с ней Еллинек и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, кардинал направился в библиотеку и вновь прочитал письмо Микеланджело. Содержание страшило его.

Иисус, Господь, не воскрес. Он не понимал этого и отказывался в это верить. Но была еще странная надпись Микеланджело на своде Сикстинской капеллы. Копия письма Микеланджело, оригинал которого был передан папе Джанпаоло, но исчез. Была «Книга знака» Абулафии в чужом переплете. Важнейшая страница отсутствовала. И были письма – наследие Микеланджело, которые по непонятным причинам хранились в секретном архиве. А также – «Книга молчания», всего содержания которой не знал никто. Найти ее невозможно было даже в секретном архиве.

Кардинал не мог сопоставить все это. Его разум не в состоянии был что-либо анализировать. Нужно ли сообщать консилиуму кардиналов, епископов и монсеньоров обо всем, что узнал? Этого нельзя было делать. Слишком опасна сложившаяся ситуация. Кардинал Еллинек решил вначале посвятить в происходящее отца Августина и обсудить все с ним.

Во вторник на Страстной неделе

Кардинал Еллинек встретил отца Августина в одном из отдаленных уголков Ватиканской библиотеки, там, где запах преющей бумаги был самым сильным и где он с трудом дышал от пыли. Кардинал рассказал ему о своем разговоре с братом Бенно и сообщил, что обнаружил *Buste* с документами по Микеланджело, о которых говорил брат Бенно, в секретном архиве. Не было только одного письма Микеланджело и загадочной «Книги молчания». Больше Еллинек ничего не знал.

Отец Августин был поражен, в первую очередь тем, что на последней странице «Книги знака» говорилось, что Евангелие – это ложь.

– Вы когда-нибудь слышали об этой «Книге молчания»? – задал вопрос кардинал, и Августин ответил:

– Я не припомню, Ваше Высокопреосвященство, но погодите! – Он исчез среди полок, пролистнул книги и каталоги, вернулся с новостью, что в Ватиканском архиве нет рукописи с подобным названием.

Еллинек достал листок и передал его архивариусу: – Это шифр писем Микеланджело. Вы можете определить, когда они попали в архив? Августин сощурился:

– В любом случае, после Второй мировой войны.

– Значит, я понимаю, что тогда произошло!

– Расскажите, Ваше Высокопреосвященство!

– Вы уже слышали об ODESSA?

Августин поднял на него глаза:

– Об организации бывших нацистов?

– Именно ее я и имею в виду. Недавно я говорил с Антонио Адельманом, президентом Banca Unione. Он рассказал мне о связи надписи Микеланджело с одним позорным эпизодом из истории Церкви.

– Вы об этом знаете?

– Я знаю, что у ораторианцев на Авентинском холме после окончания войны прятались нацисты и что их снабжали фальшивыми документами. Это делалось с согласия Ватикана.

Августин смотрел на Еллинека. Он не знал, молчать *всц* или говорить.

– Но как это относится к Адельману и к Микеланджело? – произнес он наконец.

– Адельман – еврей. Нацисты хотели уничтожить его вместе с остальными евреями. Он выжил, найдя убежище в Риме. Нацисты обещали

не трогать римских евреев, если те дадут тонну золота. Адельман этому не поверил и не вышел из убежища, что спасло ему жизнь. После войны он узнал, что нацисты чем-то шантажировали Церковь, вследствие чего им было позволено укрыться в монастыре на Авентинском холме. Имя Микеланджело напрямую связано с этой историей.

– Не нужно рассказывать дальше, Ваше Высокопреосвященство, я знаю эту историю.

– Вы знаете...

– Аббат Одило поведал мне ее и велел держать в секрете. Он даже показал мне золото!

– Золото все еще там?

– По крайней мере, какая-то его часть. Я не знаю сколько.

Кардинал кивнул и поднял указательный палец:

– Теперь-то я осознаю, что тогда случилось. Когда брат Бенно прочитал свою лекцию, нацисты насторожились. Бенно рассказал, что среди документов Микеланджело обнаружил секретную «Книгу молчания», которая может стать очень опасной для Церкви. Нацисты уже понимали, что их время истекает. А тут в их руки попали документы, с помощью которых можно было оказать давление на Церковь. Это пришлось очень кстати. Отослав молодого немца из монастыря, они присвоили документы, над которыми он работал. Они надеялись, что Бенно погибнет на войне, и вместе с ним его знания.

– Но брат Бенно выжил.

– Он выжил, но не решился обнародовать свое открытие, а нацисты воспользовались «Книгой молчания» для шантажа Церкви. Монастырский план бегства был гениальным, у ораторианцев на Авентинском холме нацисты нашли безопасное укрытие и прекрасный перевалочный пункт, используя который они бежали за границу. Церкви пришлось пойти на сотрудничество с ними, чтобы о «Книге молчания» не стало известно всем.

Еллинек задумался. Если все так и было, то Ватикан после этого должен был вернуть себе компрометирующие документы, включая и «Книгу молчания», зачем иначе было хранить письма Микеланджело в *Riservcīī tio* где же сама «Книга молчания», содержание которой по-прежнему неизвестно?

– Чего я до сих пор не понимаю, – сказал Еллинек, – так это роли отца Пио. Сегони обнаружил «Книгу знака» и должен был узнать что-то или хотя бы заподозрить. Очевидно, Пио вырвал последнюю страницу и вместо нее вложил свое письмо с предупреждением. Он знал, что существует рукопись, компрометирующая Церковь. Иначе его действия были

бессмысленны. Но откуда об этом мог узнать отец Пио? И почему он повесился? Знание не лишает человека жизни.

Отец Августин качал головой. Он знал причину, по крайней мере, считал, что знает, ему об этом рассказал аббат. Но вот стоит ли помалкивать либо все же рассказать кардиналу о том, что ему известно? Рано или поздно тот все узнает. Еллинек ведь явно не был человеком, который останавливается на полпути.

И Августин рассказал кардиналу об эмиграционной службе Ватикана, которая занималась отправкой нацистов под видом монахов в Южную Америку. И о монсеньоре Тондини, который руководил этим, и о его помощнике Пио Сегони, который не смущаясь взял деньги и драгоценности, полученные нацистами от римских евреев.

Став главным в архиве из страха, что его предшественник узнает о том, что по желанию неких сил должно быть сокрыто, Пио Сегони был настигнут собственным прошлым. Время лечит раны, но подчас одного воспоминания достаточно для того, чтобы вновь разбередить их. Отец Пио знал что-то «взрывоопасное», что было скрыто в наследии Микеланджело и касалось его прошлой жизни. Он знал о том позоре, который выпал на долю Церкви и о котором теперь могут узнать все если тайна будет раскрыта.

Знал ли отец Пио о «Книге молчания»? Нашел ли он ее? Или, возможно, уничтожил?

В среду на Страстной неделе

Утром члены консилиума собрались на внеочередное заседание. Кардинал-государственный секретарь Касконе экстренно созвал их в этот день. Касконе сразу же спросил, есть ли новые факты по делу. Все ответили отрицательно. Дошло дело до Еллинека, который сообщил, что для разгадки нужна была недостающая страница «Книги знака». Только узнав, что было написано на этой странице, можно будет продолжить работу. Зачем же Касконе собрал консилиум именно сейчас, на Страстной неделе?

Касконе заметил, что Пасха – это праздник мира в Церкви. Он спрашивал себя, не пора ли и этому болезненному вопросу дать покой, если в течение последних недель в его расследовании не было сделано ни шагу. Решение найдено: Микеланджело запечатлел на своде Сикстинской капеллы имя каббалиста; стоит сообщить о его приверженности каббале. Это ведь и так давно известно. Может, у Еллинека есть новые сведения?

Еллинек ответил отрицательно. Не удалось найти ничего такого, что раньше не было бы известно. Он все перевернул вверх дном в архиве и в *Riserva*, но не отыскал рукописи, которая была изъята у Абулафии инквизицией. Нет и других материалов по Абулафии. Поиски в еврейских библиотеках также пока не принесли результатов.

У Еллинека нет второго экземпляра «Книги знака», он утратил надежду обнаружить в стенах Ватикана хоть что-нибудь, что могло бы пролить свет на тайну. Либо документы были утеряны ранее, либо отец Пио уничтожил их перед своей смертью. Последнее нельзя сбрасывать со счетов, особенно если вспомнить о содержании его письма. Однако новость была: один монах, откликнувшись на газетную заметку о загадке Сикстинской капеллы, принес ему письмо Микеланджело, в котором говорится о мести, воплощенной в росписи капеллы. В письме также есть упоминание о рукописи, изъятой инквизицией. Больше новостей не было. Касконе неуверенно произнес:

– Господин кардинал, это не продвинуло дело ни на йоту! Да и не могло бы продвинуть, ведь мы уже нашли объяснение. Разгневавшись на то, что его заставляли заниматься нелюбимым делом, и на постоянные унижения, которые он терпел от папы, Микеланджело решил дать волю своей ярости. Зачем же нам другие толкования? Тайна разгадана. Нам незачем заниматься человеком, о котором даже документов не сохранилось, которого сочла незначительным сама Церковь. Поиски сведений об

Абулафии могут принести только вред. Нам и так многое известно. Микеланджело был каббалистом. Вас для этого сюда и созвали. Мы только зря теряем время. У каждого из присутствующих есть дела и поважнее.

– Но, господин государственный секретарь! – воскликнул Паренти. – Мне мало этого объяснения! Его недостаточно и науке! Касконе резко оборвал Паренти:

– Речь идет о Церкви, а не о науке! Нам этого толкования достаточно! Поэтому я принял решение и прошу господ присоединиться к нему. Мы должны распустить консилиум и считать дело *specialissimo modo*.

– Я никогда не соглашусь на это! – вновь крикнул Паренти.

– И для вас мы найдем объяснение, профессор. Церковь ничего не прощает, у нее длинные руки! Не забывайте этого!

Еллинек также был против такого решения: несмотря на то, что в данный момент он не продвинулся в поисках, у него был верный след.

Канизиус сказал, что кардинал-государственный секретарь прав, и многие согласно закивали. Он тоже полагает, что необходимо распустить консилиум. Все дальнейшие поиски принесут только вред.

На этом и закончилось заседание консилиума, да и сам консилиум. Большинство проголосовало за прекращение работы. Еллинек был освобожден от своей работы *ex officio*. Было решено и в будущем считать все, о чем говорилось на консилиуме, *specialissimo modo*. Паренти обязали в ближайшее время подготовить официальное сообщение. Нужно решить, как поступить с надписью.

Еллинек оставил собрание вместе с Беллини.

– Не нужно так расстраиваться, господин кардинал.

– Я разочарован! Касконе всегда был врагом моих исследований, с самого начала он подгонял, и невозможно было сделать обоснованные выводы. Но я думал, что хоть вы-то на моей стороне! Я рассчитывал на вашу помощь, но ошибся в вас и в Штиклере!

– Должен согласиться с Касконе, действительно, есть и более важные дела. Зачем копаться в документах четырехвековой давности, когда и в настоящем хватает недомолвок? У нас множество обязательств, которые еще не утратили актуальности!

– Возможно, вы правы. Я и сам некоторое время не верил в успех. Столько следов успело затеряться и уйти в небытие с начала работы. Но я не брошу дело, не доведя его до конца. Так просто я не сдамся, иначе я бы не занимал свой пост. И я не сдамся за полшага до разгадки.

– Частенько нам приходится сдаваться, брат во Христе, – бросил Беллини. – Жизнь вынуждает нас идти на уступки. Полагаете, мне всегда

легко делать свою работу? Иногда даже приходится пересиливать себя. Помните нашу недавнюю беседу в обществе Штиклера?

– Поэтому я и рассчитывал на вашу помощь в борьбе против вражеского лагеря.

– Как я уже сказал, иногда нужно идти на уступки, чтобы выжить. Хотел спросить: к вам больше незваные гости не захаживали?

Еллинек покачал головой:

– Я до сих пор не знаю, что и думать о том предупреждении. Почему именно мне подбросили этот пакет?

– Я размышлял об этом. У меня есть подозрение, что вы, господин кардинал, невольно помешали секретной организации, слишком далеко зайдя в поисках ключа к разгадке надписи Микеланджело. Скорее всего, кто-то очень боится этого расследования.

– Поэтому мне и прислали пакет с тапочками и очками понтифика!

– Именно. Непосвященному пакет ни о чем не говорит. Но тому, кто в своих исследованиях продвинулся так далеко, что уже узнал многое, пакет будет недвусмысленным предупреждением. Вы ходите по лезвию бритвы, вы в большой опасности!

Еллинек теребил пуговицы сутаны. Он не был человеком, которого легко напугать, но сейчас сердце его дрогнуло.

– Вы, – снова заговорил Беллини, – наверняка слышали о тайной ложе, которая называет себя «Пи-2». Эта организация до сих пор существует. Целью ее является распространение собственной власти и влияния за пределы Италии. Власть ее достигла даже Южной Америки, члены этой организации занимают самые высокие посты в правительствах стран, они – владельцы банков и промышленных предприятий. Уже давно ходят слухи о том, что в этой ложе есть даже священники, епископы и кардиналы. В некоторых епископах и кардиналах, – Беллини на секунду задумался, – я совершенно уверен. Кстати, все это связано и с мировыми финансами. Речь идет о колоссальных суммах. Финансовые операции, которыми руководит Ватикан, не всегда законны и поэтому в высшей степени секретны. Вы, конечно, знаете выражение: как только ты с чемоданом денегходишь в Ватикан, все мировые законы о валютных операциях теряют силу. Любая нежелательная информация, связанная с курией, означает нежелательность для финансовых операций, которые должны протекать беспрепятственно. Расследование и так привлекло к курии излишнее внимание.

– Но ведь Церковь считает причиной для отлучения членство в ортодоксальной ложе!

Беллини пожал плечами:

– Это, очевидно, никому не мешает. Увлечение всевозможными учениями стало очень популярно в Ватикане в последнее время. Ложа «Пи-2» располагает прекрасной разведывательной службой. Она собирает досье о людях занимающих важные посты, ищет их слабые стороны и использует их. Говорят, чтобы вступить в ложу, каждый должен сообщить о секрете, могущем кого-нибудь уличить. Вы недавно в Риме, господин кардинал. Быть может, за вами уже следят?

– Телефонная будка возле моего дома! – воскликнул Еллинек. – И Джованна, эта девка! Все было спланировано заранее!

– Я не понимаю тебя, брат.

– Вам и не нужно понимать, кардинал Беллини, не нужно понимать.

На том они и расстались. Теперь Еллинек осознал, кто звонил из телефонной будки. Теперь он понимал причину благосклонности к нему Джованны; но даже если она была вызвана подобными причинами, он мечтал, что Джованна продолжит выполнять свое задание. Он отправился домой, и голова его была полна греховных мыслей.

В Чистый четверг

Вечером Еллинек отправился в *Sala di merce*, чтобы узнать, не продвинулась ли вперед игра. В дверях он внезапно столкнулся с Касконе, который поздоровался с ним сухо и как-то бесстрастно. Кардиналу показалось, что тот слишком быстро вышел из комнаты.

Еллинек на восемнадцатом ходу передвинул своего коня с e4 на c5, а противник ответил ладьей с e6 на g6. Теперь конь и ферзь белых блокировали почти все черные фигуры. Еллинек поразился удачности хода противника. Тот явно заманивал его в ловушку, стремясь поставить мат. Позволить разбить себя? Кажется, ему не везет. Консилиум распустили без его согласия, а теперь даже в шахматах у него не было преимущества. Он взглянул на искусно сделанные фигуры, красота и совершенство которых волновали его все больше. Нет, все было не так плохо, кардинал видел выход.

Перевес сил на королевском фланге должно вскоре возыметь действие. Это решающий поворот в игре, и преимущество теперь *обязательно будет* на его стороне. Может, необдуманый маневр противника внезапно обернется в его пользу. Еллинек решительно переставил ладью с e1 на e3. Действительно ли именно Штиклер его противник? Это безрассудство абсолютно не похоже на игру осторожного тактика, против которого всегда играл Еллинек.

Но Еллинек задумался о другом. В поисках «Книги молчания» он топтался на месте. Он просмотрел сотни архивных папок, множество книг в надежде, что за внешней обложкой скрывается еще один, истинный переплет. Все поиски были напрасны.

Уходя из *Sala ai merce*, он столкнулся со Штиклером и не смог удержаться от ехидства:

- Все выглядит не так уж и благоприятно для вас, брат во Христе!
- Что вы имеете в виду? – спросил Штиклер.
- Ваш ход, монсеньор!
- Я не понимаю вас, господин кардинал. Вы о чем?
- О нашей партии. Думаю, уже можно и сознаться.
- Извините, я не понимаю, о чем вы говорите, Ваше

Высокопреосвященство.

– Хотите сказать, что тот загадочный противник, с которым я играю уже не первую неделю, не вы?

Еллинек провел Штиклера сквозь высокую арку в *Sala di merce* и показал шахматную доску.

– И вы думаете, я бы... – начал Штиклер. – Должен вас разочаровать, Ваше Высокопреосвященство. Это прекрасная партия, но я не сделал в ней и хода.

Еллинек, пораженный, молчал.

– Кроме нас в стенах Ватикана есть и другие замечательные игроки. Возьмите хотя бы Канизиуса.

Еллинек отрицательно покачал головой:

– Это не его стратегия, я знаю, как он играет.

– Или, например, Франтишек Коллецки, или кардинал-государственный секретарь Касконе. Он замечательный, но смелый стратег, который может лихо подставить противнику подножку, как в жизни, так и в шахматах. В игре проявляется истинная природа человека. Все, кого я упомянул, – мастера, к тому же у всех есть возможность заглянуть сюда.

Еллинек вздохнул:

– То есть я уже долгое время играю против человека, которого не знаю.

Штиклер пожал плечами, и Еллинек задумался:

– В общем, меня это не удивляет. Мы часто не знаем наших настоящих противников.

– Мне вы можете доверять, Ваше Высокопреосвященство, – ответил Штиклер. – Я даже считаю, что вы *верите* мне, но *не доверяете*. А это большая разница. Так почему же вы не доверяете мне?

– Я доверяю вам, монсеньор, – ответил Еллинек. – Но это не место для искренней, доверительной беседы. Где мы можем поговорить, чтоб нам не помешали?

– Пойдемте, – ответил Штиклер. Они отправились в квартиру камердинера.

Штиклер жил в маленькой квартирке в особняке понтифика. По сравнению с помпезными апартаментами кардиналов она казалась весьма скромной. Темная мебель была старинной, но недорогой. Собеседники сели на мягкий диван с потертыми подушками, и кардинал сообщил о том, что рассказал ему брат Бенно из монастыря немногословных монахов. О Сикстинской надписи, об удивительных вещах, лишивших его сна. Штиклер попросил кардинала рассказать подробнее, в чем дело.

Еллинек ответил, что брат Бенно передал ему копию письма Микеланджело, содержащего сведения о документах, которые он, Еллинек, не мог добыть. Он думает, что без них загадка останется неразгаданной, а надпись – расшифрованной неверно.

Камердинер спросил: как же копия письма оказалась у брата Бенно?

Еллинек ответил, что тот работал в Риме, исследуя творчество Микеланджело. Так уж случилось, что у него в руках оказался оригинал письма Микеланджело, полного таинственных намеков. Этот оригинал он передал папе Джанпаоло. Не помнит ли Штиклер об этом случае?

Штиклер несколько раз повторил имя брата Бенно и наконец вспомнил, что это имя ему известно. Да, он видел однажды на письменном столе Его Святейшества какое-то очень старое письмо. Джанпаоло тогда много времени проводил в секретном архиве, и Штиклер решил, что письмо оттуда. Он не придавал этому письму большого значения. Джанпаоло готовился к новому собору. Но Штиклер попросил о сохранении этой информации *specialissimo modo*.

– Церковный собор? – Еллинек пришел в ужас. Он никогда не слышал об этом намерении Иоанна Павла I.

– И не мог слышать, – ответил Штиклер. – Джанпаоло так и не огласил своих планов. Кроме Касконе, Канизиуса и меня, никто не знал о них. – В словах камердинера прозвучала гордость. Касконе и Канизиус были яркими противниками собора. Он не раз слышал, как они убеждали понтифика, что это навредит Церкви. Они даже смели противоречить Джанпаоло, и несколько раз дело доходило до ссоры. Хотя двери были закрыты, он все же слышал взаимные обвинения и взволнованные голоса. Джанпаоло настаивал на своем. Он должен был созвать собор. Но за день до оглашения своих планов во всеуслышание он умер при загадочных обстоятельствах.

Еллинек удивился, что преемник Иоанна Павла I не продолжил готовить созыв собора. Штиклер заметил, что это было невозможно уже потому, что все документы и проекты бесследно исчезли. Штиклер точно знал, что Джанпаоло вечером, накануне смерти, работал над ними, собираясь реорганизовать курию.

– Не считаете ли вы, что документы могли быть украдены?

Штиклер был в этом уверен. Монашка, нашедшая утром Джанпаоло мертвым, сказала, что в руках он держал документы. Но в официальном некрологе о его смерти говорилось, что Джанпаоло умер за чтением книги. Монашке сразу же закрыли рот и сослали в отдаленный монастырь.

– У меня, – заговорил Еллинек после долгого молчания, – появились ужасные подозрения. Кроме вас об этих намерениях знали только два человека, два ярых противника его планов, так как папа собирался снять их с должностей... Его смерть... именно в этот момент... Исчезнувшие документы... Вывод напрашивается сам собой... Касконе и Канизиус... Они обязаны были... Нет, я не решаюсь произнести это вслух.

– Я согласен с вами, – сказал Штиклер, – но абсолютно нет доказательств, и поэтому я должен молчать.

Еллинек прокашлялся:

– Беллини недавно упоминал о секретной ложе. Вы знаете о ней?

– Разумеется.

– Он заявил, что некоторые представители курии также состоят в этом обществе. Как вы считаете, эти двое имеют к ней какое-то отношение?

– Я совершенно уверен. Есть реестр членов ложи, и я слышал, что в нем – оба имени. Наверное, ваши исследования показались им угрозой, и они послали вам предупреждение. Тот, кто виновен в исчезновении тапочек и очков папы, и послал эти вещи.

– Я не могу поверить. Все это чересчур ужасно. Монсеньор, что же должно было стать темой этого собора?

– Речь шла о воскресении Иисуса.

– Воскресение Христа? И письма, и документы, над которыми работал папа, исчезли в ночь его гибели?

– Не сразу, – ответил Штиклер. – Отчетливо это помню: как камердинер папы, я должен был разобрать бумаги на его письменном столе. Я нашел несколько старинных папок, писем и одну иудейскую рукопись. Папа денно и нощно сидел над этим документом, и, когда я входил, закрывал его.

– О какой рукописи шла речь, вы не вспомните?

– К сожалению, Ваше Высокопреосвященство... Тогда я не придавал этому значения. Мне это не казалось важным. С другой стороны, торопил Касконе: стол нужно было разобрать как можно скорее, до вечера. Поэтому последние документы, над которыми работал папа, я оставил в качестве его наследия.

– А где же все это находится?

– В архиве, там, где сберегается наследие всех понтификов.

Еллинек вскочил:

– Штиклер, так вот же в чем дело! Вот почему мне не удалось найти эти документы в секретном архиве, где им самое место и где они были изначально.

В ночь со Страстной субботы на Пасху

Страстная пятница не принесла спокойствия и умиротворенности в душу кардинала. Удастся ли ему отыскать «Книгу молчания»? Над этим вопросом он думал даже во сне. Если бы только Штиклер оказался прав! По крайней мере, это было единственным логичным доводом: ODESSA вернула документы Ватикану в благодарность за организацию «монастырского пути». Там они пребывали в *Riserva*, вдалеке от всех. Там бы они и остались, непознанные и забытые, потому что секретный архив – это своеобразный склеп для документов, которые должны оставаться тайной. Ведь имя Абулафии не фигурирует в архиве, а значит, тайна навечно осталась бы нераскрытой, если бы брат Бенно не доложил Джанпаоло о своих исследованиях. Вероятно, Джанпаоло ознакомился с трудами Абулафии из архива и решил созвать собор.

Что же такого, *domine nostrum*, было в «Книге молчания», что папа решился на такой принципиальный шаг. Ясно было одно: он поплатился за это жизнью. Казалось, таинственная рукопись будто сама просилась в мир. Сначала она хранилась в монастыре на Авентинском холме, затем – в секретном архиве, теперь – в наследии папы. Ведь при обычных обстоятельствах никто никогда не увидел бы ее. Да и кто имел доступ к этой части архива?

Еллинек не мог дожидаться, когда во вторник после Пасхи архив откроют. Он обязан получить ответы на свои вопросы сейчас, в Страстную субботу. Вызвав ключника, он сообщил, что проводит важное исследование, поэтому служитель должен отдать ему ключ и оставить одного. Кардинал пошел к двери архива Ватикана, она вела в комнату, где он никогда раньше не был. С каждым шагом его волнение росло. На минуту он замер в нерешительности, прежде чем повернуть ключ в замке. Что его ждет? Какую ужасную истину он узнает? Наконец он уверенно открыл тяжелую дверь.

Комната была ему незнакома. Сначала кардинал подождал, пока глаза не привыкнут к темноте. Все напоминало склеп. Металлические ящики и коробки вдоль стен. Станный затхлый запах. Пахло не бумагой и кожаными переплетами, как в *Riserva*. Эта комната была усыпальницей документов, самых интимных, принадлежавших некогда понтификам. На каждом из металлических ящиков было написано имя: Лев X, Пий XII, Иоанн XXIII – и так в прямой последовательности. А затем он заметил и

имя Иоанна Павла I на простой медной крышке, незамысловатой, как жизнь самого папы.

Еллинек бережно вынул ящик и поставил его на стол. Коричневатый ящик был шириной около полуметра и длиной в метр. Некоторое время кардинал смотрел на него. Он был так близок к истине, но мужество, казалось, покинуло его. Еще мучительнее был страх перед неизвестным. Что его ждет? Какая правда ему станет известна? Имел ли он право трогать документы понтифика?

Если Господь пожелал, чтобы рукопись была утеряна и забыта, смел ли он возвращать ее на свет божий? Нес ли он за это ответственность? Решится ли он, не посвящая никого, в одиночестве вести здесь исследования? Разве не должен он был рассказать все участникам консилиума?

Все эти мысли проносились в голове кардинала. Меж тем он уже сломал печать. Внутри лежали письма, документы и исписанные листы. Здесь действительно находился оригинал письма Микеланджело к Асканио Кондиви. Руки кардинала тряслись: на дне ящика лежал толстый пергаментный свиток. Вынув его, он сразу узнал древнееврейские буквы. Бумага пожелтела от времени, на титульном листе надпись – «Книга молчания».

Рукопись разбирать было сложно. Еллинек внимательно стал вчитываться:

«Я, имярек и незначащий, получил от моего учителя это знание, которое ему дал его учитель, а тому – свой, с заветом передать это знание дальше тому, кто достоин и талантлив, и чтобы эти достославные люди передавали истину далее, чтобы она никогда не утратилась». Кардинал узнал стиль каббалиста Абулафии и продолжил читать текст – строку за строкой. «Я задумал данную книгу, – писал Абулафия, – потому что, преследуемый инквизицией, я сомневался: удастся ли мне передать тайну изустно. Но она не может уйти в небытие. Тогда я решился передать известные мне знания в виде послания. Тому, кто не является каббалистом, запрещено под угрозой проклятия Всевышнего читать "Книгу молчания"».

Это примечание пробудило еще большее любопытство кардинала. Он жадно читал, так быстро, как мог: о крепости веры и о древних традициях. Кардинал долго не мог понять, что же каббалист намеревается сообщить. Но вот он наконец дошел до самого сердца рукописи: «Я открою эту тайну людям во благо, дабы направить их к вере истинной, чтобы постигли они полноту знания и отреклись от заблуждений. Иисус, которого мы считаем пророком смертным, не восстал из мертвых на третий день, как верят те,

кто считает его сыном Господа. Люди, преданные учению каббалы, выкрали тело его и отвезли в Сафед, что в Верхней Галилее, где Шимон бен Ерухим похоронил его в собственном склепе, дабы положить конец культу, зародившемуся со смертью назаретянина. Никто не полагал, что сие возымеет обратное действие. Приверженцам пророка только это и было нужно: провозгласили они, что Иисус воскрес и вознесся на небеса». Затем следовал список из имен тридцати людей, которые в свою очередь передали тайну своим преемникам.

Еллинек положил рукопись. Потом вскочил, глубоко вздохнул и расстегнул верхнюю пуговицу сутаны. Затем вновь опустился на стул, снова взял рукопись и поднес к глазам как можно ближе, снова, на этот раз вслух, прочел этот абзац, словно звук собственного голоса подтверждал правоту слов. Он прочел в третий, в четвертый раз, уже крича, как в трансе. Кардинала обуял парализующий ужас, казалось, он задохнется. Вот какую истину хотел скрыть папа Николай III! Вот что узнал Микеланджело от каббалистов! Этой правды курия так боялась, что поддалась шантажу нацистов. Это была истина, узнав которую папа Джанпаоло решил провести Церковный собор.

Подумав об этом, Еллинек уронил рукопись на стол будто держал головню. Руки его тряслись. Он почувствовал, как глаз задергался от тика. Кардинал с испугом подумал, что задохнется. Забыв о рукописи, он выбежал из комнаты. Подгоняемый ужасом, он бродил по коридорам, залам и галереям. Роскошь, которая окружала его, показалась безвкусной и пустой оболочкой. Бесцельно блуждал он по безлюдному Ватикану. Кардинал не любовался больше твореньями Рафаэля, Тициана и Вазари, потерял ощущение времени. Он шел, сам не зная куда. В его голове проносилась мысль: если Иисус не воскрес, тогда все, что его здесь окружает – *мираж*. Если Иисус не воскрес, то главный догмат католической веры подорван. Все было напрасно, все было лишь гигантской катастрофой. Еллинек представил мрачный сценарий: миллионы людей, утративших надежду, отменяют все нормы морали. Нужна ли им такая правда от Еллинека?

Он поднялся по лестнице в башню Борджиа, оставив за собой зал сивилл и пророков, и оказался в *Sala del Credo*,^[144] на люнетах которого попарно изображены пророки и апостолы. В руках у них – свитки с цитатами из Евангелия: Петр и Иеремия, Иоанн и Давид, Андреи и Исая, Иаков и Захария... Еллинек попытался прочесть «*Credo*», но это ему не удалось, и он поспешил дальше.

В Зале святых он вдруг замер. Если он положит «Книгу молчания»

туда, откуда взял, в ящик с документами Джанпаоло, о ней забудут, возможно, на пару столетий а может, и на целую вечность. Но уже через минуту он отказался от этой мысли. Разве так решается эта проблема? Волнение заставило кардинала пойти дальше. Он думал о пророке Иеремии, которого Микеланджело изобразил с собственным лицом, лицом знающего. Вокруг Иеремии – фигуры не святых, а язычников. Сделал он это намеренно. Уж лучше бы кардинал не открывал ящик с документами Джанпаоло!

Наступила ночь, пасхальная ночь. Из Сикстинской капеллы доносились хоралы во славу Господа. Он слышал звуки и хотел принять участие в церемонии, но не смог. Еллинек бродил по пустым коридорам и вслушивался в песнопения, раздававшиеся из Сикстинской капеллы.

Mi-se-re-re^[145] – отдавалось эхом в голове кардинала, *voci forzate*^[146] небесной чистоты, голоса кастрированных певцов, заглушаемые металлическими тенорами, вступающие печальные басы, каждый полон любви и боли. Кто бы ни слушал во время *Triduum sacrum*^[147] исполняемые псалмы, когда свечи на мгновение гаснут, символизируя то, что все покинули Христа, когда понтифик преклоняет колени у алтаря в полнейшей тишине, пока не прозвучат первые слова. И потом все громче и громче зазвучит многоголосое «*Christus/actus est*».^[148] Кому довелось пережить однажды эту *musica sacra*, тот до конца жизни ее не забудет: без сопровождения органа, а капелла, только чистые голоса, нагие, как фигуры Микеланджело, они трогают до слез, волнуют, как ливень, вызывают жажду и пробуждают желание, как Ева на фреске флорентийца – *miserere*.

Сам не зная как, Еллинек вернулся в библиотеку Ватикана, туда, где все началось. Он открыл окно и глотнул свежего воздуха. Слишком поздно он понял, что это и есть то самое окно, на котором повесился отец Пио. И, вдыхая ночной воздух под звуки церковной музыки, похожие на заубойный плач, кардинал ощутил головокружение. Звуки хорала крепи, восхваляя Господа Иисуса, который вознесся на небо, близилась кульминация. Еллинек слегка наклонился. Совсем немного, но достаточно для того, чтобы потерять равновесие. Во время падения его заполнило счастье. Потом он больше ничего не чувствовал.

Сторож, который наблюдал эту сцену, позже сообщил, что кардинал во время падения вскрикнул. Он был не вполне уверен, но, кажется, кардинал воскликнул: «Иеремия!»

О грехе молчания

Так окончилась история, которую мне рассказал брат Иеремия. Пять дней кряду мы встречались в райском саду монастыря. Пять дней я слушал его в садовом домике и не решался задать ни единого вопроса. Монастырский сад, садовый домик и монах с окладистой бородой стали близки мне. Брат Иеремия с каждым днем все больше доверял мне. Если в первый день нашего знакомства он говорил сдержанно, останавливаясь, то день ото дня речь его лилась все свободнее. Иногда мне казалось, что он торопится прервать повествование, опасаясь, что нас могут разоблачить.

На шестой день я снова поднялся в сад по каменной *лестнице*. Шел дождь, но сад был еще прекраснее. Цветы, полные капель воды, наклонились к самой земле. Я с радостью спрятался в тени домика. В тот день мне хотелось задать брату Иеремии много вопросов, но он не явился. Я не знал, что же случилось, что могло помешать брату Иеремии прийти. Весь день я просидел в беседке один на один со своими мыслями. Дождь барабанил по крыше. Что мне делать? Может, спросить о брате Иеремии в монастыре? Но это вызовет подозрения и навредит брату Иеремии.

Поэтому я дождался наступления седьмого дня. Солнце засияло снова. Я очень надеялся, что вчера нашей встрече помешал дождь. Но Иеремия не появился и на седьмой день. Я вспомнил, как он говорил, что если бы мог, то сбежал бы. Но как парализованный мог сбежать?

Из монастырской церкви доносились вечерние песнопения. Был ли там брат Иеремия? Я ждал окончания службы, затем направился прямо в монастырь. Один из монахов, которого я встретил в коридоре, показал мне путь к келье аббата. Тот сидел в просторной холодной комнате с деревянным полом, окруженный древними фолиантами, под растением, достигавшим потолка. Пожилой лысый человек в очках без оправы.

Я как можно более обстоятельно описывал аббату встречу с Иеремией, но он меня прервал, спросив, зачем я это ему рассказываю. Я не понял его вопроса.

Я ответил, что все это услышал в течение пяти дней в этом монастыре от брата Иеремии, который находится здесь не по своей воле.

Брат Иеремия? В этом монастыре нет никакого брата Иеремии, как не существует и парализованного в инвалидном кресле.

Меня будто громом поразило, и я поклялся аббату, что говорю правду, что Иеремии не дают общаться с людьми, что с ним обращаются как с

сумасшедшим. Но ведь Иеремия не сошел с ума, я был в этом уверен.

Аббат смотрел на меня маленькими глазками, качал головой и молчал. Но я не унимался. Все это вполне могло быть связано с рассказанной мне таинственным монахом историей. Мне кажется, имя брата Иеремии является лишь прикрытием, я подозревал, что под личиной брата Иеремии скрывается кардинал Еллинек, префект Конгрегации доктрины веры, который, доведенный членами курии до самоубийства, все же выжил.

Аббат остался глух к моим словам, встал, направился к полке с книгами и достал газету. Он развернул ее передо мной на столе и молча указал на заметку на первой странице. Номер вышел вчера. Заголовок гласил:

СИКСТИНСКАЯ НАДПИСЬ – ПОДДЕЛКА

Рим. Надпись, обнаруженная реставраторами в Сикстинской капелле в Риме, оказалась подделкой. При очистке фресок Микеланджело на сводах капеллы художники обнаружили отдельные буквы, вызвавшие волнения и слухи в Ватикане. Для их исследования был созван специальный консилиум. Микеланджело начертил на своде капеллы, возведенной еще при папе Сиксте IV (1475–1480), таинственную надпись. Как заявил вчера на пресс-конференции в Риме председатель консилиума, префект Конгрегации доктрины веры Йозеф Еллинек, непонятные знаки были нанесены во время реставрации в прошлом столетии. Таким образом, их связь с художником Микеланджело Буонарроти можно полностью исключить. Во время реставрационных работ буквы были удалены. Новым руководителем реставрационных работ в Сикстинской капелле был назначен генеральный директор музеев Ватикана профессор Антонио Паванетто.

Под статьей была фотография кардинала Еллинека, сделанная на пресс-конференции.

Я глубоко вздохнул.

Аббат предположил, что мне привиделось все это: встреча с монахом,

его истории.

– Нет, нет! – воскликнул я. – Пять дней подряд я встречался с братом, слушал его, помню его лицо и каждую морщинку, отличу звучание его голоса от любого другого. Это был не сон, брат Иеремия действительно существовал, он был парализован и беспомощен, а днем какой-то другой брат привозил его в кресле в монастырский сад. Ради Бога, это же было на самом деле! Лысый аббат все твердил, что я ошибаюсь. Если бы в монастыре жил парализованный, он бы точно знал об этом.

Меня охватила беспомощная ярость, я почувствовал то, что должен был ощутить брат Иеремия. Я ушел от аббата не простившись и направился по длинному коридору вниз, к каменной лестнице. Через узкую дверь я вышел в сад. Источник журчал и искрился, как всегда. Двое братьев в серых одеждах сметали следы, оставленные креслом-каталкой.

С тех пор меня не оставлял вопрос, как мне быть: говорить или молчать. Имею ли я право рассказать о той тайне, что доверил мне монах? Слова, бесспорно, могут быть греховными. Но и молчание тоже.

Многое из того, что касается этой истории, останется тайной, которая никогда не будет раскрыта. До сих пор у меня нет объяснения, почему не была стерта буква «А», начальная от слова ABULAFIA, на свитке у ног Иеремии. Любой, у кого есть глаза, может увидеть ее там и сейчас.

notes

Примечания

1

Галерея с крестовыми сводами, открытые проемы которой обращены на двор, (*Примеч. пер.*)

2

Орден святого Бенедикта (*лат.*).

3

Живопись по сухой штукатурке красками, в которых используются различные связующие вещества (яйцо – в темперной живописи; масло; клей; известковая вода). Технику «а секко» живописец использует для окончательной ретуши. *(Примеч. пер.)*

4

В силу занимаемой должности (*лат.*).

5

Особой важности (*итал.*).

6

Чрезвычайной важности (*итал.*).

7

Да будет так. Папа Григорий XIII (*лат.*)

8

Подраздел, подкласс (*итал.*).

9

Закрытое хранилище (*итал.*).

10

Писари, переписчики (*итал.*).

11

Папки (*итал.*).

12

Слава Иисусу Христу! *(лат.)*

13

Зал реестров и каталогов (*итал.*).

14

О данных свободах, о различных формах, о знаниях, о полном прощении (*лат.*).

15

Надзиратель за реестром папских постановлений (*лат.*).

Архив Гарампи (*итал.*).

17

О юбилее (*лат.*).

Доступных привилегиях (*лат.*).

19

Слова улетают, написанное остается (*лат*).

Я верю, потому что это противно разуму (*лат.*) – девиз некоторых Отцов Церкви.

21

Пылающий огонь (*лат.*).

Религия обезлюдела (*лат.*).

Древо жизни – украшение церкви (*лат.*).

Пророчество о папах святого архиепископа Малахии (*лат.*).

25

Краса лебедей (*лат.*).

26

Странствующий апостол (*лат.*).

Свет на небе *(лат.)*

Пастырь и мореход (*лат.*)

29

Скульптор (*итал.*)

Художник *(итал.)*.

31

Во имя Иисуса Христа *(лат.)*

Jesu domine nostrum! – Иисус Господь наш! (лат.)

Terra incognita – неизведанная земля (лат.)

Кардинал Карафа, после избрания понтификом – Павел IV (*Примеч. пер.*)

Во имя Господа! *(лат.)*

Святая святых (лат.).

В блаженном ликовање (*лат.*).

Школяр, ученик (*итал.*).

Верующему все под силу (*лат.*).

Донатто Браманте – основоположник и крупнейший представитель архитектуры Высокого Возрождения (*Примеч. пер.*).

Перуджино Пьетро – итальянский живописец (1446–1524). (*Примеч. пер.*)

Гирландайо, или Джирландайо, Доменико – итальянский живописец флорентийской школы (1449–1494). *(Примеч. пер.)*

Росселли Козимо – итальянский живописец (1439 – ок. 1507). (*Примеч. пер.*)

Боттичелли Сандро – итальянский живописец, флорентиец (1445–1510). *(Примеч. пер.)*

45

Больничное отделение (*итал.*).

46

Там доказал я краской (*лат.*).

КПИ – Коммунистическая партия Италии. *(Примеч. пер.)*

Джованна – молодая (девушка) (*итал.*).

49

Господь милостивый (*лат.*).

Итальянская народная песня про фуникулер.

Novescento Italiano – новеченто (*итал.*), итальянское название искусства XX в.

Господь наш.

Евангелие от Луки (15:1–7).

Псалом 69 (2–6).

Песнь песней (4:1–5).

Общество Иисуса – другое название орден иезуитов (Католический монашеский орден). *(Примеч. пер.)*

Историческое название католического монашеского ордена, основанного буллой папы Александра IV (1256). {Примеч. пер.)

Сервиты (слуги Пресвятой Девы Марии, Ordo servorum beatae Mariae virgiis, братья страданий Иисуса, братья Ave Maria, орден из Монте-Сенарио) – нищенствующий орден; основан в 1233 г. для прославления Девы Марии аскетическими подвигами. (*Примеч. пер.*)

Из малого извлекать большое, из наименьшего извлекать максимум
(лат.).

60

Каким угодно образом (*лат.*).

61

Дело, случай (*лат.*).

Необходимо неукоснительно принимать, что все доказанное светскими учеными мы излагаем как не противоречащее святым писаниям, если все же что-то в их учениях противоречит священным писаниям, мы несомненно будем считать это ложью, каждый обязан следовать этому правилу любым способом (*лат.*).

Providentissimus Dem – Господь предвидящий (*лат.*).

Accessorium sequitur principale – дело второстепенное следует за делом главным (*лат.*).

К вящей славе Божией (*лат.*), девиз Игнатия Лойолы.

Орден иезуитов (*лат.*).

Ее же называют вавилонской сивиллой. *(Примеч. пер.)*

Абрасакс (Абраксас, Абракас) – существо с петушиной головой, эллинистический бог, которого часто называли Демиургом. Ему сопутствует солнечная символика. *(Примеч. пер.)*

Meithras – греческая форма имени иранского солнечного бога Митры, культ которого был чрезвычайно популярен в эпоху упадка Римской империи. (*Примеч. пер.*)

70

Иисус.

Автократ император Дометиан Себастос Германский (*греч.*).

Верхняя терраса Бельведера. *(Примеч. пер.)*

Двор Сан-Дамазо в Ватикане (*итал.*).

Слава Иисусу Христу (*лат.*).

Месса папы Марцелла (*лат.*).

Палестрина (наст. имя – Джованни Пьерлуиджи) – итальянский композитор, автор церковной музыки. (*Примеч. пер.*)

При полном параде (*итал.*).

Не говорить, а действовать (Сенека) *(лат.)*.

«Исчислено, взвешено, разделено» – рукописание, начертанное на стене таинственным образом во время пира вавилонского царя Валтасара, якобы предрекающее его гибель и падение Вавилона. (*Примеч. пер.*)

Так (коротко) я процветал (*лат.*).

Вещественные доказательства (*лат.*)

Радуйся, Мария, полная благодати... *(лат.)*

Достойный стать папой (*лат.*).

Упокойтса с миром (*лат.*).

Высшая судебная инстанция Ватикана. *(Примеч. пер.)*

Сретение в Римско-Католической церкви – праздник Очищения Девы Марии. *(Примеч. ред.)*

Официальное газетное издание Ватикана, «Римский Обозреватель»
(примеч. пер.)

К вящей славе Божией (лат.).

Приготовление к Евангелию (*лат.*).

Гематрия (*ивр.*) – один из трех методов раскрытия тайного смысла слова, записанного еврейским письмом. Суть метода заключается в использовании числового значения букв: складывая числовые значения букв слова, можно получить сумму-ключ к нему. (*Примеч. пер.*)

Нотарикон (от *арам.*) – аббревиатура, применяемая в иудейской традиции для сокращенной передачи имен и названий или же начальных букв слов в некоем предложении. (*Примеч. пер.*)

«Компендиум теологической истины» (лат.).

Радость в печали, вечная жизнь, сила для слабых, богатство для бедных, пища для голодных (*лат.*).

Страшно высказать (*лат.*).

Изопсефия (др. – греч.) – практика сложения числовых значений букв слова для нахождения итоговой суммы. (Примеч. пер.)

Невозможно, по долгу службы (*лат.*).

Отвращение к жизни (*лат.*).

Перевод А. М. Эфроса.

Проклятые Богом будут ввергнуты в геенну огненную (*лат.*).

В действительности Микеланджело Буонарроти умер 18 февраля 1564
(Примеч. пер.)

101

Господь Бог (*лат.*).

Господь Бог Саваоф (*лат.*).

Книга Иеремии 1:11–16, 18.

Избави меня, Господи, от смерти вечной в тот страшный день, когда содрогнутся земля и небеса (*лат.*).

Латеранские соглашения – система договоров между итальянским государством и Святым престолом. *(Примеч. пер.)*

Codex Juris Canonici (*лат.* Кодекс канонического права) – свод законов, составленный папской кодификационной комиссией и вступивший в силу 19 мая 1918 г. (*Примеч. пер.*)

Господи Иисусе Христе, Царь славы, избавь души всех усопших праведников и верных от мук преисподней и от бездны глубокой (*лат.*).

Упаси их от пасти льва, дабы не поглотил их ад и не были они ввержены во тьму. Но святой Михаил знаменосный представит их в священном свете: как некогда Ты обещал Аврааму и семени его (*лат.*).

Да светит ему вечный свет (*лат.*).

110

Он мертв, смерть наступила (*лат.*)

Первое послание Павла к Коринфянам (15:1–4).

112

К Римлянам (12:19)

В противоположность тексту Книги Иеремии (1:10). *(Примеч. пер.)*

Аллюзия на Книгу Иезекииля (23:1 – 10). *(Примеч. пер.)*

Аллюзия на Книгу Исаяи (44:1 – 20). *(Притч, пер.)*

Авраам бен Самуэль Абулафия – выдающийся еврейский мыслитель и каббалист, живший в Испании. Основал течение пророческой каббалы и провозгласил себя мессией. Желал встретиться с Папой Римским с целью обращения того в иудаизм. Папа, узнав об этом, распорядился казнить каббалиста, но умер в тот день, когда Абулафия прибыл в его резиденцию. *(Примеч. пер.)*

117

Отец наш, Которые на небесах (*лат.*).

Талмуд (*ивр*, «учение, учеба») – многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма. (*Примеч. пер.*)

Мишна – наиболее древняя часть Талмуда. *(Примеч. пер.)*

120

К делу (*лат.*)

Аз низведу воды на землю (*лат.*).

Марсилио Фичино – итальянский гуманист, философ и астролог основатель и глава флорентийской Платоновской академии. *(Примеч. пер.)*

Свод христианских догматов (основных положений веры). Символ веры *состоит* из двенадцати догматов и был утвержден на Первом и Втором Вселенских соборах (Никейском в 325 г. и Константинопольском в 381 г.). (Примеч. пер.)

Верую в единого Бога Отца Вседержителя (*лат.*).

Книга пророка Даниила (12:13).

Книга пророка Исаяи (9:6).

Десница Господня (*лат.*).

Увидишь Меня сзади (*лат.*).

131

Бытие (6:13)

Бытие (9:20–21).

Первое послание Павла к Коринфянам (14:29–32)

Книга Иеремии (15:17–18).

Книга пророка Иеремии (1:1–2).

Книга пророка Иеремии (1:4–5).

Общая богословская теория морали вниманию определенных теологов и каноников с практическими примерами применения, издано высокоуважаемым и виднейшим доктором Леонардо Янсенем из ордена премонстратенцев (*лат.*).

Понятными словами (*лат.*).

Первое послание к Коринфянам (15:3–4).

Первое послание к Коринфянам (15:17–18; 15:22).

Первое послание к Коринфянам (15:32).

143

Добрый вечер, синьора (*итал.*).

Зал вероисповеданий (лат.)

Сжался над нами (*лат.*).

Громкие голоса (*итал.*).

Священные обряды, продолжающиеся в течение трех дней (*лат.*).

Христос воплотился в священное песнопение *(лат.)*.

Table of Contents

[Филипп Ванденберг Сикстинский заговор](#)

[Предисловие от издательства](#)

[Действующие лица](#)

[О жажде повествования](#)

[Книга Иереми](#)

[На Крещение](#)

[На следующий день после крещения](#)

[В праздник папы Марцелла](#)

[Двумя днями позже](#)

[Между вторым и третьим воскресеньем после Крещения](#)

[В день обращения апостола Павла](#)

[На четвертое воскресенье после Крещения](#)

[Четвертое воскресенье после Крещения. В тот же день](#)

[Сретение Марии\[86\]](#)

[Понедельник после Сретения](#)

[Предположительно в Прощеное воскресенье](#)

[В среду на первой неделе Великого поста](#)

[В следующий четверг](#)

[Перед первым воскресеньем Великого поста](#)

[Понедельник после первого воскресенья Великого поста](#)

[В течение следующих суток](#)

[В праздник апостола Матфея](#)

[Во второе воскресенье Великого поста](#)

[В понедельник после второго воскресенья Великого поста](#)

[В следующий вторник](#)

[В среду второй недели Великого поста](#)

[В ту же среду на второй неделе Великого поста](#)

[Пятница во вторую неделю Великого поста](#)

[После третьего воскресенья Великого поста](#)

[На неделе между третьим и четвертым воскресеньями Великого поста](#)

[В день после четвертого воскресенья Великого поста и на следующее утро](#)

[В праздник Святого Иосифа](#)

[В понедельник после пятого воскресенья Великого поста](#)

[Благовещение](#)

[В понедельник на Страстной неделе](#)

[Во вторник на Страстной неделе](#)

[В среду на Страстной неделе](#)

[В Чистый четверг](#)

[В ночь со Страстной субботы на Пасху](#)

[О грехе молчания](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)

[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)

[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)